

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

ШИБАНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

НАРЕЧИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор И. В. Тараканов

Ижевск 2011

Содержание

0. Введение.....	5
0.1. Общая характеристика исследования.....	5
0.2. Признаки выделения наречия, как части речи.....	10
0.3. История изучения наречий в удмуртском языке	20
Глава 1. Лексико-семантические разряды удмуртских наречий.....	41
1.1. Обстоятельственные наречия.....	49
1.1.1. Наречия времени.....	49
1.1.2. Наречия места.....	57
1.1.3. Причинно-целевые наречия.....	65
1.1.4. Многозначность обстоятельственных наречий.....	67
1.2. Определительные наречия.....	69
1.2.1. Наречия образа или способа действия.....	70
1.2.2. Наречия степени.....	72
1.2.3 Наречия меры и количества.....	75
1.3. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова.....	78
1.4. К вопросу о категории состояния.....	84
Глава 2. Морфологическая структура наречий.....	90
2.1. Словообразовательная система наречий удмуртского языка.....	90
2.1.1. Морфологический способ образования наречий. Аффиксация.....	97
2.1.1.1. Производные с суффиксом <i>-ак/ -як</i>	98
2.1.1.2. Производные с суффиксом <i>-быт</i>	101
2.1.1.3. Производные с суффиксом <i>-скын</i>	102
2.1.1.4 Производные с суффиксом <i>-бытскын</i>	104
2.1.1.5. Производные с суффиксом <i>-ой (-ёй)</i>	104
2.1.1.6. Производные с суффиксом <i>-ойскын (-ёйскын)</i>	105
2.1.1.7. Производные с суффиксом <i>-эн (-ын), -ын</i>	106
2.1.1.8. Префиксальный способ образования наречий.....	108

2.1.1.8.1. Производные с префиксом <i>оло-</i>	108
2.1.1.8.2. Производные с префиксом <i>коть-</i>	109
2.1.1.8.3. Производные с префиксом <i>но-</i>	110
2.1.2. Синтаксический способ образования наречий.....	111
2.1.2.1. Образование наречий путем повторения или удво- ения основ.....	112
2.1.2.2. Образование наречий через основослияние.....	120
2.1.2.3. Наречные выражения.....	124
2.1.3. Морфолого-синтаксический способ образования на- речий.....	129
2.1.3.1. Адвербиализация.....	129
2.1.3.1.1. Инструменталь.....	130
2.1.3.1.2. Датив.....	131
2.1.3.1.3. Инессив.....	132
2.1.3.1.4. Элатив.....	134
2.1.3.1.5. Иллатив.....	135
2.1.3.1.6. Аппроксиматив.....	136
2.1.3.1.7. Эгрессив.....	138
2.1.3.1.8. Пролатив.....	139
2.1.3.1.9. Терминатив.....	141
2.1.3.1.10. Адвербиализация деепричастий.....	141
2.1.3.2. Конверсия.....	145
2.1.4. Заимствованные наречия.....	152
2.2. Некоторые морфологические признаки наречий в удмуртском языке.....	154
2.3. Степени сравнения наречий.....	157
2.4. Степени качества наречий.....	168
Глава 3. Синтаксис наречий.....	174
Заключение.....	193
Список сокращений.....	200

Библиографический список.....	201
Источники исследования.....	215
Приложение 1.....	221
Приложение 2.....	225
Приложение 3.....	230
Приложение 4.....	234

0. Введение

0.1. Общая характеристика исследования

Положение наречия в грамматической и словообразовательной системе самых разных языков – индоевропейских, тюркских, финно-угорских и др., – связано, как указывают специальные исследования лингвистов, с длительным формированием этого класса слов в качестве самостоятельной части речи. Этот процесс в общем виде заключался в переносе адъективных характеристик ситуации, выраженных в имени или при имени, на глагол. По большей части, это не сопровождалось выработкой собственных, т. е. наречных словообразовательных средств. Поэтому наречия в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, за исключением ряда производных наречий, имеющих специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи. Морфологически они трудно отличимы, или совсем не отличимы, с одной стороны – от прилагательных, с другой – от локативных форм имен, а также от служебных частей речи, с третьей – от деепричастных форм глагола.

Категория наречия во многих языках является наиболее дискуссионной частью речи. Несмотря на то, что некоторые вопросы удмуртского наречия рассматриваются в школьных и вузовских учебниках, научных статьях, наречие в удмуртском языке до настоящего времени системно не описано. Отсюда актуальность темы исследования, с одной стороны, в монографическом исследовании наречий в удмуртском языке, с другой – в создании единой концепции по данной грамматической категории, которая опирается на общую теорию частей речи, и на понимании, которое учитывает

семантические, лексические, морфологические и синтаксические особенности удмуртского наречия.

Исследование названных вопросов является в настоящее время актуальным для составления нормативной грамматики удмуртского языка. Таким образом, выбор данной темы и ее актуальность обусловлены недостаточной изученностью этой сложной части речи в удмуртской морфологии.

Объектом исследования являются наречия удмуртского языка, представленные как в словарях, грамматиках, так и в художественных, публицистических текстах.

Предметом исследования являются особенности наречий удмуртского языка. Основные черты грамматического своеобразия наречия в изучаемом языке понимаются нами следующим образом: во-первых, оно является неизменяемым знаменательным словом; во-вторых, в большинстве случаев определяет глагол, в меньшинстве – прилагательное, а также само наречие; в-третьих, обладает сложной системой словообразования; в-четвертых, употребляется преимущественно в функции обстоятельственных слов.

Целью исследования является анализ морфологических, семантических и синтаксических средств выражения категории наречия в удмуртском языке.

В работе ставятся следующие **задачи**:

- проследить историю изучения наречий в удмуртском языке с первых грамматик, вышедших в XVIII в., до настоящих дней;
- дать анализ лексико-грамматической природы наречий удмуртского языка;
- проанализировать словообразовательные особенности наречий;
- дать полное описание систем категорий степеней сравнения и степеней качества наречий удмуртского языка;
- по возможности выяснить все синтаксические функции наречий удмуртского языка.

Теоретической и методологической базой послужили труды отечественных русистов, тюркологов и финно-угроведов: В. В. Виноградова, А. А. Шахматова, И. А. Щербы, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. К. Дмитриева, С. А. Гочияевой, Б. А. Серебренникова, К. Е. Майтинской, М. Г. Трощевой, Г. В. Федюновой, Н. А. Колеговой, А. Н. Гвоздева, В. М. Вахрушева и др.

Методы исследования. Изучение наречия проводилось на основе синхронного анализа собранного материала, при этом применялись структурно-семантический, сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический и описательный методы.

Источники исследования. Основным материалом для исследования послужили оригинальные тексты публицистической и художественной литературы на удмуртском языке (собрано свыше 2000 примеров). Также привлекались диалектные материалы анализируемого языка. Все удмуртские примеры даны с переводом на русский язык. В тех случаях, когда смысловой перевод на русский язык грамматики далек от оригинала, дается буквальный перевод слова/конструкции.

Привлекаются материалы родственных финно-угорских языков, а также типологические параллели по неродственным языкам.

Научная новизна заключается в том, что в диссертации наречия современного удмуртского языка впервые описываются в монографическом плане:

- 1) исследована в полном объеме история изучения наречий в удмуртском языкознании;
- 2) рассмотрена теоретическая основа выделения наречия как части речи в удмуртском языке;
- 3) в работе подробно представлена лексико-семантическая классификация наречий;
- 4) словообразование наречий изучено системно с включением всех его способов;

5) охарактеризована категория состояния удмуртского языка, описаны ее основные отличия от грамматической категории наречия;

6) наиболее в полной мере представлены категории степеней сравнения и степени качества наречий;

7) проанализированы все основные синтаксические функции наречий.

Теоретическая значимость. В диссертации подробно рассматриваются морфологические, лексико-семантические, словообразовательные и синтаксические особенности наречия, что имеет общетеоретическое значение для удмуртского языкознания и финно-угроведения в целом.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования имеют прикладное значение для преподавания удмуртского языка; они могут быть использованы при составлении учебных пособий и грамматик для вузов, а также при написании академической грамматики удмуртского языка. Полученные теоретические выводы диссертации могут быть использованы при исследовании типологии финно-угорских и других языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1) как и в других финно-угорских языках, удмуртское наречие выделяется как самостоятельная часть речи. Подводимые под эту категорию слова образуются от различных частей речи, вследствие чего сохраняют семантические и структурные связи с мотивирующими словами;

2) в рассматриваемом языке наречия делятся на обстоятельственные и определительные;

3) спецификой удмуртского наречия является сформированность собственно удмуртских средств морфологической деривации с помощью суффиксов *-быт*, *-ой* (*-ёй*), *-скын* (*-кын*), *-бытскын*, *-ойскын* (*-ёйскын*), *-ак* (*-як*), *-эн* (*-ен*) и префиксов *коть-*, *оло-*, *но-*;

4) в удмуртском языке продолжает продуцировать образование наречий синтаксическими способами, а именно: а) образование наречий путем

повторения или удвоения основ; б) образование наречий через основослияние; в) переход в наречные выражения цельных сочетаний слов;

5) продуктивным способом образования наречий продолжает оставаться адвербиализация слов и форм слов других частей речи.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования апробированы в виде отдельных докладов на научно-практических совещаниях различного уровня, в том числе международных: X Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2004); XI Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Пермь, 2006); XXIII Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSCO (Саранск, 2007); Международной научно-практической конференции «Кузубай Герд и современность» (Ижевск, 2008); Международной научно-практической конференции «Россия и Удмуртия: история и современность», посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (Ижевск, 2008); XII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2008); Международной конференции «III Флоровские чтения» (Глазов, 2009); III Международной конференции по полевой лингвистике (Москва, 2009); XIII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 2008); Международной научной конференции «Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия», посвященной 65 летию М. Г. Атаманова. (Ижевск, 2010); всероссийских: III Всероссийской научной конференции финно-угроведов «История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов» (Сыктывкар, 2004); I Всероссийской молодёжной научной конференции «Молодёжь и наука на Севере» (Сыктывкар, 2008); Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры-славяне-тюрки: опыт взаимодействия (традиции и

новации)» (Ижевск, 2009); межрегиональных: I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста (Ижевск, 2005).

По теме диссертации опубликовано 12 научных работ, в том числе одна статья – в издании, рекомендованном ВАК РФ.

Основная цель исследования и вытекающие из нее конкретные задачи обусловили **структуру данной работы**, которая состоит из введения, трех глав и заключения, списка использованной литературы и приложений. В качестве приложений включены списки слов, отнесенных к наречиям, из книг “Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка” (1775), “Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года” (Кротов 1785) и “Краткой отяцкія грамматики опытъ” (Могилин 1786).

0.2. Признаки выделения наречия, как части речи

В античном и средневековом языкознании содержание понятия «наречие» сводилось к логической сути слова прилаголие – *adverbium*. “Слово наречие (греч. *epirrēma*, латинск. *adverbium*) собственно значит прилаголие (от *gēma*, *verbum* – глагол). Но еще А. А. Барсов в своей грамматике (XVIII в.) отмечал, что этимологический смысл термина наречие не соответствует позднейшим функциям этой категории: наречия относятся не только к глаголам, но и к другим частям речи” [Виноградов 1972: 272].

М. В. Ломоносов в “Российской грамматике” указывал, что наречия, выполняя функции обстоятельств, содержат в себе и идею обобщения [Ломоносов 1755: 180].

Так как основными частями речи М. В. Ломоносов [1755] считал имя существительное и глагол, то обо всех остальных частях речи он судил по их служебным функциям по отношению к этим основным. К этому сводятся и

его суждения о местоимениях, наречиях и междометиях, которые он объединяет по общности их основной функции – выражения краткости в передаче мысли.

Определение М. В. Ломоносовым этой обобщающей роли наречий, ведущей к лаконичности выражения мысли, было положительным шагом в учении о частях речи, по сравнению с традициями античного языкознания.

Однако в последующих работах по русскому языку, вплоть до середины XIX века, наблюдалась некоторая хаотичность и дифференциация частей речи, преобладало определение их сущности с точки зрения только логического содержания слова. Лишь в зависимости от вещественного значения слова части речи делились на знаменательные и служебные. Не было теоретического осмысления сущности той или иной части речи как грамматической категории.

Поэтому наречие в русском языке долгое время оставалось без определенного места в ряду знаменательных или служебных слов. Одни ученые относили наречие к служебным частям речи по признаку неизменяемости. Другие считали наречие промежуточной категорией между знаменательными и служебными частями речи: наречия, образованные от знаменательных частей речи, относились к знаменательным, а наречия, происхождение которых трудно было установить, относились к служебным частям речи.

Вопрос о частях речи занимает умы ученых с древнейших времен. Исследованиями в данной области занимались Аристотель, Яска, Панини, в русской лингвистике этим вопросом занимались Ф. И. Буслаев, К. С. Аксаков, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, Е. М. Галкина-Федорук и др., в тюркологии – Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, Н. И. Ашмарин, Н. А. Баскаков и др.

С выяснения вопроса о частях речи начинается грамматическое описание любого языка. Говоря о частях речи, имеют в виду грамматическую группировку лексических единиц языка, т. е. выделение в лексике языка

определенных групп или разрядов, характеризующих теми или иными признаками. Но на каком основании выделяют группировки слов, называемые частями речи?

Высказывание по вопросу о том, на чем основано распределение слов по частям речи, многочисленны, разнообразны, но очень часто эти признаки не ясны или суждения о них весьма противоречивы.

Выделяются отдельные части речи на основании присущего словам, относимым к данной группировке слов, одного ведущего признака, или они выделяются на основании совокупности разнообразных признаков, из которых ни один нельзя назвать ведущим? Если верно первое, то что является ведущим признаком? Лексическое значение слова? Заключенная в нем логическая категория? Его связь с грамматической категорией? Его морфологическая природа? Его синтаксическая функция? и т. д.

“Иерархия признаков, лежащих в основе выделения частей речи, по-разному понимается в разных лингвистических школах. Традиционно на первый план выдвигались морфологические признаки, что обусловлено ориентацией европейского языкознания на флективные и агглютинативные языки. Расширение типологической перспективы привело к осознанию неуниверсального характера морфологических признаков. При типологическом анализе универсальное определение частей речи основывается на синтаксических характеристиках, тогда как морфологические параметры выступают в качестве дополнительных, значимых для флективных и агглютинативных языков. В качестве дополнительных выступают и семантические свойства, существенные прежде всего для идентификации частей речи в разных языках” [ЛЭС 1990: 578].

Морфологический подход к выявлению частей речи полностью удовлетворить не может. При определении частей речи по грамматическим формам даже в языках, богатых формами словоизменения, за пределами остаются слова, лишенные этих форм, так как во всех известных науке

языках имеются неизменяемые неоднородные по составу слова (наречия, частицы, междометия). По словам Милославского [1981: 39], собственно морфологический подход к выделению частей речи остается совершенно бессильным по отношению к неизменяемым словам. Здесь возможны только семантический и синтаксический подходы.

Даже в языках, богатых формами словоизменения, установление частей речи через частнограмматические категории не всегда возможно. Например, можно ли говорить, как мы привыкли, что существительному свойственна категория грамматического рода, если в большинстве языков мира этой категории нет. Или еще пример: при бесспорном наличии прилагательных в русском и турецком языках по частнограмматическим категориям и по морфологической структуре они различны. Частнограмматическими категориями прилагательного в русском языке являются категории падежа, числа и согласовательного класса (как соединение грамматических категорий рода и одушевленности – неодушевленности), т. е. те же частнограмматические категории, которые характерны и для русского существительного. Турецкое же прилагательное не имеет ни одной частнограмматической категории, свойственной прилагательному в русском языке.

Критерий словоизменения при установлении частей речи оправдывает себя частично в морфологически развитых языках.

Словообразовательные процессы не всегда влияют на принадлежность слова к той или иной части речи. Разные по производству слова могут относиться к одной части речи (*лес, лесник, лесничий, перелесок, лесничество* и др.), а слова, подобные по словообразованию, могут не принадлежать к одной части речи (*хороший, зрячий, большая* – прилагательные; *рабочий, лесничий, столовая* – существительные).

Синтаксические критерии установления частей речи основаны на том, что члены предложения и части речи выявляются по одним и тем же грамматическим категориям. Но если, например, существительное как часть

речи связано с категорией грамматического подлежащего, а через него и с категорией субъекта логического суждения, то следует заметить: субъект выражается в речи чаще всего формой грамматического подлежащего, а функции существительных шире и разнообразнее. В большинстве языков существительные могут выступать в качестве любого члена предложения. При этом у различных частей речи наблюдается сходство в синтаксических функциях. Так, в русском языке обстоятельство образа действия может выражаться наречием или конструкцией с существительным. Или, например, прилагательные китайского языка сходны по синтаксической функции с глаголами, существительными и особенно с числительными.

Таким образом, ни частнограмматические формы и значения слов, ни их типы словообразования, ни их синтаксические функции сами по себе не выступают определяющими при отнесении слова к определенной части речи. Части речи – каждая по-своему и в различных языках по-разному – морфологичны или неморфологичны, синтаксичны, в известном смысле логичны. Подтверждением этому являются слова академика Л. В. Щербы. В своей работе “О частях речи в русском языке” он пишет: “В вопросе о “частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в “классификации”, – под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе” [Щерба 1957: 64].

Эти слова знаменитого русского ученого обязывают нас разыскивать принципы классификации слов, исходя из языковой системы любого языка, в том числе и удмуртского.

“Положение об отсутствии универсальных признаков для установления частей речи указывает на то, что часть речи одного языка характеризуется

наличием одних грамматических категорий, и та же часть речи в другом – наличием других категорий.

Так, например, если для мордовских языков грамматическая категория сравнительной степени характерна для качественного прилагательного и качественного наречия, то в коми-зырянском языке сравнительная степень присуща всем знаменательным частям речи, поэтому она там вовсе не является характерным признаком прилагательного и наречия” [ГМЯ 1962: 68].

Какие же критерии выделения частей речи могут быть общими для всех известных науке языков?

Природа частей речи лингвистическая и общая для всех языков, как общи пути развития человеческого мышления. Некоторые ученые связывали общеграмматические значения частей речи с некоторыми категориями мышления (субстанция, качество, количество и др.). Наиболее ярким опознавательным признаком частей речи выступает лексическое значение слова. Например, если мы знаем, что какаду – название птицы, то мы не ищем формальных признаков для того, чтобы сказать, что это слово является существительным. По лексическим значениям путем подведения их под одно из общеграмматических значений слов, объективно данных в языке, определяется принадлежность слова к той или иной части речи.

Как свидетельствуют исследования частей речи в самых различных, родственных и неродственных языках, части речи при всем их своеобразии в языках различных типов выступают как наиболее общие и универсальные явления в грамматической системе языков. Общеграмматические значения частей речи безусловно связаны с общечеловеческими формами и законами мышления, отразившимися в наиболее существенных явлениях языковой системы.

В. В. Виноградов [1972: 38] отмечает: “Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм

слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности; 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи”.

В целом, присоединяясь к мнению о важности учета совокупности всех классификационных признаков, хотелось бы проконкретизировать некоторые обстоятельства этого комплексного подхода.

Для имени существительного ведущим критерием надо считать его обобщенное значение предметности, т. е. семантику слова. Морфологический признак имеет дополнительное, вспомогательное значение, потому что ни форма словоизменения, ни форма словообразования не могут сами по себе определить принадлежность слова к имени существительному, если в нем не обнаруживается конкретное или абстрактное значение предметности. Например, в удмуртском языке:

1. *пыд* ‘нога’ – имя сущ.

пыдэс ‘дно’ – имя сущ.

2. *урд* ‘ребро’ – имя сущ.

урдэс ‘бок, набок’ – имя сущ. || наречие

Слово с суффиксом *-эс* в первом случае является именем существительным, во втором случае оно омонимично может употребляться и в значении наречия. Таким образом, по наличию аффикса *-эс* невозможно определить принадлежность слова к той или иной категории. Если слово с аффиксом *-эс* обозначает предмет или отвлеченное название явления или процесса, то оно является существительным, если же слово при наличии того или иного суффикса обозначает признак действия, то оно является наречием.

Для прилагательных важным фактором является обобщенное значение атрибутивности, причем, атрибутивности отдельно взятого слова вне контекста. Здесь имеется в виду ведущее положение семантического признака для одной группы прилагательных, в то время как для другой части прилагательных решающим является форма слова. Наиболее характерно это

проявляется на разграничении непроизводных прилагательных и производных. Непроизводные прилагательные (*ткѣды* ‘белый’, *ськѣд* ‘черный’, *чебер* ‘красивый’, *нап* ‘густой’, *кизер* ‘жидкий’, *кузь* ‘длинный’, *вакчи* ‘короткий’, *курыт* ‘горький’, *наськыт* ‘широкий’ и т. д.) причисляются к прилагательным только своим значением, не имея никаких формальных показателей. Они выделяются только способностью обозначать различные качества, свойства и признаки предметов.

В производных же прилагательных семантика слова является результатом сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Иначе говоря, значения признака или качества производных прилагательных (*визьмо* ‘умный’, *кужмо* ‘сильный’, *тушо* ‘бородатый’ и т. д.) исходят из формальной структуры слова, и поэтому существенное значение имеет в данном случае морфологический признак (словообразовательный).

Для местоимений при общем подходе важен прежде всего семантический критерий, ибо в системе местоимений нет ни одного словообразовательного или словоизменительного признака, который был бы присущ всем местоимениям в одинаковой степени или который был бы специфичной чертой только местоимений. Поэтому морфологические признаки не являются для местоимений категориальными признаками, они лишь осуществляют грамматическую связь местоимений с другими словами. Семантика же местоимения раскрывается в контексте.

Числительные главным образом выделяются на основе выражения обобщенной идеи числа или количественного признака предмета. Но для них, как и для местоимений, важное значение имеет контекст употребления, ибо как пишет К. М. Мусаев: “Числительные конкретизируются лишь в речи, обозначая количественный признак какого-нибудь предмета. Вне речи числительные обозначают понятия абсолютных и отвлеченных количественных величин, что и составляет их особое грамматическое

значение” [Мусаев 1964: 198]. Морфологические показатели играют роль только при делении числительных на разряды.

На наш взгляд, принципы выделения наречия в самостоятельную часть речи в удмуртском языке тоже соотносительны с особенностями этого языка. Они складываются из общности и единства трех измерений: 1) лексического значения слова, что предполагает лексическую самостоятельность наречий, как слов со смысловым значением, указывающим на время, место, причину, цель и образ действия; 2) морфологической структуры наречий, которая складывается из: а) отсутствия форм словоизменения; б) наличия собственной системы словообразовательных средств и в) соотносительности наречий с другими частями речи; 3) синтаксической функции обстоятельственного слова в предложении.

Признаки наречий не только взаимосвязаны, но главное в том, что каждый из них (признаков) играет особую роль в формировании этой части речи: при общности семантического критерия значение признака действия в разных грамматических ситуациях проявляется по-разному.

I. Часть наречий, которые с точки зрения современного языка считаются первообразными или имеют в своем составе какие-то ныне непродуктивные архаические компоненты¹ (*азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’, *кымин* ‘ничком, навзничь’, *мышкин* ‘спиной’, *лашкинэн* ‘галопом’, *кыдёкын* ‘далеко, вдали’, *матын* ‘близко, вблизи’, *отын* ‘там’ и др.) выделяются в особую группу в контексте и вне контекста, в любой ситуации только своим лексико-семантическим признаком. В данном случае все другие признаки становятся второстепенными, т. е. сам приоритет семантики порождает такие качества слов, как неизменяемость и функцию обстоятельства в предложении.

II. Часть производных наречий закрепляет за собой значение выразителей качества действий в результате сочетания вещественного значения основы и различных словообразовательных средств. Такими

¹ “Сравнительно большая группа наречий (в основном наречия времени и места) представляют собой исторически застывшие формы имен и местоимений в отдельных косвенных падежах” [ГСУЯ 1962: 294].

средствами в удмуртском языке являются суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*). Присоединяясь к различным основам, эти аффиксы образуют наречия (*шонерак* ‘прямо, напрямик’, *шорияк* ‘пополам’, *арбыт* ‘весь год’, *гужембыт* ‘все лето’, *арняскын* ‘за неделю’, *минутскын* ‘за минуту’, *дасой* ‘около десяти дней, в десять дней’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней, за пять дней’ и др.). В сфере наречий это тот случай, когда “словообразовательные приметы обычно являются и категориальными приметами, т. е. позволяют определить принадлежность слова к той или иной части речи [Кубрякова 1965: 10]”.

III. Большая группа наречий (таких, как: *кужмысь* ‘насильно’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’, *бечолоен* ‘цугом’, *пыдын* ‘пешком’ и др.), будучи формально связана со словоизменительными категориями различных частей речи, приобрела наречное значение благодаря только своей способности постоянно употребляться в синтаксической функции обстоятельств. Как видно из примеров, эти слова внешне представляют собой падежные формы имен существительных. Главным отличительным их признаком является то, что их значение раскрывается только в контексте. Именно в составе предложения обнаруживается, что эти слова не имеют конкретного вещественного значения, а выражают различные обстоятельственные отношения и изолируются из системы словоизменения. По словам Н. К. Дмитриева [1948: 117], при каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого самого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдаленно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируется от нее. В результате появляется новое слово, только этимологически связанное с основным существительным. Таким образом, в результате постоянного употребления в синтаксической функции обстоятельств целый ряд слов утрачивает

грамматические признаки имен и развивает в себе признаки новой грамматической категории – наречий.

Н. К. Дмитриев писал: “Ведь к каждому, даже впервые изучаемому языку, мы неизбежно подходим с точки зрения определенной грамматической категории. Если та или иная языковая форма представляет нечто новое, то она тем самым пополняет имеющуюся грамматическую схему. Такое единство языкового метода, единство языковых определений является наиболее эффективным средством, которое позволяет анализировать специфику грамматического строя, во всей широте его проявлений по отдельным языкам” [Дмитриев 1962: 44].

Итак, наречия в удмуртском языке представляют собой самостоятельный разряд слов, выделяемых на основе специальных лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков. С лексико-семантической точки зрения они служат для качественной характеристики действия или состояния и выражают временные, пространственные, обстоятельственные, причинно-целевые и другие отношения. Морфологически они неизменяемы, имеют ряд специфических словообразовательных формантов и этимологически соотносительны с другими частями речи. Синтаксически наречия выполняют обстоятельственную функцию и определяют глагол.

0.3. История изучения наречий в удмуртском языке

Первое упоминание об удмуртских наречиях мы встречаем в грамматике удмуртского языка 1775 года (Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вѣтскаго языка), дату выхода которой многие исследователи [Пономарев 1976: 6; Алатырев 1976: 21; Ермаков 1976: 83; Ванюшев 1993: 295] соотносят с возникновением удмуртской письменности и удмуртского языкознания. Другие [Тараканов 2000: 539; Кельмаков 2001а: 6; 2001б: 12; 2002: 115; 2008: 30], напротив, временем возникновения удмуртской письменности считают начало XVIII в., аргументируя данное положение тем, что временем возникновения письменности у любого народа считается та дата, когда была

произведена первая запись слов на его языке, независимо от того, была издана грамматика этого языка или нет.

Грамматика начинается с рассуждения о том, что удмуртский язык состоит “из осьми частей речи”. За главами “О склоненіи”, “О именахъ прилагательныхъ”, “О именахъ числительныхъ”, “О склоненіи мстоименій”, “О спряженіи глаголовъ”, “Глаголь существительный” следует глава, посвященная наречиям “Нартчїи”, состоящая из перечисленных в два столбца слов: слева дается удмуртское слово, справа – русский перевод (см. Приложение 1). Определение наречиям не дано.

По мнению В. И. Алатырева, в указанной грамматике отмечены все основные разряды наречий: а) наречия места: *отысь* ‘оттуда’, *татысь* ‘здесь’ и т. д.; б) наречия времени: *туннэ* ‘сегодня’, *иуказе* ‘завтра’ и т. д.; в) наречия меры, степени: *ятырь* и *уно* ‘много’, *быдэскынъ* ‘в целом, совсем’ и т. д.; г) наречия способа и образа действия: *кызи* ‘как’, *мырдень* ‘кое-как, с трудом’ и т. д. Но встречаются случаи, когда в число наречий ошибочно включены слова, относящиеся к другим частям речи. *Со* ‘он, тот’, *пот* (императив от глагола *потыны* ‘выходить, выйти’) ‘выходи, выйди’, *быръитэкъ* (деепричастие) ‘не выбирая’ и др. [Алатырев 1975: 13–14].

Нами выявлены также ошибочные включения некоторых других слов и словосочетаний в категорию наречий:

а) частицы: *оò* ‘да’ [там же: 109], *эвзль* ‘нмтъ’ [там же: 109], *à* ‘или, ли’ [там же: 112], *я* ‘ну’ [там же: 112];

б) междометие *ой* или *обебъ* ‘ой больно’ [там же: 112].

в) словосочетания типа: *нимáръ сямéньно* (лит. *немыр сямен но*) ‘ни коим образомъ’ [там же: 109], *сомындагинеà* (лит. *со мында гинэ-а*) ‘не только ли’ [там же: 109], *одыгёнъ дырья* (лит. *одġген дырья*) ‘на единѣ’ [там же: 109], *эсёнъ картукъ* ‘не разсудно’ [там же: 109] (по примечанию В. И. Алатырева “второе слово с опечаткой, следует: *карытэкъ* букв.: ‘не делая’” [Алатырев 1975: 15]), *уажікъ дырья* ‘древле, въстарину, искони’ [Соч. 1975: 109], *буръ палскутъ* (лит. *бур палэз кут*) ‘правую сторону держи’ [там же:

111], *тѹжъ окмѡзь* ‘довольно будетъ’ [там же: 111], *одѣкъ полъ* ‘единою, единожды’ [там же: 111], *кѡкъ полъ* ‘дважды’ [там же: 111], *кѡнъ полъ* ‘трижды’ [там же: 111], *нѣль полъ* ‘четырежды’ [там же: 111], *вѣтъ полъ* ‘пять разъ’ [там же: 111], *сѹполь* ‘сто разъ, стократно’ [там же: 111], *сѡлыбѣрысь* (лит. *собере*) ‘по семь, послѣ того’ [там же: 111], *мызѡнъ сямѣн* ‘иначе’ [там же: 111].

Определенный материал по удмуртским наречиям представлен в удмуртско-русском словаре под названием “Краткой Вотской Словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года”, составленном в 1785 году и изданном лишь в 1995 году. С точки зрения морфологии рассматриваемый словарь интересен тем, что у большинства представленных там слов имеются какие-либо грамматические указания: для имен существительных – суффикс родительного падежа *-лѣнъ*; для глаголов – спряжение и т. д. Наречия в словаре отмечены пометой *нарѣчіе* (см. Приложение 2).

В этом словаре, как и в предыдущей работе, встречается немало случаев ошибочного отнесения к наречиям слов других лексико-грамматических групп, в частности:

1) *деепричастий*: *валѣса* ‘совниманіемъ’ [Кротовъ 1785: 20], *дугъ дѣтѣкъ* ‘непрестанно, непрерывный’ [там же: 55], *жалятѣкъ* ‘нежалостно’ [там же: 61], *зекъ яскысѣ* ‘гордо’ [там же: 64], *исаскытѣкъ* ‘безшутокъ’ [там же: 69], *кузмасѣ* ‘даромъ’ [там же: 99], *кулытѣкъ* ‘безсмертно’ [там же: 101], *люкасѣ люкасѣ* ‘кучами, грудно’ [там же: 128], *могаса* ‘медленно’ [там же: 135], *могатскѣ* ‘немедленно’ [там же: 135], *мырдѣяса* ‘наильно’ [там же: 143], *синкыртыштысѣ* ‘въ мигъ’ [там же: 199], *суратѣкъ* ‘безпримѣсу’ [там же: 205], *сюлмаскитѣкъ* ‘безсомнѣнія’ [там же: 210], *утитѣкъ* ‘безразбору’ [там же: 246], *уцѣрасѣ* ‘послѣчаю’ [там же: 247], *шумѣпотысѣ* ‘съ охотою’ [там же: 270];

2) словосочетаний с местоимением *ас*, *ачим*: *ас(в?)актазь* (лит. *ас мактаз*) ‘безъ ума какъ скотина’ [там же: 6], *асламъ сямёнъ* ‘побратски’ [там же: 6], *ас визмын5з* ‘наизусть’ [там же: 7];

3) числительных с компонентом *пол*: *кызъноль* ‘двадцатью’ [там же: 108], *кыкъноль* ‘дважды’ [там же: 110], *ниль полъ* ‘четырежды’ [там же: 146], *тямысь полъ* ‘осмью’ [там же: 229];

4) существительных: *мыль-кыда́мъ* ‘пожеланию’ [там же: 141], *приданкате́къ* ‘безприданова’ [там же: 176], *шуда́зь* ‘напользу’ [там же: 267], *шуда́мъ* ‘впользу’ [там же: 267];

5) послелога *сямёнъ* ‘известно, наподобіе, вправду, подлинно’ [там же: 213] и сочетаний с данным послелогом: *кал5къ сямёнъ* ‘по народному обычаю’ [там же: 74], *кыйкаи-сямёнъ* ‘звтрски’ [там же: 109], *кышинò сямёнъ* ‘женски, поженски’ [там же: 117], *мукётъ сямёнъ* ‘иначе, инымъ образомъ’ [там же: 138], *орціо́нъ сямёнъ* ‘мимоходомъ’ [там же: 158];

6) причастия *быдѣстемъ* ‘совершенно’ [там же: 17].

Как и в первой грамматике 1775 года, в словаре З. Кротова встречаем ошибочное отнесение к наречиям сочетания типа: *бенъ кинъ кинъ* ‘аименно’ [там же: 10], *вожъ лыктѣмъ* ‘гневно’ [там же: 27], *всякой палась* ‘отвсюду’ [там же: 32], *дзець бырьѣмъ* ‘преизбранно’ [там же: 49], *дзець мылк5тъ понна* ‘добровольно’ [там же: 51], *каръ нуналь* ‘по(?)я дни’ [там же: 76], *кемà карыса* ‘продолжительно’ [там же: 83], *кемалась эвыль* ‘недавно’ [там же: 84], *лякјтъ кыллзмъ вуремъ* ‘красноречиво’ [там же: 130], *макѣ дырья* ‘въ нѣкоторое время’ [там же: 131], *мукётъ азѣ* ‘инуда’ [там же: 137] (*прим.* инуда – иной [Даль 1955: 47]), *мукётъ азінъ* ‘инде’ [Кротов: 137] (*прим.* индт – иной [Даль 1955: 44]), *мукётъ интіазісь* (лит. *мукет инты азьысь*) ‘изъ инова мѣста’ [Кротов: 137], *олло кудъ дырья* ‘въ нѣкое время’ [там же: 156], *тужъ йір5 куръ* ‘обидно’ [там же: 221], *тужъ лесіо́н* ‘наипаче’ [там же: 221].

В другом рукописном труде XVIII века под названием “Краткой отяцкія грамматики опытъ” (1786), автором которого является М. Могилин,

наречиям посвящена отдельная глава “ О наречіи ”. Материал по данной лексико-грамматической группе слов представлен на 7 страницах. Глава начинается с определения, данного наречиям: “Нартчіе єсть простая и несклоняемая часть слова, которая кладется при глаголахъ и именахъ для болшаго смысла изъясненія”. Далее следует фактический лексический материал (подробнее см. Приложение 3).

В отличие от словаря З. Кротова (1785) и перечня слов, представленных в “Сочиненіях ...” (1775), в грамматике М. Могилина встречается гораздо меньше лексических несоответствий, не относящихся к категории наречия:

1) модальные слова: *вылдж* ‘иногда’ [Могилин 1786: 98], *яралозъ* ‘изрядно’ [там же: 98], *сябасъ* ‘ртчъ поздравительная въ компаніи за здравіе другъ друга’ [там же: 104], *Кужмолы* ‘богъ на помощь, говори[т]ся на работах’ [там же: 104], *тау* ‘ртчъ благодарности’ [там же: 104];

2) послеложно-личные местоимения: *куспамъ* ‘межъ собой’ [там же: 99], *куспадъ* ‘тоже’ (скорее всего автор переводит данное слово как предыдущее ‘межъ собой’) [там же: 99];

3) послелог *сямѣнь* ‘право, истинно’ [там же: 103];

4) вспомогательные глаголы отрицания: *эй, эзъ* ‘нмтъ’ [там же: 99], *угъ, умъ, узъ* ‘нмтъ никакъ’ [там же: 99];

5) отрицательная частица *эвъель* ‘нмтъ’ [там же: 99];

6) а) словосочетания и выражения: *сойзъ-уванъ* ‘сиртчъ, то-есть’ [там же: 99], *чикъ эвъенни* ‘ни мало, ничего’ [там же: 99], *чикъ-воскитѣкъ* ‘безъ разбору’ [там же: 99];

б) словосочетания с прилагательным *орцемъ*: *орцемъ-тулјсъ* ‘веснусъ’ [там же: 104], *орцемъ-сизиль* ‘осенесъ’ [там же: 101], *орцемъ-гужемъ* ‘лмтось’ [там же: 101].

В 1851 г. Ф. Й. Видеманном была опубликована книга под названием “Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinem wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche” [1851], представляющая собой первую

научную грамматику удмуртского языка². Источником для написания данного исследования, как указывает автор в предисловии, послужили четыре Евангелия (от “Матвея”, “Марка”, “Иоанна”, “Луки”), составленные на елабужском, глазовском и сарапульском диалектах. Опираясь на имеющиеся материалы по вышеуказанным диалектам, Ф. И. Видеманном довольно обстоятельно описаны фонетика, морфология, синтаксис удмуртского языка. Удмуртский материал, представленный в данной грамматике, очень детально проанализирован И. В. Таракановым [1959: 148–166].

Наречия в данной грамматике рассматриваются с 211 по 224 параграфы [Wiedemann 1851: 218–247]. Автор впервые указывает на то обстоятельство, что одно и то же слово в удмуртском языке может выступать и в качестве наречия, и в качестве прилагательного, и в качестве существительного.

Приведенная классификация наречий по семантическим признакам выделяет три их основные группы:

1. Коррелятивные наречия места (Correlative Adverbe des Ortes):

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *k2t2n*³ ‘где’, *k2t2* ‘куда’, *k2t2s* ‘откуда’, *k2t2oz* ‘докуда’;

б) указательные (Demonstrative): *ot2n* ‘там’, *ot2* ‘туда’, *ot2s* ‘оттуда’, *tat2n* ‘здесь’, *tat2* ‘сюда’, *tat2s* ‘отсюда’;

в) отрицательные (Negative).

Как отмечает Ф. Й. Видеманн, данная подгруппа наречий образуется с помощью отрицательных приставок (“negativen Pronomina”) **no-** или **n'eno-** (*nok2t2n* (*n'enok2t2n*) ‘нигде’, *nok2t2* ‘никуда’, *nok2t2s* ‘ниоткуда’) и с помощью употребления **no** в постпозиции (*nok2t2n-no* (*n'enok2t2n-no*) ‘нигде’) [Wiedemann 1851: 221].

² Следует отметить, что через 14 лет была опубликована грамматика мордовского языка с подобным названием «Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch» [Wiedemann 1865].

³ Все примеры даны нами в современной фонематической транскрипции, т. к. передача графики Ф. Й. Видемана представляет собой некую сложность в техническом плане.

2. Коррелятивные наречия времени (Correlative Adverbe der Zeit):

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *ku* ‘когда’, *k2z'2* ‘как’;

б) указательные (Demonstrative): *soku* ‘тогда’;

в) отрицательные (Negative): *noku-no* (*n'enoku-no*) ‘никогда’.

3. Наречия образа и способа действия (Adverbe der Art und Weise):

а) вопросительные и относительные (Interrogative und relative): *k2z'2* ‘как’, *kyn'a* ‘сколько’;

б) указательные (Demonstrative): *oz'2*, *oz'* ‘так’, *taz'*, *taz'2* ‘так’, *sokem* ‘столько’;

в) отрицательные (Negative): *nok2z'2* (*n'enok2z'2*) ‘никогда’ или *nok2z'2-no* (*n'enok2z'2-no*).

В приведенном автором списке наречий, расположенном в алфавитном порядке и включающем свыше 180 примеров, встречаем неточности в отношении принадлежности некоторых групп слов к наречиям, в частности:

а) деепричастия *Wegatek* ‘не задерживаясь’ (перевод авт. на нем. ‘ohne zu warten’ [Wiedemann 1851: 239], *Aed'2tek* ‘не попав’ (перевод авт. на нем. ‘ohne einzuhalten’ [Wiedemann 1851: 244];

б) послелога *m2nda* ‘около, примерно’ (‘etwa, vielleicht’) [Wiedemann 1851: 230];

в) частиц: выделительно-ограничительной *gine* ‘только’ (‘nur, unge-fähr’) [1851: 226], вопросительной *Aat* ‘разве’ (‘so, ebenfalls’) [Wiedemann 1851: 226], усилительно-соотносительной *in'i* ‘уж, уже’ (‘schon’) [Wiedemann 1851: 227].

Приведенная классификация наречий очень интересна тем обстоятельством, что автор подводит под нее лишь так называемые «местоименные наречия», остальные наречия перечислены отдельным списком слов.

Несколько иная классификация наречий представлена в другой работе Ф. Й. Видемана «Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen» («Грамматика коми языка с учетом его

диалектов и удмуртского языка») [1884], являющейся первой сопоставительной грамматикой двух близкородственных языков. Автор отмечает, что первоначальных наречий в коми и удмуртском языках очень мало, а большинство наречий – это формы различных падежей [Wiedemann1884: 219]. Все наречия разделены на три основные группы:

I. Коррелятивные наречия (Correlative Adverbe):

1) наречия места (des Ortes): *tani* ‘вот’, *tatyn* ‘сдесь’, *oti* ‘по тому месту, там’ и др.; 2) наречия времени (der Zeit): *sokuik* ‘тогда же’; 3) наречия способа (der Weise): *ozi* ‘так’, *oZ* ‘так’, *ozien* ‘таким образом’ и др.

II. Некоррелятивные наречия (Nicht correlative Adverbe):

1) наречия места (des Ortes): *arte* ‘рядом’, *aZlo* ‘раньше’, *olaN talaN* ‘туда-сюда’ и др.; 2) наречия времени (der Zeit): *ali* ‘сейчас’, *asku* ‘завтра’, *nunaZe* ‘днем’ и др.; 3) наречия способа (der Weise): *puden* ‘пешком’, *tAotA* ‘вместе’, *aldaur* ‘напрано, зря’ и др.; 4) наречия неопределенности (der Ungewissheit): *olo* ‘может быть’; 5) усилительные наречия (Steigernd): *tuQ* ‘очень’, *lökös* ‘очень’, *ukata* ‘очень’ и др.; 6) наречия ограничения (Beschränkend): *gyne* ‘только’; 7) указывающие наречия (Hinweisend): *veF* ‘ведь’, *veT* ‘ведь’, *ugoi* ‘ведь, же’; 8) вопросительные наречия (der Frage): *a* ‘а; ли’, *ama* ‘ли’, *ja* ‘ладно’, *va* ‘ли’; 9) наречия отрицания (der Verneinung): *övöl* ‘нет’, *no* ‘ни’, *nepo* ‘ни’; 10) наречия уверения (der Versicherung): *ozi* ‘так’, *oo* ‘ладно’, *ja* ‘ладно’.

III. Наречные выражения (Adverbiale redensarten): *aZ-pala* ‘вперед’, *aZ-vyl* ‘раньше’, *bydesik* ‘целиком’, *ulyN* ‘внизу’, *ulyS* ‘снизу’ и др. [Wiedemann 1884: 219–230].

В 1896 г. Ю. Вихманном была опубликована работа финского ученого Т. Г. Аминоффа, занимающегося в свое время сбором и публикацией текстовых и лексических материалов по различным удмуртским диалектам, под названием «Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos» («Эскизы по фонетике и морфологии удмуртского языка»).

В начале раздела по морфологии отмечено, что четкого разграничения между большинством частей речи в удмуртском языке не существует. В качестве примеров приведены слова *bur* ‘хорошо; доброта’ и *AoNer* ‘правильный; правильно’ [Aminoff 1896: 20].

К сожалению, отдельным разделом наречия в данной работе не выделены, некоторую информацию по ним мы встречаем в разделе «Склонение существительных». Все наречия, которые образовались способом адвербиализации, автор рассматривает как существительные, при этом выделяя их основу + падежный суффикс [Aminoff 1896: 24–27].

Формы на *-ti*, *-t'i* (к. *k2tɥn* ‘где’, удм. *k2t2S* ‘откуда’, к. *setɥn* ‘там’, *tatɥn* ‘сдесь’, удм. *tat2n* ‘сдесь’, *ot2n* ‘там’) в коми и удмуртском языках рассматривает в своей работе «Zur permischen grammatik» («К пермской грамматике») Ю. Вихманн и отмечает, что они состоят из двух локативных элемента – *t* и *i* [Wichmann 1924: 158].

Бесспорно, что огромным вкладом в удмуртскую лингвистику стали и такие лексикографические труды, как «Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register» [Wiedemann 1880], «A votják nyelv szótára» [Munkacsı 1896], «Wotjakische Chrestomathie mit Glossar» [Wichmann 1901] и «Wotjakischer Wortschatz» [Wichmann 1987]. Зачастую, авторами данных словарей, не отмечена принадлежность слов к той или иной части речи.

Среди первых отечественных грамматик, имеющих прямое отношение к теме нашего исследования, следует отметить работу П. П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» [1921]. В предисловии к грамматике автор объясняет свою задачу – это указание основных законов удмуртского языка. П. П. Глезденев в работе обращает внимание также на наличие в удмуртском языке омонимичных частей речи. Понимая проблему дифференциации омонимичных слов, П. П. Глезденев пытается выявить принципы их разграничения. В частности, он пишет, что прилагательные

качественные могут служить наречиями. В этих случаях они в предложении занимают место около сказуемого [Глезденев 1921: 41].

Автором отмечено [Глезденев 1921: 40], что наречия служат для пояснения различных частей речи, среди которых выделяются следующие: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) имя числительное, 4) местоимение, 5) глагол и 6) другое наречие.

В предложенной П. П. Глезденевым классификации названы следующие разряды наречий:

- 1) наречия образа действия (*берен, вамен, умой, умойтэм* и т. д.);
- 2) наречия места (*азь, азьлань, артэ, дорын* и т. д.);
- 3) наречия времени (*азьло, аскы, берэ, бер, берлань* и т. д.);
- 4) наречия количества и степени (*данак, ичи, ичиен-ичиен, нош, ношик* и т. д.);
- 5) наречия причины и цели (*марлы, марзэ, макэ, мар, ма* и т. д.);
- 6) наречия утверждения (*бен, бен-бен, я, ялэ-ка, яралоз* и т. д.);
- 7) наречия отрицания (*öвöл, озь-öвöл* и т. д.);
- 8) наречия предположения (*керэк, лэся, маке со, озь-кено, озь-кадь*).

В конце главы П. П. Глезденев отмечает, что в качестве наречий могут выступать качественные прилагательные⁴ и некоторые существительные⁵ [Глезденев 1921: 40].

В классификации наречий П. П. Глезденева нами выявляется ошибочное включение некоторых слов в разряд наречий:

- а) указательная частица *тани* ‘вот’ (*тань, тñни, тñнь*) включена в состав наречий образа действий [Глезденев 1921: 40];

⁴ “Прилагательные качественные могут служить наречиями. В этих случаях они в предложении занимают место около сказуемого. При этом они никаким изменениям в форме не подвергаются. Напр. прилагательное *люгыт* может служить без всякого изменения в форме и наречием, и существительным. Все зависит от того, где оно, т. е. слово *люгыт* занимает место в предложении” [Глезденев 1921: 41].

⁵ “Существительные (некоторые) могут служить наречиями. При чем они принимают частичку *ын*. Напр. *пыд – пыдын, уй – уйын* и т. д.” [Глезденев 1921: 41].

б) существительное *азь* ‘перед’ включено в состав наречий места [Глезденев 1921: 40];

в) утвердительная частица *бен* (*бен-бен*) ‘да’ и модальная *я* (*я-я*) ‘ну’ составляют особый разряд наречий утверждения [там же: 41];

г) модально-волевая частица *лэся* ‘вероятно, кажется’, слово *озь-нено* ‘если и так’, *озь-кадь* ‘вроде как’ отнесены к наречиям предложения [там же: 41];

д) отрицательная частица *квкл* ‘нет’ представлен в составе наречий места и наречий отрицания;

е) местоимения *макэ* (*макэ-макэ*) ‘что-то’, *ма* (*мар*) ‘что’ отнесены в состав наречий причины и цели.

Некоторые неточности встречаются у П. П. Глезденева в определении разряда отдельных наречий. Например, к наречиям количества и степени отнесены П. П. Глезденевым наречия причины *токма* ‘зря, впустую’, *юри* ‘нарочно, специально’; наречия образа действия *чочен* ‘вместе’, *уртче* ‘совместно, вместе’ [там же: 41].

Интересный подход по принципам разграничения и классификации частей речи встречаем в двух учебниках Г. Е. Верещагина. Свои наблюдения об особенностях грамматического строя удмуртского языка автор обобщил в исследовании “Руководство к изучению вотского языка” (1924), которое в целом является несколько усовершенствованным вариантом его рукописной грамматики “Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын” (2002), составленной раньше печатной грамматики [подр.: Кельмаков 2004: 43].

В работе “Руководство к изучению вотского языка” автор выделяет следующие разряды наречий:

1) наречия времени (*Калык валлян урче улэм* ‘Люди прежде жили мирно’) [Верещагин 2002: 100];

2) наречия места (*Коркаен кеносэн вискын тыремын пу* ‘Между избой и амбаром сложены дрова’) [там же: 102];

3) наречия уверения (*Зэм-ик, со адями урод вылэм* ‘Точно, тот человек был худой’) [там же: 102];

4) наречия указания (*Тазыы лэсьты* ‘Этак делай’) [там же: 102];

5) наречия, усиливающие какое-нибудь качество, и наречия образа действия (*Милям дышетысьмы ортчым лек* ‘Наш учитель очень сердит’) [там же: 102];

6) наречия вопроса (*Кызыы ужалом огнам?* ‘Как буду работать один?’) [там же: 103];

7) условные наречия (*Дурыны быгатымтэ-бере, малы дурыны дауртһськод?* ‘Если не умеешь ковать, зачем занимаешься ковкой’) [там же: 103];

8) наречия пути (*Вал-вылын ветлыны кудызлы зуркым потэ* ‘Иному верховая езда кажется тряской’) [там же: 104];

9) наречия просьбы (*Быдысик сёт валдэ вукоэ ветлыны* ‘Пожалуйста, дай лошадь съездить на мельницы’) [там же: 104];

10) наречия отрицания (*Уд мын* ‘Не пойдешь (ты)’) [там же: 104];

11) наречия неопределенности (*Вочак куномы бускеле потһзы* ‘Все гости (наши) в соседи [т. е. к соседям] ушли’) [там же: 105];

12) наречия количества (*Шубаэ мынам овол-но, толалтэ кык-полэс дукесэн ветлһсько* ‘Шубы у меня нет, потому зимой в двух зипунах хожу’) [там же: 105];

13) наречия понудительные (*Сэрым лык* ‘Скорее иди’) [там же: 100].

В отношении классификации и распределения наречий по разрядам у Г. Е. Верещагина встречаются неточности. Отметим некоторые из них:

1) слово *бере* ‘если, поскольку’ представленное автором в качестве условного наречия, является в действительности причинно-целевым союзом;

2) глагол в повелительной форме *сёт* отнесен к наречиям просьбы [там же: 104];

3) выделен разряд наречий отрицаний: (*уҫ мын* ‘не пойду (я)’, *ум мынэ* ‘не пойдем (мы)’ и т. д.) [там же: 104]; все приведенные примеры являются глаголами отрицания;

4) наречиями неопределенности ошибочно названы:

а) послелог *ёрос* ‘около того количества’ (‘приблизительно’) [там же: 104];

б) местоимение *ваньмы* ‘все’ [там же: 105].

5) примерами наречий количества являются слова: *кык-полэс* ‘в двух’, *ог пол* ‘однажды’, послелог *ёрос* ‘приблизительно’ [там же: 105];

6) понудительными наречиями названы выражения: *оъы вера* ‘так говори’, *чаль дорам* ‘скорее ко мне’, *сэрыт лык* ‘скорее иди’, *ьог мын* ‘спешно иди’, *юн бызь* ‘быстро беги’ [там же: 105].

Г. Е. Верещагиным [2002: 106] предпринята попытка отграничения недифференцированных слов в удмуртском языке. Автор подчеркивает, что наречие следует при глаголе, а послесловие в склонениях – при предмете.

Примечательно, что в данной работе Г. Е. Верещагин дает указание на наличие форм превосходной степени. “Превосходнейшие степени, в какой могут выразить только наречия *ортчым*, *уката*, *укыр*. Положительная и превосходная степени употребляются в смысле наречий, если они употреблены при глаголах, например: *курым лэсьтӥд* ‘горько сделал (ты)’, *туж чебер лэсьтӥд* ‘очень красиво сделал (ты)’, *уката дуно вузаськод* ‘весьма дорого продаешь’ и др.” [Верещагин 2002: 78].

В другой своей работе “Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын” (2002), Г. Е. Верещагин дополнительно выделяет еще следующие разряды наречий:

1) наречия неизвестности: *оло-ма* ‘что-то’, *оло-кытцы* ‘куда-то’, *оло-кин* ‘кто-то’ [Верещагин 2002: 240];

2) наречия просьбы: *быдысь-ик* ‘пожалуйста’ [там же: 240];

3) наречия полноты: *тыр* ‘полно’ [там же: 240];

4) наречия запретительности: *эн* ‘не’ [там же: 240].

Некоторый материал по наречиям содержится в грамматике А. И. Емельянова “Грамматика Вотяцкого языка” [1927], являющейся по своей сути элементарной. Несколько интересна позиция автора относительно морфологической классификации частей речи, в которой указано, что “все слова, входящие в состав вотяцкой речи, по своему происхождению могут быть отнесены к двум основным категориям: глаголам и именам” [Емельянов 1927: 63]. Наречия отнесены к именам⁶.

Весьма спорным предположением является высказывание автора относительно морфологически недифференцированных слов в удмуртском языке. Исследователь пишет: “Между именами самостоятельными, прилагательными и наречиями даже с внутренней стороны не замечается резкой грани, которую можно было бы провести, разделив их раз на всегда на определенные группы. Язык свободно пользуется ими для какой угодно цели” [Емельянов 1927: 84]. Также автор не согласен с мнением о неизменяемости наречий в удмуртском языке: “Вообще к вотяцкому наречию менее всего приложимо стереотипное определение его в грамматиках, как неизменяемой части речи. Наречия в вотяцком языке имеют целый ряд падежей: *puYAkin* внутри, – *inessiv*; *puYaki* внутрь – *illative*; *puYakiś* изнутри – *elativ*; и даже именит. падеж: *pir potini* проходить” [Емельянов 1927: 85].

Подобная точка зрения содержится и в работе Д. В. Бубриха относительно наречий коми языка. По его словам, общих морфологических особенностей для наречий не существует, и в связи с этим, считать их все представителями одной и той же части речи можно лишь на условных началах, и что нет никаких оснований считать наречия неизменяемыми словами [Бубрих 1949: 88]. Однако автор делает некоторое уточнение: “Многие из наречий сохраняют остатки изменения по падежам. Бесспорно, это не настоящие падежные формы, ибо не достает той полноты

⁶ “К отделу имен мы относим не только имена в собственном смысле этого слова: самостоятельные (*substantiva*), прилагательные (*adjektiva*), местоимения (*pronomina*), числительные (*numeralia*), но также наречия (*adverbialia*) и послелogi (*postpositia*), в виду слишком ясных следов их происхождения от имен” [Емельянов 1927: 84].

противопоставлений, которая характерна для настоящих падежных форм. Однако близость к падежным формам несомненна, и не только по форме, но и по смыслу” [Бубрих 1949: 88].

“Удмурт кылрадъян” И. В. Яковлева [1927] – первая грамматика удмуртского языка, изданная на удмуртском языке с использованием удмуртской грамматической терминологии [Кельмаков 2001б: 28]. В структурном плане грамматика (3-е издание) состоит из трех основных разделов (фонетика, морфология, синтаксис), из предисловия и краткого словаря грамматических терминов. Части речи подразделяются на изменяемые – существительное, прилагательное, числительное, местоимение и неизменяемые – наречие, послелог, союз, междометие, частица и отдельно глагол. К наречиям и послелогам приводится замечание: “Удмурт кылын ... кылпумзэ воштымтэ кыл’ёс вань. Соос чоньдэм кыл кадъ луо ини. Озыы ке но, сыце кыл’ёс куспын ёжыт-ёжыт кылпумзэ вошт’һез вань: яке мурт’я воштэ, яке кык-куинь юам’я воштэ, яке мултэс пкртэм кариськыса воштэ” (В удмуртском языке есть неизменяемые слова. Они являются застывшими (букв. умершими, окоченевшими). И все же, среди них есть небольшое количество слов, которые меняют свое окончание: либо по лицам, либо по двум-трем вопросам, либо имеет степень сравнения)) – *перевод наши*) [Яковлев 1931: 56].

Наречия объяснены как слова, определяющие действие [Яковлев 1931: 54]. Автор делит наречия на следующие разряды:

1) наречия времени (дырзэ валэкт’һез): *весь* ‘постоянно’, *ини* ‘уже’, *ялан* ‘постоянно’ и т. д. [там же 1931: 56];

2) наречия места (интызэ валэкт’һез): *выллань* ‘наверх’, *матын* ‘близко’, *отын* ‘там’ и т. д. [там же: 56];

3) наречия образа действия (кызызызэ валэкт’һез): *туж* ‘очень’, *валче* ‘вместе’, *юри* ‘нарочно’ и т. д. [там же: 57];

4) наречия вопросительные (юамез валэкт’һез): *кызыы* ‘как’, *бен* ‘да’, *макем* ‘сколько’ и т. д. [там же: 57];

5) наречия отрицательные (луымтэез валэктһсез): *öвöl* ‘нет’ [там же: 57];

6) наречия количества (кöнязэ валэктһсез): *пол* ‘раз’, *öжытак* ‘немножко’, *мошен* ‘вместе’ [там же: 57].

В предложенной выше классификации, из всех приведенных примеров, слова *бен* ‘да’, *пол* ‘раз’ и *öвöl* ‘нет’ не являются собственно наречиями.

И. В. Яковлев [1931: 57] в качестве аффикса сравнительной степени отмечает суффикс *-гем* (*азылогем* ‘раньше’, *матэгем* ‘ближе’, *шонеракгем* ‘прямее’).

На основе грамматик И. В. Яковлева, П. П. Глезденева, Г. Е. Верещагина и А. И. Емельянова П. Д. Гороховым был составлен “Учебник удмурт языка” [1929].

Автором ставится под сомнение неизменяемость наречий: “Будучи употреблены в значении существительных, что бывает очень часто, изменяются как по падежам, так и по числам, напр.: *вылланьёс турнаны кутскизы ни*; *вылланьёслэн туэ турымзы туж удалтэм*” [Горохов 1929: 150]. Следует отметить, что в данном примере слово *вылланьёс* ‘живущие выше’, отнесенное П. Д. Гороховым к наречиям, является субстантивированным существительным, поэтому во втором случае данное слово принимает суффикс множественного числа.

Приведя список послелогов *понна* ‘ради’, *сярись* ‘о’, *пыр* ‘сквозь’, *тыр* ‘полно’, *пыр* ‘через’, *сяна* ‘кроме’, П. Д. Горохов отмечает, что некоторые из этих послелогов одновременно являются наречиями [Горохов 1929: 151]. К сожалению, примеры на эти случаи не приведены.

В 1933 году С. П. Жуйковым был выпущен “Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5-го и 6-го года обучения”. Разрабатывая и воплощая в жизнь методику преподавания языков, ученый-лингвист составил первые программы учебных курсов по удмуртскому и русскому языкам для удмуртских школ, педагогических техникумов и педагогического института. Раздел «Наречие» в вышеупомянутой работе начинается с исторической

справки: “Наречие, как часть речи, или грамматическая категория, позднейшего происхождения” [Жуйков 1933: 104].

Автором выделены следующие разряды наречий: 1) наречия времени (дырзэ возматӥсь сямнимӥс), 2) наречия места (интызэ возматӥсь сямнимӥс) и 3) наречия образа действия (кызыызэ возматӥсь сямнимӥс) [Жуйков 1933: 105].

С. П. Жуйковым впервые определены синтаксические признаки наречий – это выступление их в роли обстоятельственного слова: “Когда мы разбираем предложение по членам предложения, то говорим обстоятельственное слово, по частям речи мы говорим наречие. Следовательно, наречия стоят вместо обстоятельственных слов” [Жуйков 1933: 105].

Образованию наречий посвящена глава “Имена существительные в роли наречия”. Если имя существительное срослось со словом пространственного понятия ‘лан’ или понятие времени ‘сын’, – пишет Жуйков С. П., – то такие формы выступают уже в качестве наречия в том случае, когда перед ними стоят другие имена существительные. (Напр. *Капитализм берлань мынэ* ‘Капитализм идет назад’. *СССР азылань мынэ* ‘СССР идет вперед’. *Мон арсын дышетсконме быдто ини* ‘Я через год учебу уже закончу’) [Жуйков 1933: 106].

Утверждения автора о том, что в удмуртском языке, в отличие от русского, наречия изменяют свои окончания по падежам (*татын* ‘здесь’, *татчы* ‘сюда’, *татысь* ‘отсюда’) [Жуйков 1933: 108] и, как имена существительные, изменяют свои окончания по лицам в единственном и во множественном числе [Жуйков 1933: 109], являются неверными.

Относительно происхождения и омонимии частей речи автор пишет, что наречие первоначально обозначало какое-либо имя или действие. Наречия произошли от имен существительных и глаголов [Жуйков 1933: 104].

Также отмечены степени сравнения наречий. Выделены положительная (*ичи* ‘мало’), сравнительная (*ичигем* ‘менее’), превосходная (*туж ичи*) степени наречий [Жуйков 1933: 110].

Описанию наречий посвящена одна из статей С. Баженова “Наречия” [1939]. Им справедливо замечена способность наречий определять и действия, и признаки, и самих себя. В качестве примеров приводятся предложения с наречиями *туж* ‘очень’, *уката* ‘ещё’ [Баженов 1939: 111].

Заслуживают внимания рассуждения автора о наречиях места. Эту группу слов С. Баженов подразделяет на наречия, определяющие глаголы конкретного действия и глаголы состояния (*улыны* ‘жить’, *вераськыны* ‘разговаривать’) и наречия, определяющие глаголы движения (*мыныны* ‘идти’, *лобаны* ‘летать’). Связь таких групп наречий заключается в том, что если наречие первой группы определяет глагол движения, то этот глагол перестает указывать на перемещение, напр.: *аэроплан вылын лобе* ‘аэроплан летает высоко’, здесь *вылын* указывает лишь на местонахождение, хотя *лобе* ‘летает’ глагол движения [Баженов 1939: 112–113].

Автором отмечены некоторые способы образования наречий. Деепричастия, не образующие оборота и стоящие непосредственно рядом со сказуемым, названы наречиями, напр.: *гырыку ой жады* ‘пахая не устал’, *егитъёс лудэ кырһаса мыно* ‘молодые на поле идут с песней’ [Баженов 1939: 117] (Подр. об употреблении деепричастий в роли наречий см. п. 2.1.3.1.10).

К проблеме междометно-наречных повторов в одной из своих работ под названием «Междометно-наречные повторы в удмуртском языке» [1947] обращается В. И. Алатырев. В его работе приводятся примеры, характеризуются междометно-наречные повторы и объясняется, каким образом можно отличить простые (односоставные) наречные повторы от сложных (двусоставные) [Алатырев 1947: 20–26]. Нужно отметить, что автором сложные наречно-изобразительные и звукоподражательные слова названы междометно-наречными повторами.

В учебнике А. А. Поздеевой “Удмурт кыл грамматика. Нырысетӥ люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы” (1949) системно раскрыт грамматический класс наречий: от определения до правил их правописания. Отмечено, что наречия способны определять не только действия, но и признаки прилагательных, причастия, деепричастия и другие наречия [Поздеева 1949: 176]. Автор учебника делит наречия на 5 основных групп: 1) наречия места; 2) наречия времени; 3) наречия образа действия; 4) наречия причины; 5) наречия степени и количества [Поздеева 1949: 177].

Местоимения *мон* ‘я’ и *тон* ‘ты’, которые даны в форме соответственного падеже: *монъя* ‘по мне’, *тонъя* ‘по тебе’, автор относит к наречиям образа действия [Поздеева 1949: 180].

А. А. Поздеева выделяет 17 способов образования наречий (подробнее см. Приложение 4). Ею также отмечено, что формы образования степеней сравнения наречий совпадают с формами степеней сравнения прилагательных. Выделены сравнительная и превосходная степени сравнений наречий: сравнительная степень выражается посредством суффикса *-гес* или *-гем* (*кужмогес* ‘сильнее’, *матэгес* ‘ближе’, *кезьытгес* ‘холоднее’), превосходная степень – с помощью прибавления наречия *туж* ‘очень’ (*туж лыг* ‘очень быстро’) [Поздеева 1949: 183–184].

Определенный материал по удмуртским наречиям представлен П. И. Перовощиковым в «Кратком очерке грамматики удмуртского языка» [1948, 1956]. Кроме аффиксальных способов образования, им выделены два синтаксических: 1) повторение одного и того же слова (*дырын-дырын* ‘временами, время от времени’, *радэн-радэн* ‘рядами-рядами’); 2) использование сочетания слов (*висьымтэ шорысь* ‘неожиданно’) [Перовощиков 1948: 422; 1956: 1312].

В 1962 году выходит из печати «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология». В этом коллективном труде раздел «Наречие» подготовлен В. М. Вахрушевым. Им проделана большая работа по

систематизации разряда наречий. По своим значениям наречия разделены на обстоятельственные и определительные (качественные) наречия.

Определение наречиям дано как «части речи, обозначающей различные признаки действия и признаки (степень) признаков» [ГСУЯ 1962: 294]. Наряду с образованием наречий, рассматриваются и такие вопросы, как морфологически неотдифференцированные части речи [ГСУЯ 1962: 310–312], наречия в значениях других частей речи [ГСУЯ 1962: 313], предикативные наречия [ГСУЯ 1962: 313–315] и др.

В 1983 году В. И. Алатыревым был составлен “Краткий грамматический очерк удмуртского языка” для “Удмуртско-русского словаря” [1983]. Все основные положения были переданы автором с учетом вышедшей ранее “Грамматики современного удмуртского языка” [1962].

В 2003 году на кафедре современного удмуртского языка и методики его преподавания УдГУ А. А. Алашеевой был издан препринт «Туала удмурт кыл. Сямкыл» [2003]. В данном труде отражены основные лексико-семантические разряды удмуртских наречий с последующей их классификацией, рассмотрены основные способы образования наречий, приведен иллюстративный материал из произведений художественной литературы [Алашеева 2003: 3–30].

В 2008 году коллективом авторов Удмуртского института истории, языка и литературы был подготовлен “Удмуртско-русский словарь” [2008], представляющий собой 2-ое дополненное, переработанное издание “Удмуртско-русского словаря”, вышедшего в 1983 году. К словарю [2008] в качестве приложения дан “Краткий грамматический очерк удмуртского языка” [2008: 827–864], переработанный и дополненный кандидатами филологических наук Д. А. Ефремовым и Н. В. Кондратьевой с учетом материалов готовящейся книги по удмуртской морфологии.

Наряду с обстоятельственными и определительными наречиями, авторы данного труда выделяют также третий семантический разряд – наречия, выражающие категорию состояния [КГОУЯ 2008: 857]. Кроме степеней

сравнения наречий, отдельной группой выделены их степени качества [КГОУЯ 2008: 857].

Глава 1. Лексико-семантические разряды удмуртских наречий

Наречие – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства. Главным формальным признаком наречия как части речи является отсутствие словоизменения (исключение составляют наречия, образующие формы сравнительной степени).

Следует отметить, что многие наречия, выражающие пространственные отношения, объединяются в своеобразные серии, члены которых содержат форманты пространственных падежей, напр., *кыдёк-ын* ‘далеко, вдали’, *кыдёк-ысь* ‘издалека, дальний’, *кыдёк-ысен* ‘издали, (будучи) далеко’, *кыдёк-е* ‘далеко, вдаль, на дальнейшее расстояние’, *кыдёк-озь* ‘далеко, до дальнего расстояния’, *кыдёк-етй* ‘далеко, через дальнейшее расстояние’; *та-т-ысен* ‘отсюда, (будучи) здесь’, *та-т-ын* ‘здесь, тут’, *та-т-ысь* ‘отсюда’, *та-т-чы* ‘сюда’, *та-т-й* ‘здесь, по этому месту’, *та-лань* ‘сюда, в этом направлении’. При этом создается ложное впечатление, будто бы определенная группа наречий, подобно именам существительным, способна склоняться в удмуртском языке по определенным падежам (ср.: *шур-ын* ‘в реке’, *шур-ысь* ‘из реки’, *шур-ысен* ‘из реки, (будучи) в реке’, *шур-е* ‘в реку’, *шур-озь* ‘до реки’, *шур-(е)тй* ‘по реке’, *шур-лань* ‘по направлению к реке’).

При ближайшем рассмотрении выявляется, что падежные форманты имен существительных *-ын*, *-ысь*, *-э/-ы*, *-озь*, *-(э)тй*, и *-лань* выполняют в составе наречий иную – словообразовательную – функцию, нежели в именах существительных [Кельмаков 2000: 34].

По своему общему значению непроцессуального признака наречия близки к прилагательным (“Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета” [Русская грамматика 1980: 540]). Этим значением определяется синтаксическая функция наречий: они определяют глагол, имя или другое наречие.

Одни наречия (определительные и обстоятельственные) выражают конкретно признаки действий, состояний-процессов, признаки признаков, обстоятельства, например: *умой* ‘хорошо’, *урод* ‘плохо’, *ьог* ‘быстро’, *каллен* ‘медленно’, *туж* ‘очень’, *толон* ‘вчера’, *туннэ* ‘сегодня’ и т. д. Другие наречия только указывают на эти признаки и обстоятельства, конкретно не называя их, подобно тому, как местоимения не обозначает конкретно самих предметов, их признаков и количеств, а только указывает обобщенно на предметы, признаки предметов, количество предметов, например: *озьы* ‘так’, *соку* ‘тогда’, *ку* ‘когда’, *кызьы* ‘как’, *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *кытын ке* ‘где-то’, *нокытын* ‘нигде’ и т. п.

Наречия первой группы, которые конкретно выражают признаки действий, состояний-процессов, признаки признаков, обстоятельства, являются именными, или конкретными наречиями; наречия же второй группы, которые только указывают на признаки и обстоятельства, а не называют их конкретно, являются местоименными наречиями. Систему пермских местоимений, в которую непосредственно вошли и местоименные наречия, сформировавшуюся в коми и удмуртском языках после распада финно-пермского языка основы, очень детально рассмотрела Г. В. Федюнева в своей монографической работе «Первичные местоимения в пермских языках» (2008).

Местоименные наречия образуют следующие группы:

1) указательные: *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *татчы* ‘сюда’, *отчы* ‘туда’, *собере* ‘затем’, *озьы* ‘так’.

Макарлэн юртэз азьло татын кй вал, мукет урамын улһзы (Г. Крас. Вю., 4). ‘Дома Макара раньше здесь не было, на другой улице [они] жили’.

Отын ик костаське сыномем, кык пуд кыскись вайкала гира, огазе люкамын куштһськем кортъёс, татчы ик вуэмын ъеч уробо питран (Г. Крас. Вю., 6). ‘Там же валяется ржавая двухпудовая старая гиря, в одном месте собран брошенный металл, сюда же попало хорошее колесо от телеги’.

*Со ик Катяз техкружоке но кыскиз, нош клубын ремонт бырем бере, соос лытлы быдэ сямен **отчы** ветлылһзы, соку ик Катя драмкружоке гоужкиз (Иг. Гавр. Вп., 78). ‘Он же привел Катю в техкружок, а после завершения ремонта в клубе, они почти каждый вечер **туда** ходили, Катя записалась в драмкружок’.*

2) вопросительные: *кытын* ‘где’, *кытчы* ‘куда’, *кытысь* ‘откуда’, *кызы* ‘как’, *ку* ‘когда’.

*Мар кз пкрмы, **кытын** янгышады? – туж огшоры но ваньзэс тунсыкъятһсь юан сётһз Александр (Уд, № 024, 2008). ‘Что не получилось, где вы ошиблись? – очень простой и интересующий всех вопрос задал Александр’.*

***Кытысь** Тһ, маин, Елизавета Игнатьевна, – интыысьтыз тэтчыса сямен султһз, пумитаз вамыштһз Егоров (С. Самс. В., 130). ‘Откуда Вы, на чем [приехали], Елизавета Игнатьевна, – быстро соскочив со своего места, Егоров шагнул ей навстречу’.*

*Кызы ужан дһськутэн вал, озы ик конной дворе **муш-наш** вуиз, оломар куспын самой шаплы валэз кыткыса вуэм, шатыр поттыса, Акташ пала ширтһз (Г. Крас. Ок., 38). ‘Как был в рабочей одежде, также и на конный двор второпях пришел, неизвестно когда успел запрячь самую быструю лошадь, сильно торопясь, поскакал в сторону села Акташ’.*

3) определительные: *котькызы*, *олокызы* ‘всячески’, *котькытын* ‘везде, всюду’, *котьку* ‘всегда’, *котькытысь* ‘отовсюду’.

*Азьпиньёсыз квклэн лызэ **олокызы** но пыргытыны выре (Г. Крас. Вю., 19). ‘Из-за отсутствия передних зубов [Макар] **всячески** пытается разгрызть кость’.*

***Котькытын** лымы ньукыртэ, шулдыр вераськемъёс но серекъямъёс кылһсько (Иг. Гавр. Вп., 132). ‘Повсюду скрипит снег, слышатся веселые разговоры и смех’.*

Песянайзы но Сергеез мурт карылһз, нош Миколайлэн азьвыл кышноезлэн нылъёсыз но пиосыз Сергеез «господа луэмед потэ» шуыса

исаллязы, учыр кемдыку, **котьку** ик ултһяны выризы (Иг. Гавр. Вп., 28). 'Даже бабушка считала Сергея чужим, а дети прежней жены Николая дразнили словами «господином хочешь стать», при любом возникшем случае, **всегда** пытались унижить'.

4) неопределенные: *кытын* *ке* 'где-то', *отын-татын* 'кое-где', *кытысь* *ке* 'откуда-то', *кытчы* *ке* 'куда-то', *кызыь* *ке* 'как-то', *кытын* *ке* 'где-то', *куке* 'когда-либо', *куке-соку* 'когда-нибудь', *кытысь-отысь* 'кое-откуда' и др.

*Рабочийёс станоксэс дугдытһзы, чалмытгес луиз, **отын-татын** гинэ жургетэмъёс кылһсько на* (Иг. Гавр. Вп., 75). 'Рабочие станок остановили, стало тише, лишь местами (*букв. там-тут*) слышится возня'.

*Басьтэ, шуисько, тһ мыным мурт ќккл, **куке-соку** берен берыктоды* (Иг. Гавр. Вп., 232) 'Берите, говорю, вы мне не чужой, **когда-нибудь** обратно вернете'.

*Пичи Паля, дышетскисьтэм маке, агайёсызлэсь, апайёсызлэсь бере кылыьса, **кытысь** *ке* урамысь вуиз, ваньмызлэсь азьло пуньы басьтһз* (П. Черн., Мбзм., 130). 'Маленький Паля, не обучающийся еще [в школе], отстав от братьев, сестер, пришел **откуда-то** с улицы, раньше всех взял в руки ложку'.

5) отрицательные: *нокытын* 'нигде, негде', *нокытчы* 'никуда, некуда', *ноку* 'никогда, некогда', *нокызыь* 'никак', *нокытысь* 'неоткуда'.

*Нус улэ но пыраз, сэндрае но вуылһз, корказьысь но утчаз – соиз **нокытын** ой вал* (П. Черн., Тп., 138). 'И под лавку заглядывал, и на полати залезал, и в сенях искал – **нигде** его [котенка] не было'.

*Со шимес тёлпери **ноку** медаз лутскы ни, со кёшкемыт уйвётъёсты **ноку** адъоно медам лу ни шуыса* (Г. Пер., Нз., 102). 'Этот страшный ураган [война] пусть больше **никогда** не поднимается, чтобы не видеть больше **никогда** эти ужасные сны'.

*Водъёсты янгыше уськытыны **НОКЫЗЫЬ** уг луы, угось кунгожлы матын улэменызы, соос туж тросэз быризы войнаосын, музьемъёстһзы ќкня *ке* пол ортчизы крестоносецъёс, шведъёс, немецъёс...* (Уд, № 018–019, 2008)

‘Народ водь **никак** нельзя обвинить, из-за того, что они живут близко к границе, их очень много погибло в войнах, по их землям несколько раз прошли крестоносцы, шведы, немцы ...’.

Относительно местоименных наречий в русском языке существует мнение считать их местоимениями-наречиями, а не наречиями [Аванесов, Сидоров 1945: электронный ресурс]. (Напр. указательные местоимения-наречия – *здесь, там, тут, туда, потому, поэтому, затем, оттого, тогда, так, этак*; вопросительные – *где, куда, откуда, докуда, когда, зачем, отчего, почему, как*; определительные – *по-всякому, всячески, везде, всюду, отовсюду, всегда, по-иному, по-другому*; неопределенные – *где-то, куда-то, откуда-то, когда-то, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, кое-где, кое-куда, кое-когда*; отрицательные – *нигде, никуда, никогда, незачем, негде, некуда, некогда, незачем*). Отмечено, что местоимения-наречия употребляются в предложении в основном так же, как и знаменательные наречия [Аванесов, Сидоров 1945: электронный ресурс]. Выделяя местоименные наречия в разряд местоимений, Е. М. Сахно пишет “Местоимения обслуживают категориальные значения всех знаменательных частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, безлично-предикативных слов; на аналитическом уровне – глаголов)” [Сахно 2004: 197]. Такого же мнения придерживается и языковед И. В. Тараканов. Он считает, что с целью облегчения изучения разрядов местоимений в практике преподавания удмуртского и коми языков, и учитывая синтаксические функции, возможно дать следующую классификацию местоимений для школьных учебников: местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные наречия [Тараканов 2007: 117–118]. Наряду с этим остро встает вопрос о месте местоимений в системе частей речи: “Местоимения представляют собой одну из наиболее очевидных языковых универсалий. Местоимения есть во всех языках, и во всех языках их распределяют приблизительно по одним и тем же разрядам. В силу своего большого семантического и морфологического

разнообразие класс английских местоимений привлекал внимание исследователей во все периоды развития языкознания. Долгое время был спорным статус местоимений как самостоятельной части речи. Объясняется это морфологической и функциональной неоднородностью этого класса, отсутствием собственного грамматического значения, отличного от грамматического значения существительного и прилагательного и отсутствием особых, свойственных только местоимению синтаксических функций. Именно поэтому их иногда относят к существительным, прилагательным, наречиям, выделяя соответственно внутри этих разрядов местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные наречия” [Части речи: электронный ресурс].

В некоторых языках (*напр.* в осетинском) местоименные наречия рассматривают отдельно от качественных и обстоятельственных типов наречий, выделяя их в самостоятельный лексико-семантический разряд – местоименные наречия [Багаев 1965: 192].

Местоименные наречия являются весьма архаичными образованиями, поэтому в некоторых случаях затемнен их морфологический состав. При помощи местоименных наречий говорящий только указывает на место, время, качество и т. д. действия, но не называет их. В этом отношении они напоминают местоимения, однако их нельзя относить к местоимениям, так как местоименные наречия представляют собой (как и прочие наречия) застывшие падежные формы.

Внутри категории наречия в удмуртском языке существует два основных типа: обстоятельственные и определительные (качественные) наречия. В русской грамматике с самого начала XIX в. установилось деление наречий на вышеназванные грамматико-семантические классы. Еще Н. Орнатовский в «Новейшем начертании правил российской грамматики» (1810) довольно точно очертил границы между этими семантическими классами наречий (*adverbia qualitatis* и *adverbia circumstantiarum*). “Вместе с тем А. А. Шахматов делил наречия на обстоятельственные и формальные. К формальным

относятся те наречия, которые выражают «утверждение, вопрос, приказание, восклицание, отрицание, пожелание, заключение, домысел»... Однако «формальные наречия» принадлежат к смешанным, гибридным грамматическим типам, вклинивающимися в категорию наречий» [Виноградов 1972: 296]. Следует отметить, что подобное деление существует в большинстве языков, как родственных, так и не родственных. Особую проблему составляет лишь функционально-семантическая классификация наречий, деление их на подклассы, разряды, виды и подвиды, группы и подгруппы. Отождествление множества лексем по общему знаменателю, объединение их в единый грамматический класс и последующая их систематизация неизбежно связана с некоторым упрощением, огрублением, а также с тем видом субъективизма, который всегда имеет некоторые объективные основания [ТГСАЯ 1981: 88]. Например, в японском языке выделяют качественные, количественные и обстоятельственно-определительные наречия [ГСЯЯ 1986: 213]; в церковнославянском – качественные и обстоятельственные [Плетнева, Кравецкий 2001: 151–152]; в греческом – качественные и обстоятельственные [Попов 2001: 36–39]; в испанском – качественные, обстоятельственные и модальные [ГИЯ: электронный ресурс]; в шведском языке – локальные (указывают, где происходит действие), темпоральные (локализуют, с той или иной степенью конкретности, событие во времени), наречия образа действия или качественные наречия (характеризуют действие в том или ином отношении) и наречия количества и степени [Птицын: электронный ресурс]; в эстонском – качественные и обстоятельственные [Пяль 1955: 208–209]; в финском – качественные и обстоятельственные [ГФЯ 1958: 192] и др.

Таким образом, перед нами оказывается два основных разряда наречий: качественные и обстоятельственные. Различие между ними “сводится к тому, что обстоятельственные наречия не вносят каких-либо изменений в значение того или иного слова, которому они подчинены: *читал давно, писал дома, гримасничал назло, отказался сгоряча*; наоборот, определительные наречия

так или иначе уточняют определяемые ими слова, видоизменяют их значение, внося добавочные признаки; например, если к глаголу *читал* присоединяются наречия *громко*, или *нараспев*, или *неразборчиво*, то характер чтения получает большую определенность (получаются частые разновидности чтения)” [Гвоздев 1961: 395].

Определительные и обстоятельственные наречия отличаются своеобразием в плане передачи существенной информации высказывания. Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева отмечают, что обстоятельственные наречия (в первую очередь это касается наречий времени и места), как правило, являются содержательно необходимым элементом высказывания, таким, без которого минимум необходимой информации не был бы сообщен. Определительные наречия таким свойством не обладают, поскольку в большинстве случаев определяют и уточняют свойства уже названных глаголами, прилагательными, существенными явлений [СРЯ 2003: 450].

Таким образом, несмотря на свою малочисленность (по сравнению с определительными наречиями), обстоятельственные наречия используются в речи для передачи необходимой информации, в то время как слова другой семантической группы вносят лишь добавочные оттенки в основные значения определяемых ими слов.

Каждый из основных семантико-функциональных разрядов наречий включает в себя несколько подразрядов. Наиболее устоявшееся разделение имеют обстоятельственные наречия. В их составе традиционно отмечаются группы наречий места, времени, причины и цели. Причем последние две группы (наречия причины и цели) являются самыми малочисленными. Как отмечают лингвисты, способность выражать причинные и целевые отношения нельзя назвать характерной функцией наречия.

Разделение наречий на семантические группы не влечет за собой жесткого определения их границ. Существуют активные переходы как между разрядами внутри семантических классов, так и между основными классами

наречий. Одно и то же слово может совмещать в себе различные значения, наиболее ярко проявляя какое-то одно в определенном контексте.

1.1. Обстоятельственные наречия

Обстоятельственные наречия обозначают признак, внешний по отношению к его носителю. Обстоятельственные наречия распределяются на группы по семантическим признакам. В удмуртском языке к основным семантическим группам относятся:

1) наречия времени, обозначающие время, в которое совершается действие, отвечают на вопрос *ку?* ‘когда?’: *али* ‘сейчас’, *толбыт* ‘целую зиму’, *толалтэ* ‘зимой’, *туннэысен* ‘с сегодняшнего дня’, *уйин* ‘ночью’, *толон* ‘вчера’, *куке* ‘когда-то’, *кемалась* ‘давно’ и др.;

2) наречия места, обозначающие место или направление действия, отвечают на вопрос *кытын?* ‘где?’, *кытчы?* ‘куда?’, *кытысен?* ‘откуда?’: *кыдёкын* ‘далеко’, *татын* ‘здесь’, *педло* ‘на улицу’, *улласянь* ‘снизу’, *вылэ* ‘наверх’, *татысен* ‘с этого места, отсюда’ и др.;

3) наречия причины и цели (причинно-целевые): *юнме*, *токма* ‘зря, напрасно’, *юри* ‘нарочно’, *огиоры* ‘просто так’, *нимысьтыз* ‘специально’, *малы* ‘почему’, *малы ке* ‘почему-то’. Наречия этой группы обозначают причину и цель действия и отвечают на вопрос *малы?* ‘почему?’, *ма муген?* ‘с какой целью? по какой причине?’ и др.

1.1.1. Наречия времени

Наречия времени обозначают срок, в течение которого действие протекает, или указывают на время, в пределах которого действие начинается или завершается. Наречия времени отвечают на вопросы *ку?* ‘когда?’, *кудняла?* ‘сколько времени?’, *кема-а?* ‘как долго? долго ли?’, *куддырозь?* *куднялаозь?* ‘до каких пор? до какого времени?’, *куддырысь?* *куддырысен?* *куднялась?* *кудняласен?* ‘с каких пор? с какого времени?’, например, *туннэ* ‘сегодня’, *толон* ‘вчера’, *муказе* ‘завтра’, *туэ* ‘в этом году’, *лытазе*

‘вечером’, *цукна* ‘утром’, *али* ‘сейчас’, *толалтэ* ‘зимой’, *гужем* ‘летом’, *азыло* ‘прежде’, *вазь* ‘рано’, *валлян* ‘позавчера’, *ун* ‘ночью’, *аскы* ‘завтра’, *тулыс кизыны* ‘посеять весной’ и др.

Калык буре уз вайы туннэ сыцеосты, соослэсь нимъёссэс каргалом, пыраклы вунэтом соосты, – лек йылпумъяз со (Н. Вас., Кта., 70). ‘Народ не вспомнит **сегодня** таких, проклянем их имена, забудем навсегда, – со злостью закончил он’.

Тодаз лыктӱз: толон *ведь Мекан Сандырлэн пиез, юэм йырыныз гаражысь тракторен потыса, телефон юбоез донгытэм...* (Ф. Пукр., М., 292). ‘Вспомнил: **вчера** же сын Мекан Сандыра выехал на пьяную голову из гаража на тракторе и наехал на телефонный столб’.

Цуказе но араны уг лэзё на (К. Митр. Сз., 27). ‘И **завтра** жать еще не разрешают’.

Семьяез бадӟым ке но, ачиз со мӱйы ӧвӧл на, туэ гербер вылтӱ мырдэм 50 арес тырмиз (К. Митр. Сз., 10). ‘Хотя [его] семья и большая, сам он еще не старый, **нынче** в праздник Гербер **еле** исполнилось 50 лет’.

Толон лытазе санинструктор куриськиз вал рядовой боец луыса жугиськонэ пырыны (Иг. Гавр. Г., 13). ‘**Вчера вечером** санинструктор попросился было воевать в качестве рядового бойца’.

Цукна Зоя сайка но нырысь ик азбаре потэ, юрт котырзэс чакла, бакчазэс учке, мушъёссэс эскере (Г. Крас. Вю., 20). ‘**Утром** Зоя просыпается и в первую очередь выходит во двор, осматривает хозяйство, огород, проверяет пчел’.

Азыло вераме кызы гожтэмын, али но озыы ик луоз – ша! – ваньзэ озыы валэктэм мактал, пыдлось шокчиз но пыдес вылаз гырпумъяськиз, мыкырскиз со (С. Самс. В., 196). ‘Как и были записаны мои прежние показания, и **сейчас** так же будет! – ша! – так все попытался объяснить, глубоко вздохнул и облокотился, наклонился он’.

Толалтэ, буранъёс дыръя, бертэмез ойлась, кӧлаз татын ик, котельнойын (Г. Крас., Кмк., 15). ‘**Зимой**, во время буранов, домой возвращаться не мог, здесь же спал, в котельной’.

Гужем отчы убоос вискытӥ ветлӥськомы вал, нош толалтэ, ульчаысен бускель капкае пырыса, бакчатӥзы мыноно-ветлоно луылӥз (Уд, № 020, 2008). ‘**Летом** туда мы проходили между грядками, а **зимой**, зайдя к соседям с улицы, приходилось проходить по их огороду’.

Казённой шуонэз Полина азьло кӥзгес валалля, дыр, нош министерствоын ваньмыз сыце йӥтӥз: ачиз юртэз но, отысь кабинет но, лӥкк съӧрын пукись подполковникез но (С. Самс. В., 175). ‘Понятие «казенный» Полина **раньше**, наверно, недопонимала, а в министерстве все таким оказалось: и сам дом, и рабочий кабинет, и сидящий за столом ее подполковник’.

Атасэзлэсь чоръямзэ кылзон понна, вазь ик султэ но кыштырак ураме потэ (Н. Самс., Чач., 181). ‘Чтобы услышать пение петуха, уже **рано** встает [Алена] и быстро выходит на улицу’.

Наречия времени в предложении могут выражать разные оттенки своего значения:

1. *Нош Макар лӥкк съӧрын кема пуке на: яратэ со йырийськыны, лы сюриз ке, час но пукоз* (Г. Крас. Вю., 19). ‘А Макар еще **долго** сидит за столом: любит он погрызть, если кость попадет, и час будет сидеть’.

Кемалась ик ӧвӧл цыпет дурын, пичигес вуко сяна, мукет юртъер ой вал (Г. Крас. Вю., 38). ‘Еще совсем **недавно** у пруда, кроме маленькой мельницы, других строений не было’.

Наречия времени *кема, кемалась* ‘давно’ выражает длительность, продолжительность протекания действия.

2. *Кемалась-кемалась, – верало удмуртъёс, – улэм музъем вылын святой адями* (Г. Вер. 146). ‘**Давным-давно**, – говорят удмурты, – жил на земле святой человек’.

Азьло вӧсяськыло вылэм татын, Иван одӥг гырон быдтон празднике быдэс гуртэн лук пӧзьтыса сиемзэс тодэ на (С. Самс. В., 116). ‘**Раньше**

здесь молились бывало, Иван помнит еще, как во время праздника окончания сева всей деревней здесь ели кашу’.

Наречия *кемалась-кемалась* ‘давным-давно’ и *азьло* ‘раньше’ обозначают давность действия, по отношению к настоящему времени.

3. *Нош кин уг тоды: **нырысь** кинлы ке возъяськиськод ке, бератаз солы яке тушмон луиськод, яке соя кариськиськод* (Г. Крас. Вю., 39). ‘А кто не знает: если сперва кому-то завидуешь, потом ему или врагом становишься, или под него подстраиваешься’.

Наречие времени *нырысь* в значении ‘сперва, прежде, сначала’ выражает очередность действия.

Одни наречия времени указывают на определенное время, например: *али* ‘сейчас’, *толон* ‘вчера’, *уйин* ‘ночью’, *нуназе* ‘днем’, *лыт* ‘вечером’, *иукна* ‘утром’, *гужем* ‘летом’, *иуказе* ‘завтра’, *сһзыл* ‘осенью’, *туннэ* ‘сегодня’ и др.

*Тани **али** но мукет адямиос дорын пинальёс ящикъёссэс тырмытһллям, нош анаез-атаез гуртын ке луысалзы, пинальёс Кабышевъёс дорысь одһз сузь но пень ой поттысалзы* (Г. Крас. Вю., 16). ‘Вот и **сейчас** дети наполнили свои ящики у других людей, а если бы его родители были дома, дети не получили бы от Кабышевых ни одной горсти золы’.

***Толон** со журналистъёсын пумиськылһз, йылпумъянъёс лэсьтһз Россиысь МЧС-лэн Удмурт Республика Валтһсь управлениезлэн ортчем ар понна ужабезлы, озьы ик тодматһз туэлы чаклам ужтумъёсын* (Уд, № 026-027, 2008). ‘**Вчера** он встречался с журналистами, подвел итоги о работе Главного управления МЧС России по Удмуртской Республике за прошедший год, также познакомил с делами, запланированными на нынешний год’.

*Учкод ке, сое асьсэлэсь роднязэс кадь мылысь-кыдысь пумитазы, со понна **уйиор уйин** самовар пксятһзы, сиён-юон дасязы* (Иг. Гавр. Вп., 25). ‘Если посмотришь, его как своего родственника приняли от всего сердца, ради него **ночь за полночь** поставили самовар, приготовили еду’.

*Нуназе колхозэ ужаны пота, **лыт** бертэ но шутэтсконэз уг вала:* бакчаз муш умортооссэ тупатъя, маке тһрен шарккетэ, лопаткаен гудһське (Г. Крас. Вю., 5). ‘Днем [он] ходит работать в колхоз, **вечером** возвращается и не знает отдыха: в своем огороде чинит пчелинные улья, постукивает топором, копает лопатой’.

*Цукна уже кошкыкуз, сое но тае лэсьты шуэ, **лыт** бертэ но сиськыса* ёжытак шутэтскыны выдэ (Г. Крас. Вю., 12). ‘**Утром**, уходя на работу, дает работу на день (букв. ‘это и то сделай говорит’), **вечером** возвращается, и поужинав, ложится немного отдохнуть’.

*Цошен ог дасо пуд картофка поттһзы, мешоке тырыса, **цуказе** базаре* мыныны дасязы (Г. Крас. Вю., 50). ‘Вместе они вынесли около десяти пудов картошки, сложив в мешки, подготовили назавтра (букв. ‘завтра’) везти на рынок’.

Сһзыл Олексан кутсаськон лапасын ужаз (Г. Крас. Вю., 14). ‘**Осенью** Александр работал в молотильном амбаре’.

Туннэ со фермаязы нош ик куинь курегзы бырем (Г. Крас. Вю., 18). ‘**Сегодня** на той их ферме опять три курицы погибло’.

Другие наречия выражают неопределенное время, например: *куддыръя* ‘иногда’, *олоку* ‘неизвестно когда’ *туннэ-цуказе* ‘на днях’, *куке-соку* ‘когда-нибудь’, *бер* ‘поздно’, *берло* ‘позже’, *куке* ‘когда-то’ и др.

Макар куддыръя Олексанэз алэ: малы няньтэк сиськиськод? (Г. Крас. Вю., 18). ‘Макар **иногда** упрекает Александра: почему без хлеба ешь?’

Олоку озьы коттһськыны вуэм (П. Черн., Снн., 126). ‘**Неизвестно когда** [я] успел так промокнуть’.

Льегатскыны уг луы ни – бусыос тол шобретсэс куштһзы, туннэ-цуказе гырыны потоно луоз (Г. Крас. Вю., 47). ‘Временить уже нельзя – снег с полей сошел, на днях (букв. ‘сегодня-завтра’) нужно будет выйти на вспашку’.

Дарьялэн пересь анаез аслэсьтыз бызем шыкыссэ утылтыса возе: оло, куке-соку нылыз визьмаськоз но шыкыс кулэ луоз (Г. Крас. Вю., 56). ‘Бабушка

Дарьи свое приданое в сундуке хранит: может быть, **когда-нибудь** дочка за ум возьмется и понадобится сундук’.

Зоя фермае, курегъёсыз доры, бер гинэ мынэ: ойдо, сютэм уз кулэ-ай, нырысь аслэсьтыдзэ утялтоно (Г. Крас. Вю., 21). ‘Зоя на ферму, к своим курицам, **поздно** идет: не помрут с голоду, сначала нужно накормить собственных’.

Марья берло нош ик вулы потэм вал но, замокез адһыса, сялһиськыса кошкиз (Г. Крас. Вю., 26). ‘Позже Марья снова вышла было за водой, но, увидев замок, плюнула и ушла’.

Иван Комаров куке но зэмзэ ик Ваня Сысоев вал (С. Самс. В., 107). ‘Иван Комаров **когда-то** действительно был Ваней Сысоевым’.

Авторы “Грамматики современного удмуртского языка” отмечают, что наречия времени в сочетании с глаголами могут показывать разные временные отношения [ГСУЯ 1962: 296-297]:

а) длительность времени действия: *кема* ‘долго’, *гужембыт* ‘целое лето’, *толбыт* ‘целую зиму’, *кыктой* ‘в два дня’, *арскын* ‘за год’, *уен-нуналэн* ‘днем и ночью’, *лумбыт* ‘целый день’, *уйбыт* ‘целую ночь’ и др.

Дурисьёс усыез нуэм бере, Зоя кема нукыртһз на: “Тһни ведь мурт адямиез юртад лэзь гинэ – ваньзэ нуыса кошкозы” (Г. Крас. Вю., 16–17). ‘После того, как кузнецы унесли борону, Зоя еще **долго** ворчала: “Вот ведь, только чужого человека пусти в дом – все унесут”’.

Кирла «Беларусь» трактореныз гужембыт траншеяс гудһз, быдэс гуртлы һеч кариз, шуыны луоз, нош табере солы ик олокытчы палэнэ, Капитонов Мартынлэн капка азяз, вулы ветлоно луоз-а? (Г.Крас. Кмк., 6). ‘Кирилл **на протяжении всего лета** копал траншеи на тракторе «Беларусь», для всей деревни старался, можно сказать, а теперь ему куда-то на сторону, к воротам Капитонова Мартына, за водой придется ходить?’.

Пиналъёс со мында пень сюремлы шумпотһзы: со пенез Зоя угось толбыт люкам вал, вышкылэн тросаз луйське ни (Г. Крас. Вю., 15). ‘Дети

такому количеству золы очень обрадовались: ведь эту золу Зоя **целую зиму** собирала, почти полная бочка [золы] набралась’.

*Агрономлэн валэктэмезъя Макар **кыктой** може кенос ксьёсы пу решеткаос лэсьтӱз* (Г. Крас. Вью., 34). ‘По разъяснению агронома Макар **на протяжении двух дней** делал деревянные решетки на амбарные двери’.

*Банкӱс кредит висъяло **арскын 280 процентэн*** (Уд, № 018–019, 2008). ‘Банки выделяют кредит под 280 процентов **годовых**’.

*Группае вань дыръя, скалъёсы понна гинэ сюлмаськылӱ, эшӱёсылэсь уногес йӱл кыскон понна, **уен-нуналэн** тыришсько вал* (П. Куб., Т., 240). ‘Когда у меня была своя группа [коров], заботилась лишь о своих коровах, **днями и ночами** трудилась, чтобы больше других молока надоить’.

***Лумбыт** може быдэн куинь пол кидыс нуизы ке, котькудиз быдэн сузь ёрос кисьтиз ке...* (Г. Крас. Вью., 59). ‘Если за **целый день** каждый по три раза семена унесет, каждый по горсти на километр проронит ...’.

***Уйбыт** курадӱыса потӱз Гондыр* (М. Кон. Куёв., 28). ‘**Всю ночь** прострадал Гондыр’.

Данные наречия обычно отвечают на вопрос *кудняла?* ‘сколько времени?’, *кема-а?* ‘как долго? долго ли?’.

б) время действия до определенного периода: *лытозь* ‘до вечера’, *уйшорозь* ‘до полуночи’, *цукнаозь* ‘до утра’, *нуназеозь* ‘до обеда’, *гужемозь* ‘до лета’ *сӱзбылозь* ‘до осени’, *толалтэозь* ‘до зимы’ и др.

*Сыце-таце узырлыксы номыр ик ой вал, озьы ке но, багаж дасян **лытозь** ӱз быр* (Иг. Гавр. Вп., 253). ‘Никаго такого богатства у них не было, тем не менее, сбор багажа и **до вечера** не закончился’.

*Нош со тодӱ вал, бюро **уйшорозь** но заседать кырылӱ шуыса* (Иг. Гавр. Вп., 250). ‘А она знала, что бюро и до **полуночи** заседает’.

*Али тон квартираяд бертыса шутӱтскы, **цукнаозь** Москваысь поезд уз луы ни* (Г. Крас., Кц., 28). ‘Ты сейчас возвращайся в свою квартиру и отдыхай, **до утра** поезда из Москвы уже не будет’.

Нуназеозь, зэмзэ но, чорыг умой сюриз (Н. Бел., П., 265). ‘До обеда, и вправду, рыба хорошо ловилась’.

Футболэн шудон возьмы гужемозь љужаса вуттоз-а, шуг вераны (Уд, № 025, 2008). ‘Футбольное поле до лета успеет ли покрыться травой, трудно сказать’.

Ми туж шумпотӱськом, дорамы бюджетм сяськаос тулысысен сӱзъылозь шулдыртозы Ижевсклэсь урамъёссэ, – вераз сяська бюджетонъя предприятиэн кивалтӱсез Марат Аухадеев (Уд, № 021, 2008). ‘Мы очень рады, цветы, выращенные у нас, будут украшать улицы Ижевска с весны до осени, – сказал руководитель цветочного предприятия Марат Аухадеев’.

Эти наречия обычно отвечают на вопросы *кытчюзь? куддырозь? куднялаозь?* ‘до каких пор? до какого времени?’.

в) время как начало действия, с каких пор протекает действие: *цукнаысен* ‘с утра’, *туэысен* ‘с этого года’, *сӱзъылысен* ‘с осени’, *лытысен* ‘с вечера’, *кемалась* ‘давно’ и др.

Цукнаысен љытозь коркаетӱ но азбартӱ ширъяз, ас понназ нургетыса, ялан маке но ужаз (Иг. Гавр. Вп. 144). ‘С утра до вечера он шастал по дому и по двору, что-то бурча про себя, постоянно что-то делал’.

Вераме потэ созэ но: туэысен шаерысьтымь предприятиосты кышкытлыклэсь утиськон ласянь уката но зол чаклалозы (Уд, № 026-027, 2008). ‘Хочется сказать об этом: с этого года предприятия республики будут более защищены от опасностей’.

Шулдыръяськон люкетэз ласянь верано ке, сӱзъылысен репетициос ортчытъяло ни (Уд, № 025, 2008). ‘Если говорить о развлекательной части, репетиции проводят уже с осени’.

Чебершур селоын Иларий поп кемалась улэ, кык черк пуктыны вуиз ини (К. Митр. Сз., 64). ‘В селе Чебершур поп Иларий давно живет, уже две церкви успел построить’.

Вышеупомянутые наречия обычно отвечают на вопросы *куддырысь? куддырысен? куднялась? кудняласен?* ‘как давно? с каких пор начиная? с какого времени?’.

1.1.2. Наречия места

В удмуртском языке наречия, указывающие на место, направление действия, составляют разряд наречий места. Наречия места отвечают на вопросы *кытын? ‘где?’*, *кытчы? ‘куда?’*, *кытысь? ‘откуда?’*, *кытысен? ‘откуда? с какого места?’*. Например: *отын* ‘там’, *татын* ‘здесь’, *отчы* ‘туда’, *татчы* ‘сюда’, *отысь* ‘оттуда’, *татысь* ‘отсюда’, *азьпалан* ‘впереди’, *кыдѣкын* ‘далеко’, *педло* ‘на улицу’, *отысен* ‘оттуда’, *татысен* ‘отсюда’, *талань* ‘в эту сторону’, *пушласянь* ‘изнутри’ и др.

Как отмечает С. А. Гочияева [1973: 53], общей чертой, характеризующей наречия места, является их форма – в большинстве своем наречия места представляют собой различные формы пространственных падежей: дательно-направительного, местного и исходного. Данное обстоятельство также отмечено в «Современном коми языке». Авторы данной книги пишут, что многие наречия сохранили остаточные явления изменений по падежам [СКЯ 1955: 253]. Сохранились в основном суффиксы пространственных падежей. Например: ср. к. *улын* и удм. *улын* ‘внизу’ (форма местного падежа); ср. к. *улысь* и удм. *улысь* ‘снизу’ (форма исходного падежа); ср. к. *улӧ* и удм. *улэ* ‘вниз’ (форма вступительного падежа); ср. к. *увлань* и удм. *улань* ‘вниз’ (форма приблизительного падежа); ср. к. *улӧд*, *увті* и удм. *ултӧ* ‘вниз, понизу’ (формы переходного падежа); ср. к. *улӧдз* и удм. *улозь* ‘донизу’ (форма предельного падежа).

Наречия места могут обозначать:

а) отдаленность действия: *кыдѣкын* ‘далеко’, *отын* ‘там’, *кыдѣкысен* ‘издалека’, *отысен* ‘с того места’, *отысь* ‘оттуда’, *отчы* ‘туда’, *пыдлон* ‘глубоко’ и др.

*Тымет выжесз ортчыса, паллянэ кожизы но изэн вöлдэм нялмыт сюрес кузя көня ке гинэ тубизы, **кыдёкын**, ыргетэм кадь, гудыри кылһськиз* (Иг. Гавр. Вп., 75). 'Пройдя по мосту через пруд, [они] повернули налево и лишь поднялись по гладко выложенной камнем дороге, **вдали**, как ор, слышался гром'.

*Удмуртлэн юртаз пыриськод ке, тонэ **отын** судо, вордо, дурыстэм умой куноято* (К. Митр. Сз., 38). 'Когда заходишь в дом удмурта, тебя **там** кормят, поят, очень хорошо угощают'.

*Тима **кыдёкысен** кутскиз, Микта Иванэз чылкак вунэтэм кожалод* (Г. Крас. Вю, 44). 'Тима начал **издалека**, можно подумать, позабыл о Микта Иване'.

*Пуны љожомем тусын лапас улэ кошке, **отысен** Макар шоры вырһылытэк учкыса улэ* (Г. Крас. Вю., 17). 'Собака с хмурым видом уходит под навес, **оттуда**, уставившись (букв. не шевелясь), смотрит на Макара'.

*Берпумзэ учкиз на кызьпуэз шоры, собере секыт вамышьёсын **отысь** кошкиз* (Н. Вас., Сф., 95). 'В последний раз посмотрел на свою березу, потом тяжелыми шагами ушел **оттуда**'.

*Колхозной бусы – со асьме бакча öвöл, **отчы** коть дурыныз киська – иназ уз мыны!* (Г. Крас. Вю., 16). 'Колхозное поле – это не свой огород, **туда** хоть через край сыпь – толку не будет'.

*Солэн нимыз – юон, выжыез – **пыдлон**, нош пумыз – бырон* (А. Увар., ПМкм., 341). 'Ее имя – выпивка, корни – **глубоко**, а конец – смерть'.

б) близость действия: *матын* 'близко', *татысен* 'с этого места', *матын* 'здесь', *татысь* 'с этого места' и др.

***Матын** сыце улон, борд ськрын гинэ, кидэ мычид ке, сузёд* (Г. Крас. Вю, 12). '**Рядом** такая жизнь, за стеной, если руку протянешь – дотянешься'.

***Татысен** ик, Глазов музьем вылысен, Кировысь лыктэм операя труппа спектакльзэ возьматыку, нбыль аресьем Ритаез сцена вылэ пичи вуныл пкрмытыса поттазы* (Уд, № 134–135, 2008). 'Здесь же (букв. **отсюда**), на

глазовской земле, при показе спектакля оперной труппой из Кирова, четырехлетнюю Риту выводили на сцену в образе маленькой русалки’.

*Ваньзэ адһыса вылысь синһестэ кынёно ке, малы кулэ **татын** инспектор, ма понна тыныд диплом но мултэс кизили* (С. Самс. В., 176).

‘Если, видя все, заново закрыть на это глаза, для чего нужен **здесь** инспектор, ради чего тебе диплом и лишние звезды’.

*Музъем ськд-ськд, 1941-тһ-1945-тһ арһёсы, тылож дырһя, юнме кькл уго немецһёс **татысь** составен-составен Германияе ворттһллям туж удалтытһсь ськд сюез* (Уд, № 132, 2008). ‘Земля черная-пречерная, не зря **отсюда** немцы во время войны в 1941–1945 гг. составами возили в Германию плодородную черную землю’.

в) направление действия: *улань* ‘вниз’, *вылласянь* ‘сверху’, *паллянэ* ‘налево’, *вылэ* ‘наверх’, *азьпала* ‘вперед’, *солань-талань* ‘туда-сюда; из стороны в сторону’ и др.

*Карнизэз мецак липемын, соин та корка, картуз нырзэ **улань** лэзһыса, кык укноосыныз-синһёсыныз кыдёке бусые сак учкыса пукись мурт кадь потэ* (Г. Крас. Вю., 4). ‘Карниз круто поставлен, поэтому этот дом, картуз-нос **вниз** опустив, похож на сидящего человека, смотрящего внимательно двумя глазами-окнами далеко в поле’.

*Тазалыксэс эскеро – **вылласянь** учкыса, нокыце туалэ эмһян техникаез уже уг куто* (Уд, № 083-084). ‘Здоровье проверяют – поверхностно (букв. **сверху**) смотрят, никакую современную оздоровительную технику в работе не иприменяют’.

*Кузнецов кожиз **паллянэ**, мышказ мынһсь мурт – со бёрсьы* (П. Кул., Зч., 67). ‘Кузнецов повернул **налево**, следовавший позади человек – за ним’.

*Куд-ог дырһя чорыг утчась тылобурдоос ву вылэ пукыц кадь лэзисько но сылһсь муртһёслэн йыр йылтһзы ик мецак **вылэ** тубо* (М. Кон. Куöv., 9). ‘Иногда ищущие рыбу птицы, словно стрелы опускаются на воду и резко поднимаются **вверх** прямо над головами стоящих людей’.

Гондыр юн-юн **азьпала** тэтчиз, пужым бордысь висьяськиз (К. Митр. Сз., 35). 'Медведь далеко **вперед** прыгнул, отошел от сосны'.

Адямиос **солань-талань** ветло, тракторъёс дыбырто, автомашинаос жургето (Г. Крас. Вю., 38). 'Люди ходят туда-сюда, трактора дребезжат, машины шумят'.

Наречия места в предложении могут указывать непосредственно:

1. На место протекания действия. Они отвечают на вопрос *кытын?* 'где?', например, *отын* 'там', *матын* 'близко', *татын* 'здесь', *котькытын* 'везде', *нокытын* 'нигде', *азьпалан* 'впереди', *кыдёкын* 'далеко', *кытын-отын* 'местами' и др.

Учыр тупаз: валлян арын Микта Иван вужмем корказэ пулы вуаз, ачиз райцентре Акташе улыны кошкиз, отын райисполкоме конюхе пырем (Г. Крас. Вю., 4). 'Случай подвернулся: в позапрошлом году Микта Иван продал свой старый дом на дрова, сам переехал жить в районцентр Акташ, **там** устроился конюхом в райисполкоме'.

Ки йылаз лутэтэз секыт ке но кэкъл, со укыр матын шока, шуныт киосыныз укыр юн ныгырске (Г. Крас. Вю., 34). 'Хотя и на руках груз не тяжелый, он слишком **близко** дышит, теплыми руками крепко прижимается'.

Кытһяз Олексанлэн соослы пумит ваземзы потэ: «Мар тһ косяськиськоды, котькытын кузёськиськоды?» (Г. Крас. Вю., 39). 'Иной раз Александр хочет им возразить: «Что вы приказываете, **везде** хозяйничаете?»'.

Нокытын ужпум өд жутэ? (С. Самс. В., 98). '**Нигде** вопрос не подняли?'.

Сыце ярез васькиськод – азьпалан лкквыл кадь шошкыт бусы, кжыт мынһськод – нош ик мең васькон сюрес (Г. Крас. Вю., 38). 'С такого обрыва спускаешься – **впереди**, словно поверхность стола гладкое поле, немного идешь – снова круто спускающаяся вниз дорога'.

Нош Олексанлы со, матын ке но, сузёнтэм кыдёкын (Г. Крас. Вю., 12). 'А она Александру хотя и **близко**, но недоступно **далеко**'.

Куазь уродьяськемен, кытын-отын урод ужаз связь, кысылһз тыл (Уд, № 031, 2008). 'Из-за плохой погоды местами (букв. кое-где) плохо работала связь, гас свет'.

2. На направление действия или процесса. Они отвечают на вопрос *кытчы?* 'куда?', например, *кыдёке* 'далеко', *отчы* 'туда', *татчы* 'сюда', *нокытчы* 'никуда', *пыдло* 'вглубь', *педло* 'на улицу, наружу', *котькытчы* 'хоть куда', *палэнэ* 'в сторону', *отчы-татчы* 'туда-сюда', *вылэ* 'вверх', *улань* 'вниз', *азьлань* 'вперед', *выллань* 'наверх', *берлань* 'назад', *мыдлань-азьлань* 'взад-вперед', *сы́крлань* 'назад', *солань-талань* 'туда-сюда' и др.

Курегпуз ккмзэ кыдёке палэнэ пазьгиз [Зоя] (Г. Крас. Вю., 30). 'Яичную скорлупу [Зоя] отбросила далеко в сторону'.

«Кинэн шедьтһд, отчы ик мын!» – лек шыпыртһз Микол, мыжыкъяссэ *кисыюсаз ватыса* (Г. Крас. Вю., 7). '«С кем нагуляла, туда и иди!» – зло прошептал Николай, спрятав кулаки в карманах'.

Уг луы-а вал татчы ваемед, асьмелэн но инты сюрисал (Г. Крас. Вю., 25). 'Не мог ли [ты] сюда привести, и у нас бы место нашлось'.

Нокытчы уг кошки шуиз (Г. Крас. Вю., 26). 'Сказал, что никуда не уйдет'.

Котомказэ берен лач-лач думылһз но койка улаз пыдло донгиз (Г. Крас. Вю., 30). 'Котомку [он] снова крепко-накрепко завязал и спрятал вглубь под койку'.

Андрейлэн котькытчы, котькинэн вераськыны дырыз тырме, уг но акыльты лэся (Г. Крас. Вю., 39). 'У Андрея везде (букв. хоть куда), со всеми (букв. хоть с кем) разговаривать времени хватает, и не устает, видимо'.

Шофер соослы вуэн ведра, корт банкаен керосин сётэ но ачиз палэнэ пуксе (Г. Крас. Вю., 48). 'Шофер им дает ведро с водой, керосин в железной банке и сам садится в сторону'.

Мумиз но котыраз бергаз, тыбыраз цемент мешокен я ки йылаз кирпичен отчы-татчы вутскылһз (С. Самс. В., 109). 'И мать крутилась

(помогала) вокруг него, с мешком цемента на спине или с кирпичами на руках **туда-сюда** попевала’.

*Пельпумысьтыз погонъёсыз маке пöртмасько – **вылэ** урдёсько, улланы лэзько, нош выланы ...* (С. Самс. В., 122). ‘Погоны на плечах что-то колдуют – **вверх** поднимаются, вниз опускаются, снова вверх ...’.

*Нош малы ыжъёсыз уг ваё на? – чагыр платья сёзызэ улланы курткалтыса султёз но урам шоры вамыштёз, **уллине** учкиз со* (С. Самс. В., 115). ‘Почему же овец до сих пор не гонят? – стряхнув подол голубого платья, встала и зашагала в сторону улицы, **вниз** посмотрела она’.

*Айда, **азьланы** вамышты!* (Г. Крас. Вю., 48). ‘Айда, **вперед** шагай’.

*Курась муртъёс солы оgez но уг ярало: я мугорын тэшкыльтыса погыртымон, я ымнырыз шуш, я семьязы бадньым, – *кжыт-а муг шедьтэ Вара соосты **берланы** келяны* (Иг. Гавр. Вп., 16–17). ‘Из сватовей ей никто не нравится: или ростом невелики, или на лицо не красивы, или семья у них большая, – мало ли причин находит Варя, чтобы отослать их **обратно**’.*

*Антракт дыръя фойеетё калык **мыдланы-азьланы** ветлэ* (Иг. Гавр. Вп., 114). ‘Во время антракта народ туда-сюда (букв. **взад-вперед**) ходит по фойе’.

*Лёкк вылысь пряник басьтэ, синучкон азе мыныса, кузьым кышетсэ я **ськрланы**, я ангес улаз керттэ, буртчин лентаоссэ йырси пунэтъёсыз борды мерта* (Иг. Гавр. Вп., 101). ‘Со стола берет пряник, идет к зеркалу, завязывает подаренный платок то **назад**, то под подбородок, примеряет шелковые ленты к косичкам’.

*Чебер дёсяськем калык ульчаётё **соланы-таланы** мынэ-ветлэ* (Иг. Гавр. Вп., 109). ‘Одетый нарядно народ по улице ходит **туда-сюда**’.

3. На место, откуда действие исходит, или место, которое является начальным пунктом действия. Они отвечают на вопрос *кытысь?* ‘откуда’, *кытысен?* ‘откуда? с какого места?’, например, *олокытысь-марысь* ‘откуда-то’, *пушласянь* ‘изнутри’, *отысен* ‘оттуда; начиная оттуда’, *кыдёкысен* ‘издалека’, *татысен* ‘отсюда; начиная отсюда’, *олокытысь* ‘откуда-то’, *кытысь ке кыдёкысь* ‘откуда-то издалека’, *отысь* ‘оттуда’, *нокытысь*

‘ниоткуда’, *котькытысь* ‘езде’, *пушласянь* ‘изнутри’, *кудласянь* ‘с какой стороны’, *улласянь* ‘снизу’, *вылласянь* ‘сверху; свысока’, *мышласянь* ‘сзади; с тыла; с задней (с тыльной стороны)’, *ськрласянь* ‘сзади; с тыла; с тыльной стороны’ и др.

Пырись муртлэн пумитаз олокытысь-марысь, боз-боз куараен утыса, кион быдӧа пурысь овчарка потэ (Г. Крас. Вю., 5). ‘Навстречу входящему человеку **откуда-то** с грубым лаем выбегает серая овчарка величиной с волка’.

Тамаксэ кыскем бераз, азбаре потэ, капкалэсь ваменпузэ донге, бакчае потон ыбесэз пушласянь зырен пыке, пудо гидзэс замокен ворса (Г. Крас. Вю., 19). ‘Покулив, выходит во двор, толкает засов калитки, подпирает ворота, ведущие в огород, **изнутри** колом, закрывает хлев на замок’.

Отысен кошке ни, кушем ним адями борды вурем кадь лякиське (Г. Крас. Вю., 21–22.) ‘**Оттуда** уже идет, прозвище за человеком как приклеенное (букв. пришитое) ходит (букв. лепится)’.

Акташе базаре автомашинаен мыно вал, адямиос кыдӧкысен тодмаллязы: «Эх, акагуртъёсыд вуо, тани быдэс базар тыр вузьёс ваёзы но дунъёсты уськытозы» (Г. Крас. Вю., 22). ‘На базар в Акташ [они] на автомашине ездили, люди **издалека** узнавали: «Эх, акагуртовцы едут, сейчас на весь базар товару навезут и цены снизят»’.

Номыр сыце-таце кӧкл ке, татысен умой луоз поссоветэ документ воштон сярысь пыраны (С. Самс. В., 114). ‘Если ничего такого нет, **отсюда** лучше будет зайти в поссовет по поводу замены документов’.

Малы соин тазыы вырыськод но олокытысь оломае тодад ваиськод? (С. Самс. В., 123). ‘Почему с ним так поступаешь и **откуда-то** что попало припоминаешь?’.

Пельськраз кытысь ке кыдӧкысь кылӧськиз чангес куара (С. Самс. В., 107). ‘За его спиной (букв. за ухом) **откуда-то** издалека слышался звонкий голос’.

Но кытысь но бадһым ккто яке векчи чыртыё бутылка кз шедьты (С. Самс. В., 118). ‘Нигде (букв. **ниоткуда**) ни большой (букв. толстопузой), ни маленькой (букв. с узким горлышком) бутылки он не нашел’.

Иван котькытысь утчаськиз соку (С. Самс. В., 118). ‘Иван тогда везде (букв. **отовсюду**) искал’.

Љуаны сётаки пушласянь кутскемын – вань коръёс солань эгырһемян, кыр палтһз сзрегпумен кылемъёсыз вань, сутскыны вуэмын кккл (С. Самс. В., 202). ‘Гореть все-таки **изнутри** начало – все бревна с той стороны обуглены, с наружной стороны головешки остались, не успели сгореть’.

Мотя ксэз пушласянь маин ке жингырак пунъяз (Иг. Гавр. Вп., 331). ‘Мотя со звоном чем-то **изнутри** закрыла двери’.

Улласянь золгес мыжгид ке, курик пезьдоз (Иг. Гавр. Вп., 331). ‘Если **снизу** посильнее ударишь, крючок отворится’.

Мар тон, мар тон? – Кирилл султһз но, Семён вкзы ик кариськыса, синъёсаз улласянь учкиз (Кенеш, 11). ‘Что ты, что ты? – Кирилл встал и, подойдя вплотную к Семену, **снизу** поглядел ему в глаза’.

Ми шоры вылласянь гинэ учкод на... (Иг. Гавр. Вп., 134). ‘На нас **свысока** только будешь смотреть...’.

Мукет государствоос огкылысь кутскысалзы ке, Микта агай кадъёс татын Советской властез мышласянь чыртытһз кекатысалзы (Иг. Гавр. Вп., 279). ‘Если бы другие государства объединились (букв. сообща начали), такие как Микола задушили бы здесь Советскую власть **с тылу**’.

Комиссилэн членъёсыз Кузьмаез ськрласянь кутһзы но либатыны кутскизы (Иг. Гавр. Вп., 221). ‘Члены комиссии схватили Кузьму **сзади** и начали успокаивать’.

4. На место, по которому происходит движение. Они отвечают на вопрос *кытһ?* ‘где; по какому месту?’, например, *татһ* ‘здесь; по этому месту’, *палэнэтһ* ‘стороной’, *кудпалтһ* ‘с какой стороны’, *отһ* ‘там; по тому месту’, *ултһ* ‘снизу’ и др.

*Азбар палась укнуосын занавескаос ќвкл: малы кулэ соос, **tamh** нокин уз учкы* (Г. Крас. Вю., 6). ‘На выходящих во двор окнах нет занавесок: для чего они нужны, сюда (букв. **здесь**) никто не посмотрит’.

*Валэн ужась эшъёсызлэсь **палэнэтһ** кошкыны турттылһз* (Г. Крас. Вю., 11). ‘Друзей, работающих на лошадях, он пытался обходить **стороной**’.

*Соосты уд вала, ку куртчозы, **кудпалтһ** тэтчозы* (Г. Крас. Вю., 46). ‘Их не поймешь, когда укусят, **с какой стороны** прыгнут’.

*Аслэстыд юаны ымме усьтһсько вал ай, **отһ** Мишаез ќд шќды-а шуыса, Ижысь адямиеныз со Чебернюк пала мынэмен вераз* (С. Самс. В., 150). ‘У тебя самого [я] хотела спросить (букв. рот открывала), не видел ли **там** Мишу, он сказал, что с человеком из Ижевска в сторону Чебернюка пошел’.

*Ярам, созэ усьтыны тодэ – **ултһз** кидэ лэзиськод но вамен донгем пу лопатка ныдзэ кыскиськод – шальк!* (С. Самс. В., 119). ‘Хорошо, как это [дверь] открыть знает – **снизу** руку просовываешь и за поперек расположенную деревянную ручку лопаты тянешь – шальк! [открывается]’.

5. Пространственный предел действия (движения), его конечную точку. Они отвечают на вопрос *кытчыозь?* ‘докуда? до какого места?’, например, *отчыозь* ‘до того места, дотуда’, *татчыозь* ‘до этого места’ и др.:

*Тодһзы, со **отчыозь** уз вутты, Харампурысь буровое кожоз* (С. Самс. В., 113). ‘Узнали, что он **дотуда** не довезет, из Харампура на буровую повернет’.

***Татчыозь** вуид ини.* ‘До этого места дошел уже’.

1.1.3. Причинно-целевые наречия

Наречия причины указывают на причину, основание, в силу которых происходит действие.

Наречия цели указывают на назначение совершаемого действия, на цель, ради которой действие происходит.

По причине того, что наречия причины и наречия цели в удмуртском языке отвечают на одни и те же вопросы, принято рассматривать их вместе.

Примечателен тот факт, что наречия данной группы обозначены Д. В. Бубрихом как “наречия основания, без четкого разграничения причины и цели”: *жаляддзя* ‘из жалости (ради жалости)’, *гажаддзя* ‘для веселья (ради веселья)’ [Бубрих 1949: 90].

Наречия причины и цели в удмуртском языке отвечают на вопросы: *малы?* ‘почему? зачем?’, *ма муген?* ‘с какой целью?’, *ма сэрен?* ‘вследствие чего?’.

Круг наречий этих групп весьма ограничен. Значения этих групп слов настолько близки, что трудно установить границы между наречиями причины и цели, например, *юнме* ‘напрасно’, *юнмысь* ‘напрасно’, *юри* ‘нарочно, специально’, *юромо* ‘нарочно, специально’, *огшоры* ‘просто, запросто’, *нимысьтыз* ‘специально’, *малы* ‘почему, зачем’, *малы ке* ‘почему-то’, *токма* ‘зря, напрасно’, *дауре* ‘попусту, зря’, *юнме шорысь* ‘напрасно’, *токма шорысь* ‘напрасно’.

Юнме уг верало, дыр: «*Оген венез но лутыны секыт, дэмен лутыку кор но капчи*» (Г. Крас. Вю., 5). ‘**Незря** говорят, наверно: «В одиночку и иголку поднять тяжело, вместе – и бревно легко»’.

Юнме Тћ озьы, Галя ... Галина Степановна (Г. Крас. Вю., 36). ‘**Напрасно** Вы так, Галя ... Галина Степановна’.

Пиме, пиме юнмысь сёсыртћзы ук (К. Митр. Сз., 41). ‘Сыночка, сыночка напрасно поранили же’.

Куать арес дыръяз юри тротуар кузя писэйпиосыз утчаса ветлэ вал (М. Кон. Куёв., 14). ‘В шестилетнем возрасте [он] **нарочно** ходил и искал котят вдоль тротуаров’.

Мон юромом номыр ой куареты, пересез возжомытон понна (Г. Крас. Ок., 33). ‘Я **нарочно** ничего не сказал, чтобы разозлить старуху’.

Нимысьтыз эскере выпускной курсысь нылъёсты (Г. Дан. Усв., 213). ‘**Специально** проверяет девушек с выпускных курсов’.

Тћни малы бригадир но Педорлэн куронэзлы пумит өз кариськы ни (Г. Крас., Кц., 23). ‘Вот **почему** бригадир не был против просьбы Федора’.

*Кулһзы шуыса эн куректы **токма**: нуныосыдлэн ик луззылы сояз дуннеын секыт луоз...* (К. Митр. Сз., 65). ‘Не грусти **зря** о их смерти: душам твоих же младенцев на том свете тяжелее будет...’.

***Юнме шорысь** туннэ инженеръёслэсь корказэс синъяз* (М. Кон. Куёв., 22). ‘**Неожиданно** сегодня заметил дом инженеров’.

***Токма шорысь** монэ сереме медам уськыты* (К. Митр. Сз., 50). ‘**Зря** пусть меня не просмеивают’.

1.1.4. Многозначность обстоятельственных наречий

Современный удмуртский язык очень богат наречиями, обозначающими пространственные и временные отношения. Между этими двумя группами наречий тесная связь и постоянное семантическое взаимодействие. Многие наречия места совмещают свое первоначальное пространственное значение с временным. Например:

*Макар кышнозэ куспетһ карытэк кылзһське, **кытһ-кытһ** гинэ маке со вера* (Г. Крас. Вю., 33). ‘Макар слушает жену не перебивая, лишь изредка [букв. где-где] что-то говорит’.

***Кытһяз**, курег сиён бервылэз иужыса, кык-куинь сузь сезьы вае, азбараз пырыса, чангес куараен курегъёссэ кте* (Г. Крас. Вю., 17). ‘**Иной раз**, подметая остатки корма за курицами, приносит две-три горсти овса, заходит во двор и звонким голосом подзывает куриц’.

***Кытһяз** Макар уж дурысь бертэ но вунэтыса дэри пыдкутчанэныз пырак льёк пала мынэ* (Г. Крас. Вю., 6). ‘**Иногда** Макар возвращается с работы и, позабыв, что в грязной обуви, напрямик идет к столу’.

*Кормушкаос сярысь вераз, **отһяз** котьмар мед карозы, асьсэос тодо* (Г. Крас. Вю., 60). ‘О кормушках сказал, **далее** пусть хоть что делают, сами знают’.

*Зотов **олокытһ-мар** дһсьсэ но воштэм* (С. Самс. В., 141). ‘Зотов когда-то (букв. где-то-что) и одежду поменял’.

Также на временные отношения могут указывать такие наречия места, как *отчыозь* ‘до тех пор’, *татысен* ‘с этих пор’, *татчыозь* ‘до этого времени’, *кытчыозь* ‘до каких пор’, которые обозначают время, в течение которого может продолжаться действие. Временной оттенок таких наречий отражается, как правило, в сложных предложениях.

Отчыозь коньдон но ѳжытак луоз ни, – кѳня уждун басьтонзэ лыдья (М. Кон. Куѳв., 28). ‘**К тому времени** и денег немного наберется, – рассчитывает свою будущую зарплату’.

Ярано коть, кыкетћ атаез Марияез пичи но кз ултћя, ас нылзэ сярись но золгес яратћз кадь. Татысен ик *Лаптевъёслэн* улонзы калленэн *радьяськиз* (Уд, № 125, 2008). ‘Ладно хоть, отчим Марию нисколько не обижал, даже как будто любил крепче собственного ребенка. **С тех пор** жизнь Лаптевых тихонько наладилась’.

Полина Зотовалэн ужезья – гуртын адями ышемын, *татчыозь* кытынзэ уг тодо, оло виыса йырысьтыз кышетэз кыись кие ветлэ... (С. Самс. В., 169). ‘По делу Полины Зотовой – в деревне человек пропал, **до сих пор** не знают ее местонахождение, может ее убили, и ее платок по рукам ходит...’.

Ваньзэ гожтћд ке, *Дедюхинлы* уз йѳты-а, бусёнзэ нокыце пропискатэк возем *татчыозь* (С. Самс. В., 140). ‘Если все напишешь, Дедюхину не попадет ли, что свояка **до сих пор** без всякой прописки держал’.

Кытчыозь городаын улод? ‘Как долго будешь жить в городе?’.

Особенность наречий места, совмещающих свое первоначальное пространственное значение с временным, характерно для многих языков, как родственных, так и неродственных. В коми языке [СКЯ 1955: 259] многие наречия места могут употребляться во временном значении. Эти две группы тесно связаны между собой. Например: *бѳрвылас* видзѳдѳ ‘назад смотрит’ (*бѳрвылас* является наречием места); *бѳрвылас* тыдовтчас ‘потом, впоследствии выяснится’ (здесь слово *борвылас* является наречием времени) и т. д. В «Грамматике современного башкирского литературного языка»

отмечено, что некоторые наречия имеют полисемантический характер. Их конкретное значение можно определить лишь в контексте. Так, наречие *артабан* употребляется в значениях ‘туда, дальше’ и ‘в дальнейшем’, т. е. может обозначать как место, так и время действия, наречия *ары-бире* ‘туда-сюда’, ‘кое-как’, *\йб\р\нсз* ‘в каждом доме, ‘из дома в дом’ совмещают в себе значения места и образа действия [ГСБЛЯ 1981: 199].

1.2. Определительные наречия

“Определительные наречия выражают качество действия или состояния, различные их свойства или признак признака с качественной стороны. Они уточняют подчиняющие слова, внося в их значение новые добавочные признаки или же выражают качественную характеристику различных оттенков действия” [Трощева 1969: 5].

К определительным наречиям в удмуртском языке относятся:

1) наречия образа или способа действия: *озьы* ‘так’, *шуак* ‘вдруг’, *мылысь-кыдысь* ‘усердно, энергично’, *чаляк* ‘быстро’, *кужмысь* ‘насильно’, *нялтас* ‘попутно’, *уртче* ‘вместе, совместно’ и др.;

2) наречия степени: *ортчит* ‘слишком’, *укыр* ‘очень’, *уката* ‘очень’, *дурыстэм* ‘чрезмерно, через край’, *сокем* ‘настолько, так’, *туж* ‘очень’, *лекос* ‘очень, слишком’ и др.;

3) наречия меры и количества: *далай* ‘порядочно, давненько’, *чарак* ‘порядочно’, *огпол* ‘однажды’, *кыктой* ‘в течение двух дней’, *дасой* ‘в течение десяти дней’, *тырмыт* ‘достаточно, полно’ и др.

Несколько спорным является мнение о наречиях степени. В данном случае их можно сопоставить с русскими эквивалентами. А. И. Моисеев не причисляет группу наречий степени к разряду определительных слов. Автор аргументирует свою позицию тем, что наречия степени уточняют прилагательные, качественные наречия и слова категории состояния, а не глаголы, как это свойственно качественным (или определительным) наречиям [Шкляр: электронный ресурс].

1.2.1. Наречия образа или способа действия

Наречия образа или способа действия показывают, каким образом, каким способом протекает действие. Они отвечают на вопрос *кызьы?* ‘как? каким образом?’ Как и в коми языке, “эти наречия при глаголах играют ту же роль, какую и качественные имена прилагательные при именах существительных. Они показывают качественный признак действия так же, как качественные имена прилагательные показывают качественный признак предмета” [СКЯ 1955: 259]. Например: [удм. *умой адями* ‘хороший человек’ – *умой дышетске* ‘хорошо учится’; *ческыт сиён* ‘вкусная еда’ – *ческыт пöраны* ‘вкусно готовить’; *визьмо пуны* ‘умная собака’ – *визьмо малпаськыны* ‘умно думать’; *яркыт шунды* ‘яркое солнце’ – *яркыт пиштэ* ‘ярко светит’; *чебер ныл* ‘красивая девочка’ – *чебер гожъяське* ‘красиво пишет’].

Данная группа наречий самая многочисленная в удмуртском языке. Например: *шара* ‘вслух, открыто’, *пыдын* ‘пешком’, *чаляк* ‘быстро, мгновенно’, *кужмысь* ‘насильно’, *вклак* ‘настежь’, *мырдэм* ‘еле, чуть’, *каллен* ‘медленно, тихо, постепенно’, *шуак* ‘неожиданно, вдруг’, *урод вераське* ‘плохо говорит’, *кужмо жугиське* ‘сильно дерется’, *озьы* ‘так’, *тазьы* ‘так’, *нечкын* ‘по-хорошему’, *дунтэк* ‘бесплатно’, *каньылэн* ‘потихоньку’, *мецак* ‘прямо’, *кызьы* ‘как’, *уртче* ‘вместе’, *чебер вераськыны* ‘красиво говорить’, *яркыт пиштыны* ‘ярко светить’, *лог* ‘быстро’, *визьмо малпаськыны* ‘умно думать’, *ческыт пöраны* ‘вкусно готовить’, *секыт шоканы* ‘тяжело дышать’, *шулдыр серекъяны* ‘весело смеются’ и др.

Эк, аранэз азинтоно вал туннэ, – öз чида Пужей аслэсьтыз малпанзэ шара вератэк кельтыны (К. Митр. Сз., 16). ‘Эх, жатву сегодня бы продолжить, – не стерпел, высказал **вслух** свои мысли Пужей’.

Лыстэмлы со палэнтñ кошке, матысь станциысен районной центрозь куинь иськемзэ пыдын яке автобуслэн мыноно (С. Самс. В., 216). ‘Деревню Лыстэм она (дорога) стороной проходит, от ближайшей станции до районного центра надо добираться три километра **пешком** или на автобусе’.

*Петька но тани али гинэ юа вал: атай, пе, **чаляк** бертоз-а ни* (Г. Крас. Кмк., 16). ‘И Петька вот только что спрашивал: отец, говорит, **быстро** ли вернется’.

*Солэн синъёсыз купырскизы, собере **вклак** усьтһськыса долказы лкж-лкж кыллсь йыртэм сяла курегез дорын жклумыса сьлһсь, вирен саптаськем ымныро Парамон шоры* (С. Самс. В., 211). ‘Его глаза напряглись, потом, **широко** раскрывшись, уставились на запачканное кровью лицо Парамона, который, оцепенев, стоял у распластавшегося обезглавленного рябчика’.

*Евстафей Ондрей висись мурт сямен либыр-лябыр вамышъя, пыдъёссэ **мырдэм** лутъя, соос борды из думылэмын кадь* (Иг. Гавр. Вп., 39). ‘Евстафьев Андрей кое-как шагает, словно больной человек, **еле** поднимает ноги, как будто к ним подвязан камень’.

*«Нош ик Вурысо бам лыктэм ук, та одно монэ утча, дыр» шуыса, бамзэ ватон понна юри котомкаяз бугыръяськыны ёдъяз, сиемез ке но уг поты, ачиз но шёдытэк, куинь сэрего перепечсэ **каллен** гинэ куаса* (М. Кон. Куёв., 12). ‘«Снова Лицо со шрамом пришел ведь, он точно меня ищет, наверное» сказав, пытаюсь спрятать свое лицо, нарочно начал рыться в своей котомке, хотя и не хотел кушать, сам того не замечая, [Гондыр] надламывает **тихонько** трехугольную перепечку’.

*Райком возтһ ортчыкуз, солэн син шораз **шуак** адһиськиз тодмо тусбуй* (Р. Вал., Ча., 46). ‘Когда проходил мимо райкома, на глаза **вдруг** попался знакомый силуэт’.

В данную группу нами также отнесены сложные наречия и наречные словосочетания: *мылысь-кыдысь* ‘от души, от чистого сердца’, *бкрсьысь-бкрсьы* ‘друг за другом’, *гижысь-пиньысь* ‘энергично, настойчиво’, *шуак-дуа* ‘ни с того ни с чего’ и др.

*Азьвыл но со чылкак юылһсьтэм ой вал, юон дыр ке, **мылысь-кыдысь** шулдыръяськыны яратылһз* (Н. Самс., Бчв?, 191). ‘И раньше он не был

совершенно непьющим, если какой-то праздник, **от души** любил повеселиться’.

Ярано коть – бёрсысь бёрсы кык автобус вуыса, соос кызы но озыы пуксизы (П. Черн., Снн., 124). ‘Ладно хоть – **друг за другом** прибыло два автобуса, и они кое-как сели’.

Аксакиур школа пу юртын интыяськемын – республикамы тацеос трос кэкл ни. Но отысь дышетһсьёс, анай-атайёс но нылпиос гижысь-пиньысь утыны тыршо сое (Уд, № 126–127, 2008). ‘Аксакшурская школа располагается в деревянном доме – таких (школ) в нашей республике уже немного. Однако местные учителя, родители и ученики **настойчиво** пытаются её сохранить’.

Техникаез тһяны но, выльдыны но луэ. Нош дышетон ужез шуак-дуак уд вошты (Г. Дан., Усв., 211). ‘Технику и сломать, и отремонтировать можно. А образовательный процесс **внезапно** не поменяешь’.

1.2.2. Наречия степени

Наречия этой группы указывают на степень проявления качества или действия и отвечают на вопрос *макем?* ‘насколько? в какой степени?’. Например: *сокем* ‘настолько’, *макем* ‘настолько’, *чик* ‘совершенно, совсем’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *ортчым* ‘слишком, чрезмерно, очень’, *укыр* ‘очень, слишком’, *лекос* ‘очень, слишком, чрезмерно’, *тупыттэм* ‘чрезмерно’, *туж* ‘очень’, *юн* ‘очень’, *верантэм* ‘несказанно’, *уката* ‘очень’, *чапчара* ‘совсем’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *дурыстэм* ‘чрезмерно’, *дотова* ‘до такой степени’.

Школаын со ваньзэ-кэклзэ ньыль толэзь гинэ дышетскиз, урод гожъяське, счётэн но лыдъяны сокем уг быгаты (Иг. Гавр. Вп., 10). ‘В школе он всего-навсего проучился только четыре месяца, плохо пишет и на счетах не **совсем** умеет считать’.

Кызыы, маин, кин сэрен, вуид такем кыдёке? (К. Митр. Сз., 44). ‘Как, на чем, из-за кого, приехал так (*букв. настолько*) далеко?’.

Чик ачиз шодытэк, котькудзэ егит пиез Дангырен цошатыны кутске (К. Митр. Сз., 95). ‘Сама того не замечая (букв. **совсем** сама не замечая), каждого молодого парня [Дыдык] начинает сравнивать с Дангыром’.

Пумитьяськыны выриз ке но, бадным чорыглы Вадик пумтэм шумпотһз (Н. Бел., П., 266). ‘Хоть и пытался противиться, большой рыбе Вадик **несказанно** обрадовался’.

Асьтэос ик вуоды ай, лыктоды али, тэлымыроды: берт вал тон, Кирла, асьме гуртэ ик, тонтэк туж секыт, уг тырмо быгатһсь адымиосмы, ми вылэ вождэ вайыса эн ул, ми асьмеос янгыш лэсьтһмы, тонэ укыр вӧсь каримы... (Г. Крас., Кмк., 8). ‘Сами же придете, попросите: возвратился бы ты, Кирла, в нашу же деревню, без тебя очень тяжело, не хватает умелых людей, на нас не злись, мы сами виноваты, тебя **очень** больно обидели...’.

Куддыръя дьякон лекос юн кудње но школае уг ветлы, нош куддыръя уг ваньмы: черке пинал крестить карыны ваё яке шӧй ватыны ваё (К. Митр. Сз., 88). ‘Иногда дьякон **очень сильно** пьянеет и в школу не ходит, а иногда времени нет: в церковь ребенка приносят крестить или тело умершего отпевать’.

Соиз бен валамон: тупыттэм жадицы но угось, тяп-тяп котмизы но (Г. Пер., Нз., 111). ‘Это понятно: очень (букв. **чрезмерно**) устали, насквозь промокли’.

Мерттэм картофкаез дурыстэм юн удалтһз, кут каб быдњаесь будһзы (К. Митр. Сз., 47). ‘Посаженная картошка **чрезмерно сильно** уродилась, выросла величиной с колодку для лаптей’.

Из данной группы наиболее широко представлены примеры с наречием *туж* ‘очень’:

Кузь сюрес кыдёке, туж кыдёке вуттиз Ваньез (С. Самс. В., 108). ‘Длинная дорога далеко, **очень далеко** довела Ваню’.

Соин, лэся, ымнырыз туж пинал но ѓжытак серемгес адске (Иг. Гавр. Вп., 7). ‘Поэтому, видимо, его лицо выглядит **очень** молодо и немного смешно’.

*Иське, тынад пьесаед вал со? – Сергеез буйгатон понна кызьы ке **туж** мусо юаз Катя* (Иг. Гавр. Вп., 88). ‘Выходит, это была твоя пьеса? – пытаюсь подбодрить Сергея, как-то **очень** тепло спросила Катя’.

*Тусьын пукись ву шоры Игошка **туж** кема учкыса сылылоз вал пичи дыръяз* (К. Митр. Сз., 24). ‘Очень долго глядел, бывало, Игошка в детстве на набранную в корыто воду’.

Наречия степени могут употребляться одинаково при глаголах, именах прилагательных и наречиях:

*Ва... валасько, ту... **туж валасько** верамдэ, ним... Нимподис Петрович* (К. Митр. Сз., 26). ‘Понимаю, **очень понимаю** тобою сказанное, Нимподис Петрович’ (*туж* + глагол).

*Нушин ассэ ачиз **туж бадьым** начальник кожа* (М. Кон. Куёв., 40). ‘Нушин считает себя **очень большим** начальником’ (*туж* + прилагательное).

*Нырыз, ымдурьёсыз чебересь вылэм, синьёсыз но **туж визьмо** учко, сюлэмез ик чогыр-чогыр карыса порто, вырето* (К. Митр. Сз., 12). ‘Его нос, губы, оказывается, красивые, и глаза **очень умно** смотрят, даже сердце трогают’ (*туж* + наречие).

На наш взгляд, обозначенные И. В. Таракановым [1975: 179] лексемы *тём, шыр, тэк*, как удмуртские препозитивы, появившиеся в удмуртском языке под влиянием тюркских языков и служащие для усиления значения качества, следовало бы отнести к наречиям степени.

*Доре вуиз **тём** пеймытэн* (П. Позд., ДОл., 173). ‘Домой вернулись **очень** поздно’.

***Шыр** гольык ветлыны.* ‘Ходить совсем голой’.

Противоположную точку зрения относительно наречий степени занимают грамматисты коми языка. “Слова этой группы обладают не совсем полным лексико-грамматическим весом, отсутствие чего приближает их к служебным словам (частицам). Они, например, могут относиться к различным частям речи: к глаголам, прилагательным и наречиям. Например:

ёна мудзис ‘очень устал’, вывті мича ‘очень красивый’, вывті кдйк ‘очень быстро’. Некоторые из этих слов могут быть даже при существительных, например: тайк мортис дзик ош ‘этот человек совершенно как медведь (настоящий медведь)’” [СКЯ 1955: 260].

Степень проявления действия также могут выражать некоторые сочетания знаменательных слов с частицей **но**: *ничу но* ‘нисколько, ничуть’, *чырым но* ‘нисколько’, *одћг но* ‘нисколько, ничуть’ и др.:

Цукнаысен лытозь берга, нош ужез ничу но уг кулэсмы (Иг. Гавр. Вп., 229). ‘С утра до вечера работает, а работы **ничуть** не убавляется’.

Уйбыт со одћг чырым но кз изыы, секыт куфектонэз сюлэмзэ сюпсиз, йырвизьзэ поръяз (Иг. Гавр. Вп., 39). ‘Всю ночь он нисколько не вздремнул, тяжелое горе щемило сердце, сверлило разум’.

Нуч кылэз одћг но тодћсьтэм маке, школае мынонлэсь юн курдай (Уд, № 138–139, 2008). ‘**Совсем** не знающий русского языка, я очень боялся идти в школу’.

1.2.3. Наречия меры и количества

Наречия меры и количества указывают число, меру, количество действия и отвечают на вопросы *ккня?* *кудмында?* ‘сколько?’, *трос-а?* ‘много ли? как много?’, например: *кжытак* ‘немножко’, *чарак* ‘порядочно’, *огпол* ‘однажды; один раз’, *огмында* ‘поровну; одинаково’, *кудмында* ‘сколько’, *олокудмында* ‘неизвестно сколько’, *сомында* ‘столько’, *оген-кыкен* ‘по одному-по два’, *уката* ‘еще’, *далай* ‘порядочно’, *данак* ‘много’, *трос* ‘много’, *уно* ‘много’, *кжыт* ‘мало’, *ичи* ‘мало’, *ятыр* ‘много, порядочно’, *лачак* ‘много’, *пумтэм* ‘бесконечно’, *пумтэм-йылтэм* ‘бесконечно, бесчисленное множество’.

Эй, Пилька! – съöraз кеське кузё, – сюрес вылысен ачид эн юы, шельмец, ньузид ке но, ёжытак гинэ шöмъя... (К. Митр. Сз., 22). ‘Эй, Пилька! – вслед кричит хозяин, – по дороге сам не пей, шельмец, если и хлебнешь, **немного** только попробуй...’.

Только отын **чараклы** тросгес коньдон куасалтозы, дыр, тќдьы билет но уз сётэ, огдырлы тынэсьтыд карточкадэ «ыштозы» (Уд, № 083–084, 2008). ‘Только там, наверно, **намного** больше денег попросят и не выдадут белый билет, твою карточку на некоторое время «потеряют»’.

Сыце пунызы ванен Макар доры, **огпол** пырамед бере, кыкетћзэ лыктэмед уз поты ни (Г. Крас. Вю., 5). ‘Из-за такой собаки, какая есть у Макара, если **один раз** зайдешь, второй раз прийти не захочешь’.

Котькинлы **огмында** музъем сётћзы бере, огкадесъ ик коркаос пуктылыны кор, пул, кирпич но мукет сыце-тацеос сётозы шуыса (М. Иван., Нмсбв., 326). ‘Раз всем дали **одинаково** земли, одинаковые дома поставить выделяют бревна, доски, кирпич и все такое’.

Эксеез пазьгим, **кудмында** фронтын ожмаським (М. Кон. Куёв., 51). ‘Царя свергли, **сколько** на фронте воевали’.

Только җем дырђа, огназ малпаськыса, одћг интыяз **олокудмында** сылэ (М. Кон. Куёв., 71). ‘Только часто, задумавшись, на одном месте **неизвестно сколько** [времени] стоит’.

Пиос **оген-кыкен** фронтэ кошкизы (Уд, № 101, 2008). ‘Парни **по одному-по два** ушли на фронт’.

Тае райбольницае мотоциклэн нуыны малпаз вал Максим – чутрак пумит кариськиз: пукыса, пе, **уката** но висисько, уробое куро тыре но, каньылак мыно (Н. Самс. Канк., 189). ‘Этого Максим в райбольницу на мотоцикле хотел было отвезти – категорически отказался: сидя, говорит, **еще сильнее** болею, в телегу солому наложите, с легкостью поеду’.

Гондырђёсыз но отын **данак** (К. Митр. Сз., 63). ‘И медведей там **много**’.

Дораз турын вайыса бертэ ке, анаез ушђа: «Осто, Олексан, **трос** шедьтэмед ук! Толбытлы тырмымон люкалод уни...» (Г. Крас. Вю., 12). ‘Когда, возвращаясь, [он] приносит домой траву, мать его хвалит: Ой! Александр, **много** же нашел! На всю зиму наберешь уже...’.

Дышетскисьёсыз бордысен Иларий поп удмурт кылэз тодонзэ **уно** юнматћз, дышетскисьёс ъуч кыллы дышизы (К. Митр. Сз., 89). ‘От своих

учеников поп Иларий **намного** закрепил знание удмуртского языка, ученики научились русскому языку’.

*Ужам понна **ёжыт** юом, – шуо пумитаз мастеръёс* (К. Митр. Сз., 21). ‘За [проделанную] работу **немного** выпьем, – говорят ему мастера’.

*Воксё **ичи** кылизы ни гуртын улһсьёс, мырдэмен быгатӥ на вуоно арлы 25 экземпляр газет но журнал гожтытыны* (Уд, № 020, 2008). ‘Вообще **мало** уже осталось жителей в деревне, с трудом смогла на следующий год оформить подписку 25 экземпляров газет и журналов’.

*Кузьма **пумтэм** шумпотэ* (Н. Вас. Кта., 80). ‘Кузьма **бесконечно** радуется’.

*Ой, цок нош ини со аръёсыз тодэ вайыны: кияд возж нуныед, колхоз уж **пумтэм-йылтэм**, корказы пумаз-йылаз рос-прос вуэмын ёвӧл на, гур пуктыны кулэ* (Н. Самс. Канк., 186). ‘Ай, ладно уже те годы вспоминать: на руках младенец, колхозной работы **без конца и края**, и дом [их] до конца должным образом не построен, печь нужно поставить’

На наш взгляд «неопределенно-количественные слова» (*данак* ‘много’, *трос* ‘много’, *уно* ‘много’, *кжыт* ‘мало’, *ичи* ‘мало’), отвечающие на вопрос *ккня?* ‘сколько’, вернее было бы отнести к числительным приблизительного счета. Но ввиду закрепленного в языкознании принципа выражения приблизительности, заключенного в выходе на натуральный ряд чисел, в котором всегда указывается предположительное число или интервал, между которым колеблется количество или предметов [Гаврилова 2005: 37], данный вопрос остается открытым и носить весьма спорный характер.

1.3. Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова

Во всех языках мира имеются слова, образно воспроизводящие различные явления действительности. В лингвистической литературе их называют по-разному: подражательные (или звукоподражательные),

изобразительные, ономатопоэтические, образные слова, мимемы, имитативы и другие. Специфика их заключается в том, что они служат для условного изображения различного рода звучаний, сопровождающих действия или состояния предметов окружающей реальной действительности, или для передачи с помощью звуков и звуковых комплексов видимых или ощущаемых явлений.

В «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 303] данная категория слов отнесена к наречиям. Причем грамматисты включают в состав определительных наречий «и так называемые изобразительные слова», никакой речи о звукоподражаниях мы не встречаем. Такому же примеру следует и В. И. Алатырев в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» [1983: 586].

В разряд наречий изобразительные слова включены также в коми языке [СКЯ 1955: 261], мордовских языках [ГМЯ 1962: 331] и др. Напротив, в башкирском [ГСБЛЯ 1981: 342], марийском [СМЯ 1961: 308] и других языках подражательные слова включены в «Служебные и экспрессивно-эмоциональные части речи» и описаны отдельно. Авторами грамматики башкирского языка отмечено [ГСБЛЯ 1981: 343], что, как выразительные средства языка, подражательные слова входят в состав эмоционально-экспрессивной лексики, в которой они занимают особое место. Их эмоционально-экспрессивное своеобразие вытекает из самой их природы. Образность и выразительность обусловлены звуковым строением подражательных слов. В отличие от фонетической структуры обычных слов, в них используется определенный фонемный состав, сочетаемость звуков и порядок их следования, в какой-то мере напоминающий обозначаемое звучание, движение и т. п. Здесь, однако, не менее важную роль играет установившаяся в языке традиция осмысления определенных типов звукосочетаний для выражения соответствующих явлений. Поэтому, несмотря на преимущественное употребление в составе подражательных слов строго определенных фонем и их сочетаний, эти подражания не доходят

до уровня полной имитации, часто по-разному оформляются и заметно отличаются в языках не только различных семей, но и одной семьи.

Особенностью семантики наречно-изобразительных и звукоподражательных слов является образное выражение соответствующих понятий о звучании или способе действия с помощью специализированного фонемного строения лексической единицы. Конкретность их значения обусловлена весьма малой обобщающей силой подражаний, но зато им всегда сопутствует связанная с их природой большая экспрессивность.

Основным типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно функция обстоятельства образа действия. В то же время звукоподражательные слова могут выступать в роли и других членов предложения.

Таким образом, хотя изобразительные слова широко употребляются и в разговорной, и в художественной речи, до сих пор не решен важнейший практический вопрос о месте их в системе частей речи. В существующих грамматиках они или вовсе игнорируются, или трактуются по-разному: чаще всего относятся к наречиям.

По причине того, что в удмуртском языке до сих пор не было предпринято попыток отделить изобразительные и звукоподражательные слова от наречий (это отдельная тема исследования), мы также рассмотрим данную категорию слов в числе наречий, но в отличие от предшествующих исследователей по удмуртскому языку, объединим в одну группу и наречно-изобразительные, и звукоподражательные слова.

Проанализировав литературу [Кривошекова-Гантман 1964: 112], [Имайкина 1968: 4], [Алатырев 1983: 586], [Соколов 1996: 70; 2004: 30–34], [Пылма 1967: 4–5] и др. по классификации изобразительных слов как по удмуртскому, так и по другим языкам, считаем возможным выделить два основных разряда, на которые делятся рассматриваемые нами слова:

1. Звукоподражательные слова: **бульыр-бульыр** *ошмес потэ* 'бурча бьет родник', **вуи-вуи** *б́крд́һз* 'плакал всхлипывая', **ток-ток** *сюлэм йыгаське* 'тук-тук! бьется сердце', **гудыр-гудыр** *кариз* 'прогремел', **домбыр-домбыр** *гитараен шудэ* 'бренчит на гитаре', **куиык-вуиык** *б́крдэ* 'плачет всхлипывая', **чикыр-чикыр** *пинь ъуқыртэ* 'зубы скрежут' и др. Звукоподражательные слова являются подражаниями звуковым явлениям в природе. Они обозначают понятия о звучании. При передаче результатов слуховых впечатлений звукоподражательные слова включают элемент имитации в пределах артикуляционных возможностей человека, в силу чего значение их достаточно конкретно. Они часто употребляются самостоятельно.

«Дело» *ьутозы тани, Паримонэд ту-у-ту-ту!* – *кыдёкысь шаерын син сузёнтэм ьужытэсь, ъыгыртыны сузёнтэм кызъёсты но пужымъёсты погыръялоз* (С. Самс. В., 161). 'Вот заведут «дело», Парамон **ту-у-ту-ту!** – в далеком краю будет валить ели и сосны неизмеримой высоты, необъятной толщины'.

Шќдтэк шорысь укну жин! шуиз (Иг. Гавр. Вп., 70). 'Неожиданно окно **дзинь!** зазвенело'.

Бызьыса сямен мын́һз корказь доры, каллен гинэ тубиз но дугд́һз, сюлмыз лук-лук жугиське... (Иг. Гавр. Вп., 54). 'Подбежала до дому, тихонько поднялась и остановилась, сердце **тук-тук!** стучит'.

Участковойлы шур-пар бызьыны умой ќз поты, кузь вамышъям пыд куараез лун-лун гинэ шуккиськиз (С. Самс. В., 211). 'Участковому бежать второпях показалось неудобно, лишь звуки длинных шагов звучали **тук-тук!**'.

Шуккон дырыз вуэ ке, пушказ маиз ке кекам мурт кадъ ъуқыртэ, куажыртэ но дон-н-н-н! дон-н-н-н! шуккиське (Г. Крас. Вю., 20). 'Когда приходит время бить (о часах), внутри что-то, скрипит, словно задушенный человек, хрустит и **дон-н-н-н! дон-н-н-н!** звенит'.

Куазь жоб дыръя, бадным лъкк котырын уйшорозь пуко, доминоен сач!
гинэ шуккыло (Г. Крас. Вю., 29). 'При ненастной погоде до полуночи сидят
вокруг большого стола, со **стуком** играют в домино'.

Султылытэк бер лытозь лыдһыз, быдтэм бераз книгазэ хлоп! пытсаз,
койка вылаз пуксиз но вазьылытэк пукиз (Г. Крас. Вю., 39). 'Читал, не вставая
до позднего вечера, после, как закончил, закрыл книгу **хлоп!**, сел на койку и
молча сидел'.

2. Наречно-изобразительные слова: *бугыль-бугыль* пинал луэм ни
'ребенок уже стал пухлым', *бугырак* нянь лкптэмын 'тесто очень пышное',
быз-быз сиськи ' [я] плотно поел', *быльк-быльк* синмыз петлань потэмын '
[его] глаза вылезли наружу', *домбыль* адями 'толстый человек', *йыгыр-*
йыгыр мугор луэм 'тело покрылось гусиной кожей' (Пш., Тш.), *йырин-*
петрин васькиз' [он] скатился кубарем' (НК) и др. Наречно-изобразительные
слова выражают образы, представления о световых явлениях, впечатления от
движения и состояния. Строго говоря, в них отсутствует элемент
подражания. Семантически наречно-изобразительные слова передают целый
комплекс представлений, поэтому значение их довольно абстрактно. Они
очень редко употребляются самостоятельно, часто сопровождаясь словами,
уточняющими их значение.

Паша ури-бери пыц сямен тэтчаса бызьылыны шктаз: валессэ ткдьы
пужыё одеялэн шобыртһз, лъкк вылысь чашка-пуньызэ тып-тап октһз,
укно дурысь тамак пумен тэркызэ гур ськры нуиз (С. Самс. В., 177). 'Паша,
словно блоха, начал **беспорядочно** бегать: кровать застлал белым узорчатым
одеялом, **быстро** убрал со стола посуду, тарелку с окурками унес с
подоконника за печку'.

Педчаен Катя шал-шал гольык кылизы, кыксы ик кураськыны потһзы
(Иг. Гавр. Вп., 10). 'Катя и Федосья остались ни с чем (букв. абсолютно
голые), обе вышли попрошайничать'.

Паша Егоров льип-льип кунултһз Лизаез (С. Самс. В., 236). 'Паша Егоров
крепко взял под руку Лизу'.

Комаровлэн синъёсыз чиль-дол пиштӥзы, следовательлэн лькказ пырась-потась кыиз съкры ветлыны кутскизы (С. Самс. В., 227). ‘Глаза Комарова заблестели, стали бегать за руками следователя, то открывающими, то закрывающими шкаф стола’.

Солэсь вырӥемзэ адӥыса, векчи чорыгъёс, ыбиськем кадь, кир-пазь луыса кошко, азвесь кӧтурдэссы гинэ шунды шоры воректылэ (Иг. Гавр. Вп., 301). ‘Заметив его движение, мелкая рыба, словно выстрел, **беспорядочно** рассыпается, лишь серебряные животы поблескивают на солнце’.

Буйгатске, Парамон Степанович, эн пӧсекъялэ, буйгатске но лач-лач валэктэ, кызьы тӥ вииды, малы? (С. Самс. В., 197). ‘Успокойтесь, Парамон Степанович, не горячитесь, успокойтесь и **подробно** расскажите, как вы убили, почему?’.

Калыкын Макар жӥбыт гинэ, лань-лань вераське, ужрадэз валась шуыса ик правление но бырйизы (Г. Крас. Вю., 12). ‘В народе Макар тихий, разговаривает **спокойно**, да и в правление выбрали за то, что разбирается в ситуации’.

Выделение нами вышеперечисленных разрядов связано с тем, что звукоподражательные слова являются результатом звуковой имитации каким-либо «слышимым» природным явлениям, а наречно-изобразительные слова – звуко-образный результат «видимых» нами явлений. Выбор термина «наречно-изобразительное слово» обусловлен тем, что данная группа слов по синтаксическим функциям в предложении очень тесно связана с наречиями, а также представляет собой «неизменяемые» слова, т. е. не имеет грамматической категории числа, падежа.

В то же время обе названные группы слов имеют некоторые общие черты в структуре (сочетаемость определенных согласных, своеобразное чередование гласных, употребление в парно-повторном виде, наличие в составе двусложных основ сходных структурных элементов, неизменяемость в грамматическом отношении и синтаксических функциях, вхождение в глагольные словосочетания, функционирование предпочтительно в позиции

обстоятельства образа действия). С этой точки зрения их целесообразно рассматривать вместе, имея ввиду, однако, характерные отличительные признаки для каждой разновидности.

«Изобразительные наречия могут быть простыми и сложными. К простым относятся односоставные, к сложным – удвоенные и парные образования» [ГСУЯ 1962: 304].

Простые (односоставные) изобразительные слова обозначают признак действия, не указывая на какие-либо оттенки значения данного признака. Иногда они выражают однократность или мгновенность действия, например: *жсингыр вазе* 'звонко звенит', *мын бугыр потэ* 'дым идет клубом', *супырак усьыны* 'обессилев, мгновенно упасть', *гурак кеськизы* 'хором (мгновенно) крикнули (ответили)' и др. (Примеры из [Алатырев 1983: 586]).

Удвоенные изобразительные слова (повторы одних и тех же слов) обозначают многократность действия, усиливают значение признака действия, «выражают категории периодичности, интенсивности и обладают большой экспрессивностью» [Алатырев 1983: 586]. Чтобы убедиться в этом, сравним простые и удвоенные наречно-изобразительные слова: *сһзыл музьем пумыр пилиське* 'осенью земля трескается' – *музьем пумыр-пумыр пилиськылэм* 'земля сильно растрескалась'; *чир кесяське* 'пронзительно кричит' – *чир-чир кесяське* 'пронзительно (периодически) кричит'; *мурьётһ мын бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы клубом поднимается дым' – *мурьётһ мын бугыр-бугыр потэ* 'из (дымоходной) трубы дым поднимается клубами'.

Повторы одних и тех же изобразительных слов, по мнению Батори [Batori 1969: 49], «deutet auf Mehrmaligkeit oder Komplexität der Handlung hin» (указывают на многократность или комплекс действия).

Парные изобразительные звукоподражательные слова, из которых один компонент в звуковом отношении отличается от другого по составу гласных или согласных, показывают разнообразие оттенков признака действия: *рукыр-ракыр вазыны* 'скрипеть', *сюлтыр-калтыр кыстһськыны* 'тянуться

волоком (волочиться)', *ликыр-лякыр* *вырыны* 'расхлебанно шататься (расхлябаться)', *читыр-чутыр*, *чиндыр-вандыр* 'извиваясь (змеей)', *сузыпыры* 'вдребезги', *чильк-вальк* *кисьтаськыны* 'блестеть переливчатым блеском', *чукин-бекин* 'вразвалку, неуклюже, покачиваясь из стороны в сторону', *йырин-чукин* 'вниз головой' и т. д.

Наречно-изобразительные и звукоподражательные слова, как отмечает М. Д. Имайкина [1962: 3], чаще всего употребляются в виде повторов, компоненты которых имеют преимущественно одинаковый звуковой состав, но весьма нередки при этом случаи изменения гласного.

Изобразительные повторы, вторые компоненты которых отличаются от первых звуковым составом, В. И. Алатырев [1947: 226] называет «деформированными», а повторы, имеющие абсолютно одинаковые по форме компоненты, «недеформированными».

В деформированных наречно-изобразительных и звукоподражательных повторах, по мнению В. И. Алатырева [1947: 230], подвергаются изменению только начальные сочетания согласный + гласный, или только начальный согласный, или же только первый гласный. Конечные согласные и вторые гласные, как правило, не подвергаются деформациям (изменениям).

1.4. К вопросу о категории состояния

Категория состояния, как лингвистический феномен, существует и в удмуртском, и в русском, и в других языках и выражает различные состояния субъекта или предмета. Данное грамматическое явление изучалось и анализировалось многими учеными-лингвистами, но единой трактовки статуса рассматриваемой категории слов нет до сих пор, в том числе нет и единого термина для их обозначения. Основными семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории служит то, что они выступают в роли сказуемого в безличных предложениях и служат для выражения состояний (а не процессов); при этом, в отличие от глагола, они не располагают формами словоизменения.

В связи с отсутствием у них форм словоизменений, они долгое время включались в разряд наречий, но при этом ряд ученых указывал на их связь с глаголами. Отличие слов данной категории от наречий, выражающееся в том, что они не употребляются в зависимости от глагола, сначала привело к тому, что они были выделены в особую группу наречий; для их обозначений академик А. А. Шахматов [1952:131] ввел термин предикативные наречия. Особенно подчеркивал их отличие от наречий и употребление в роли присвязочных безличных сказуемых А. М. Пешковский [1956: 112] в своем труде «Русский синтаксис в научном освещении». По словам М. Р. Миндишвили, примечателен тот факт, “что некоторые грамматисты рассматривают данную категорию не только по формальным, но и по семантическим признакам. Так, Б. М. Лейкина указывает, что речь идет не о грамматической категории, а о лексической ввиду того, что категория состояния может быть выражена разными частями речи” (цитируется по: [Миндишвили: электронный ресурс]).

Впервые термин категория состояния был введен академиком Л. В. Щербой [1957: 74]. Детальный анализ категории состояния, процессов вовлечения в нее слов разных типов и ее отношения к другим частям речи дает академик В. В. Виноградов [1972: 319-336] в книге «Русский язык». Академическая «Русская грамматика» [Русская грамматика 1980: 705] рассматривает их в главе о наречиях и пользуется терминами предикативные наречия или категория состояния.

К сожалению, в удмуртском языкознании категория состояния до сих пор не являлась предметом специального изучения. В «Грамматике современного удмуртского языка» 1962 года издания данная категория названа «предикативными наречиями». Отмечено, что они отличаются от определительных и обстоятельственных наречий отдельными семантическими и синтаксическими свойствами. В противоположность обстоятельственным и определительным наречиям, предикативные наречия

выражают не признак действия или признак признака, а состояние [ГСУЯ 1962: 313].

На наш взгляд, категорию состояния следует рассматривать отдельно от наречий. Мы в данном случае полностью согласны с мнением А. А. Алашеевой, которая попыталась представить категорию состояния как отдельную часть речи (см. *подр.* [Алашеева 2003: 27–30]). Хотя данная проблематика требует отдельного монографического описания, приведем несколько доводов в нашу пользу.

Отделить категорию состояния от наречий и рассматривать их отдельно можно было бы по следующей причине. Будучи неизменяемыми, слова категории состояния морфологически сближаются с наречиями, к которым они долго причислялись, но от наречий они четко обособляются тем, что выступают в предложении как независимые слова и не бывают в подчиненном положении по отношению к глаголу и прилагательному в значении обстоятельств и качественных определителей, что составляет характерную функцию наречий. Сравним следующие предложения:

Эх! Умой! – шумпотэ Каракулино ёрос администрациись гурт хозяйствоя ёзэн кивалтӱсь Александр Белослудцев (Уд, № 025, 2008). ‘Эх! **Хорошо!** – радуется руководитель сельскохозяйственного отдела администрации Каракулинского района Александр Белослудцев’; *Институтын дышетскондэ умой йылпумъясал, начальстволы ярасал, погонад кизилиос йылысалзы* (С. Самс. В., 176). ‘Ты бы учебу в институте **хорошо** закончил, начальству бы понравился, на погонах бы звездочек добавилось’.

Капчи öвöl тыныд, пие, мон валасько тонэ, – лулӧиз Ефим (Н. Вас., Кта, 72). ‘Не **легко** тебе, сынок, я понимаю тебя, – вздохнул Ефим’; *Машина пушкын чылкыт, вань кондиционерез, ужа капчи но льог* (Уд, № 096, 2008). ‘В машине чисто, есть кондиционер, работает **легко** и быстро’.

Но буйгатскыны вазь ай (Уд, № 025, 2008). ‘Но успокаиваться еще **рано**’; *А вот мар, пиёке, давай-ка асьмеос тазьы лэсьтом: цукна вазь ик*

султом но выльёссэ кутыны кошком (Н. Бел., П., 275). ‘А вот что, паренек, давай мы с тобой рано утром встанем и пойдем новую [рыбу] ловить’.

Ма, зэм но, та карлудын туж шулдыр (Уд, № 126-127, 2008). ‘Да, и вправду, на этой площади очень весело’; *Шулдыр ик ветлһськод тон, эке, – Дангырлы шуиз Пужей* (К. Митр. Сз., 13). ‘Весело же ты ходишь, паренек, – Пужей сказал Дангыру’.

Соин ик удмурт сямен ужась редактор шедьтыны секыт (Уд, № 021, 2008). ‘Поэтому и удмуртского редактора найти очень трудно’; *Атаез трос уг ке но вераськы, кылыз секыт кылһське* (Г. Крас. Вю., 16). ‘Хоть и отец немногословен, его слова слышатся строго’.

При сравнении видно, что наряду с употреблением слов *умой, капчи, вазь, шулдыр, секыт* относящимся к категории состояния (первые примеры), существуют в звуковом отношении тождественные слова с функциями наречий. Но такие наречия резко отличны по функциям от безлично-предикативного употребления рассматриваемых слов: они не обозначают состояний, а указывают признаки действий (вторые примеры).

Слова категории состояния могут обозначать:

а) состояние окружающей среды: *чалмыт* ‘тихо’, *шуныт* ‘тепло’, *шыпыт* ‘тихо’, *югыт* ‘светло’ и др.

Огдырлы котырак югыт луиз, командирзы «немецъёс» шуыса кеськыса вуиз (Уд, № 101, 2008). ‘На время кругом посветлело, командир (их) успел крикнуть «немцы»’.

Гуртын чалмыт (Уль. Бадр. Млц., 32). ‘В деревне тихо’.

Шыпыт. Валя кыл-куара уг потты (Уль. Бадр. Млц., 12) ‘Тихо. Валя не говорит ни слова’.

Школаын неймыт (Уль. Бадр. Млц., 29). ‘В школе темно’.

Мота сое валаса но кз вуы: шормуцын азьло сямен ик югыт (Уль. Бадр. Млц., 41). ‘Мота это и понять не успела: на острове, как и прежде, светло’.

б) состояние человека и живых существ: *серем* ‘смешно’, *возьыт* ‘стыдно’, *кышкыт* ‘страшно’, *мкзмыт* ‘скучно’, *шуныт* ‘тепло’ и др.

*Нош пинальёслы **серем*** (Уль. Бадр. Млц., 32). ‘А детям смешно’.

*Уроклы быдэ замечание басьтыны **возьыт** кэкк-а?* (Уль. Бадр. Млц., 44).
‘Не **стыдно** ли на каждом уроке получать замечания?’.

*Корка вкзтһз уйин ортчыны ик **кышкыт*** (Уль. Бадр. Млц., 44). ‘Возле его дома ночью даже **страшно** и проходить’.

*Оген туж **мкзмыт*** (Уль. Бадр. Млц., 51). ‘Одному очень **скучно**’.

*Сыце сһлы каремзы тужсес покчиезлы Шушпановлы та дыре нокыце ик уг йкты, анаезлэн небыт киосаз солы **шуныт*** (Уд, № 022–023, 2008). ‘Такая честь в такое время, особенно младшим Шушпановым, не воспринимается, в нежных руках матери ему **тепло**’.

Таким образом, наречие – это выражение способа действия, а категория состояния – выражение состояния, в котором находится предмет. Наречие в большинстве случаев выступает в роли обстоятельства, а слова категории состояния никогда в этой функции не выступают. Синтаксическая роль слов категории состояния – быть сказуемым в безличном предложении.

Подводя итоги данного раздела, можно отметить следующее: соотношение предметов и явлений в пространстве и времени осуществляются в различных действиях. Наличие любого действия всегда предполагает наличие субъекта и объекта действия. Соотношения между субъектами и объектами, выступающие в форме различных действий, бывают связаны с количественными и качественными показателями. В языке выразителями этих качественных и количественных соотношении между предметами-явлениями и действиями являются наречия. Как определители

качества действия наречия указывают на обстоятельства, при которых оно протекает: на место, время, способ, причину и цель его протекания. Количественная характеристика действия заключается в определении меры действия, его границ.

Глава 2. Морфологическая структура наречий

2.1. Словообразовательная система наречий

удмуртского языка

Наречие – одна из самых молодых грамматических категорий. Оно образовалось от других частей речи. Некоторые слова, в силу постоянного употребления их в роли обстоятельства, обособились от тех частей речи, к которым они принадлежали. Такое обособление, по словам Н. А. Колеговой [1955: 251], происходило или путем утраты некоторых грамматических категорий, как ненужных для выполнения синтаксической функции обстоятельства, или же выработали специфические грамматические категории. Г. В. Федюнева отмечает: “Наречие как часть речи является поздней категорией и поэтому обладает гетерогенными свойствами, включая в свой разряд множество переходных явлений, трудно поддающихся интерпретации” [1995: 401; 1996: 30].

Мы полностью согласны с мнениями вышеупомянутых лингвистов относительно позднего происхождения наречий в каком-либо языке. Подтверждением этому может быть анализ книги В. И. Лыткина «Древнепермский язык» [Лыткин 1952], в которой приведен «Словарь древнепермских слов, встречающихся в памятниках коми письменности XIV–XVII вв.», включающий в себя лексику различных частей речи. Этимологически общими для коми и удмуртского языков, на наш взгляд, являются следующие лексемы:

воW -: *воW*дор – раньше, ц.-сл. पहले; *воW*ин*W*иг – раньше, прежде; *воW*с’иис’ – пророк (букв.: заранее пожелавший, т. е. предвещающий); *воW* скр. нв. иж. лл., *вк’W* уд., *оW* вс., *уW* кя., *оW* ок., *вазь*’ удм. – рано [Лыткин 1952: 126].

куW - (“как”, наречие и союзное слово): *куW*ик – как, *куW*и – как; *куW*кк – как, когда, ц.-сл. егда; *куW*кк – но; *куW*ы – как (...так); *куW*и – как (...так); *куW*и – как (подобно); *куW*, *куW*и сев., *кеW*’ кя., *кыW*’, *кыW*’и скр. с. лл. ок., *кыз*’ы удм. – как, каким образом [там же: 134].

кыткн – где (союзное слово); *кыткн* зп., *кытын* удм. – где, в каком месте [там же: 135].

паныд, скр., *паныт* ок., *панкд* лл., *пумит* удм. – навстречу, против [там же: 140].

пыр – всегда, ц.-сл. присно, *пыр* скр. сев. ок. удм. – всегда [там же: 142].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» (1999) (далее КЭСК) мы находим следующие данные (статьи омонимичных частей речи не приводятся):

аски ‘завтра’ | удм. **аскы** ‘завтра, на следующий день’. Этимологический корень *as-*, тот же, что и в коми словах *асъя* ‘утренний’, *асыв* ‘утро’; *-k-* – остаток финно-угорского *k*-ового латива, который отвечал на вопрос «куда?», «в какое время?», и слово *аски*, *as2lki* лл. стояло в той же самой падежной форме, в какой стоит, например, современное к. *выльлуно* (< **v2l1unck*) ‘в понедельник’ и обозначало ‘в утро’. – Общеп. *aski* ‘наутро’ [КЭСК 1999: 34].

бырс (пырны) ‘неожиданно (войти)’ | удм. **пырс** ‘тж’. – Общеп. **p8rs-*. Озвончение начального согласного произошло в отдельной жизни коми языка [там же: 45].

вач диал. ‘совершенно, совсем’ | удм. **вочак** сев. ‘все, целиком’ || эрз. весе ‘весь, вся, всё, все’ (Affr., 186). = Доперм. **wɣX’ɣ* || нган. *bansa* ‘все, всё’ | кам. *b0AAa* ‘целый’ (Coll.). К. > хант. *woc’a* ‘вместе’, *oc’a* ‘целый’ (Coll.). [там же: 48].

верзькмкн ‘верхом’ | удм. **воръемен** сев. ‘тж.’. – Общеп. **verW’em*. Слово *верзькмкн* представляет собой застывшую форму творительного падежа отглагольного имени с суффиксом *-км*: *вер-зь-км-кн*; ***верзь-**, видимо, обозначало что-то вроде ‘сесть на верх (лошади), подняться на (лошадь)’ и т. д., ср. к. *веркос*, диал. *verk2d* ‘поверхность’, ‘верх чего-либо’, а также к. *verz’2n2* лл. ‘развиваться, крепнуть, возмужать’ ? < ‘подниматься вверх’ [там же: 52–53].

вомкн ‘поперек’ | удм. **вамен**; диал. *wamen*; *-n* – суффиксальный элемент. – Общеп. **wɣɣm-* ‘поперечный, поперечина’ [там же: 62].

воча ‘навстречу, напротив, против’ | удм. **ваче** *пумит* ‘друг против друга’; диал. *waX’e* – Общеп. **wɣɣW’s’8-*; произ. от *ɣW’-* при помощи суфф -

j- или *-s'* ?, ср. *водз.* ‘перёд’; *ЖW’s’*8* и *ЖW’j’*8* обозначало ‘передний, впереди находящийся’ || ? мар. *vaɪɪ* ‘напротив, навстречу’ > хант. 9Ķt’s’*Ль* ‘вместе’ [там же: 65].

в́клисти, в́клись нареч. ‘только, только что, потом только, только лишь, наконец’ | удм. **вельысь** ‘только что’. – Общеп. *vĴl’is’ или *vĴl’is’t’i – застывшая форма исходного падежа, обозначала ‘только что, только лишь, по прошествии определенного промежутка времени’; корень слова vĴl’- обозначал ‘промежуток (времени)’ || ф. *väli* ‘промежуток, расстояние’, *vällin* ‘иногда’, *väliisesti* ‘временно, на время’. = Доперм. *wɫl’ġ- ‘промежуток’ [там же: 66–67].

гатиш ‘навзничь, лицом вверх’ | удм. **гацало** ‘тж’, **гацолин** ‘на спине, животом вверх, передом вверх, навзничь’. – Общеп. *gaX- ‘навзничь’ || саам. N gassem, S katsem ‘затылок’, L кадсйм ‘нижняя часть затылка’ | Редеев к этим словам прибавляет венг. *hás* ‘живот’. = Доперм. *kaXġ- ‘навзничь (на спине, животом вверх)’ [там же: 75].

регыд ‘скоро, быстро’, ‘вскоре’ | удм. **льог** ‘быстро, спешно, скоро, живо’. – Общеп. *reg || венг. *rogyest, rögtön* ‘тотчас’ | ф. *rikeva* ‘быстро, скоро’. = Доперм. ***8**-. [там же: 240]

кымынь ‘ничком’, ‘вверх дном, кверху дном’. | удм. **кымин** ‘тж’. Корень слова: *кым*-; приведенные слова представляют собой застывшие формы разных местных падежей. Слова этого же корня: к. *кымыньтны* | удм. *кымань* ‘опрокинуть, перевернуть вверх дном’. – Общеп. ***k8m**- ‘фасад, верх (посуды)’ [там же: 152]

кысь ‘откуда’, **кытысь** ‘тж’, **кыти** ‘где, по какому месту’, **кытчк** ‘куда’, **кыткн** ‘где, в каком месте’ | удм. **кытћ** ‘где, по какой местности’, **кытчи** ‘куда’, **кытын** ‘где, в каком месте’, **кытысь** ‘откуда’. Застывшие падежные формы вопросительного местоимения *кы*-; *-ысь* (*-сь*) – суффикс исходного падежа, *-к* (удм. *-ы*) – суффикс вступительного падежа, *-ти* (удм. *-тћ*) – суффикс переходного падежа, *-кн* (удм. *-ын*) – суффикс местного падежа. – Общеп. ***k8** [там же: 155].

матын ‘близко, поблизости’, **матк** ‘близко’ (на вопрос «куда?») | удм. **матын** ‘близко’. – Общеп. **matin*, *mate* и др. ‘близко’ [там же: 170; Wichmann 1914: 92–93].

мырдкн ‘насильно’, ‘упорно’, ‘с большим трудом’ | удм. **мырдэм** ‘кое-как, с трудом’. – Общеп. **m8rd-*; основой является *мыр-* [КЭСК: 183]

пыдна ‘глубина’ | удм. **пыдло** ‘вглубь, глубоко’. – Общеп. **p8d-* ‘глубь’ [там же: 235]

сэк, **сэки** нареч. ‘тогда, в то время’. | удм. **соку** ‘тогда’. Основа слова **se* ‘тот’, родственная лично-указательным местоимениям 3-го лица кз. *ci-*, *сы*, удм. *со* ‘он, тот’ [там же: 272].

Являясь по происхождению относительно поздней морфологической категорией, наречия, тем не менее, начали зарождаться намного раньше общего пермского периода. В «Основах финно-угорского языкознания» отмечено: “В финно-угорском языке-основе уже наметилось формирование категории наречия. Современные финно-угорские и самодийские языки сохранили следы периода, когда отдельные обстоятельства выражались бессуффиксными формами имен; ср. к. *та-лун* ‘сегодня’, *та-во* ‘в этом году’, венг. *minden nap* ‘каждый день’, ‘ежедневно’, х. *tam lun* ‘нынешним летом’, в. *azonmód* ‘таким образом’; подобные примеры можно найти также в удмуртском, марийских и самодийских языках” [ОФУЯ 1974: 215].

Морфологическая структура наречий в удмуртском языке, как и во многих других языках, отражает в себе сложные процессы развития этой грамматической категории, пути ее словообразования.

В процессе морфологического формирования наречий важную роль играет их словообразование.

Е. М. Галкина-Федорук [1939: 29] отмечала, что процесс образования наречий, начавшийся в доисторическое время, не только не прекращается, но даже усиливается. Как и любое другое явление в языке, словообразование наречий неотрывно связано с жизненными процессами, с процессами развития общества, с деятельностью человека. Известно, что значение

наречий сводится к качественной характеристике действия или состояния. Следовательно, чем разностороннее и многообразнее становится деятельность человека, тем больше происходит в обществе действий и процессов. Чем больше действий, тем больше их качественных определений, в роли которых в языке в первую очередь должны выступать наречия. Поэтому наречия в языке – категория постоянно растущая, пополняющаяся, находящаяся в динамике.

Жизнь языка выражается не только в исчезновении старых слов и появлении новых, но и в разрушении одних формальных категорий, а на почве разрушения – в образовании новых. Особенно убедительно подтверждается эта мысль при изучении образования наречий в языке. Как уже отмечалось, наречие образовалось на основе разрушения других категорий из различных частей речи.

Интересная точка зрения приведена в книге Е. М. Галкиной-Федорук «Наречие в современном русском языке»: «Потебня в своей книге «Из записок по русской грамматике» говорит, что сначала было имя, не расчлененное ни на глагол, ни на прилагательное. Из имени выделилось местоимение, потом глагол, а дальше выделялись слова из общего имени: те, которые определяли существительное, становились прилагательными, а те, что определяли глагол, становились наречиями. Наречия обстоятельственные, т. е. выражения значения места и времени, появились как более конкретные понятия раньше, нежели отношения цели и причины. «Из отношений раньше всего и легче всего схватывались отношения места и времени, т. к. они содержатся уже *implicite* в нашем наглядном представлении о вещах и их деятельности. Содержание этих представлений заключается в создании определенности этой, в пространстве и времени протекающей деятельности», – говорит Зигварт, т. е. люди очень рано начали различать одно направление от другого и стали называть направления «туда» и «сюда» особым словом, образованным от местоимения указательного. Но

несомненно «первоначально понимание носит самый общий характер и касается только самых общих черт».

Наречия определительные произошли, вероятно, гораздо позже. И распавшееся имя становится, с одной стороны, определительным к существительному, с другой стороны, оно же употреблялось при глаголе для определения действия, выраженного им. Эта часть речи, употребляясь все чаще в новом значении определения глагола, изменяет свою природу потому, что синтаксическая функция вела эти слова неуклонно к потере падежа, числа и рода в зависимости, быть может, от такого постоянного и близкого соседства глагола, во взаимодействии с ним, как с определяемым словом, не имеющим этих грамматических категорий. А потом, позднее, всякое слово, становящееся определением глагола, превращалось в наречие. Потому-то наречия, исходя от других частей речи, до сих пор не теряют соотносительности с той частью речи, от которой они образовались, и мы довольно легко вскрываем, от какой части речи произошло то или иное наречие и даже от какого падежа и числа. И только немногие из них, образованные в очень раннюю пору, постепенно настолько изменились и деформировались, что становится трудно, а порой и совсем невозможно, вскрыть их первоначальную форму” [Галкина-Федорук 1939: 91–92].

Как отмечает С. А. Гочияева [1973: 63], не все части речи подчиняются одним и тем же методам словообразования, каждая часть речи в этом процессе имеет свои особенности. Эти особенности выражаются в своеобразии средств и моделей образования слов в пределах той или иной части речи. Установление этих средств, методов образования слов в каждом языке раскрывает новые стороны процессов словообразования вообще в этом языке. Образование наречий не может целиком подчиниться законам образования существительного, так же, как и наоборот. Поэтому материал каждой категории слов, входящих в состав той или иной части речи, в каждом конкретном случае выдвигает свои средства словообразования.

Вопрос словообразования в финно-угорских языках частично затронут во второй части работы К. Е. Майтинской «Венгерский язык. Грамматическое словообразование», где автор указывает, что словообразование непосредственно связано с классификацией слов по лексико-грамматическим разрядам (категориям), которые, кроме систем форм склонения, спряжения, степеней сравнения и т. д., наиболее четко разграничиваются между собой именно благодаря характерной для каждой категории слов системе словообразования [Майтинская 1959: 7].

В современном удмуртском языке словообразование наречий осуществляется морфологическим, синтаксическим и морфолого-синтаксическими способами. Также лексический наречный фонд удмуртского литературного языка пополняется за счет заимствований.

2.1.1. Морфологический способ образования наречий.

Аффиксация

Аффиксальный способ образования наречий является продуктивным методом наречного словообразования, и этот способ играет активную роль в становлении наречия как части речи. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам, относящимся к различным частям речи, коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносят их в разряд наречий, то есть словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по определенным грамматическим классам (*часкын* ‘в течение часа’ < *час* ‘час’, *уйскын* ‘за ночь’ < *уй* ‘ночь’, *нуналскын* ‘за день’ < *нунал* ‘день’).

Из основных аффиксов образования наречий удмуртского языка в лингвистической литературе отмечены суффиксы *-ак* (*-як*), *-быт*, *-скын* (*-кын*), *-бытскын*, *-ой* (*-ёй*), *-ойскын* (*-ёйскын*), *-эн* (*-ен*), *-ысь*, *-ын*, *-лань*, *-озь*, *-э* (*-е*) и префиксы *коть-*, *оло-*, *ог-*, *но-* [см. ГСУЯ 1962: 307, 310; Серебренников 1963: 353].

Г. А. Архипов в своей статье «Аффиксальное образование наречий» рассматривает аффиксы *-и* (*йыгыри* ‘наощупь’, *шкнгыли* ‘шепеляво’, *вылһ* ‘высоко, поверх, поверху’, *улһ* ‘низко, понизу’, *йылһ* ‘высоко’, *шори* ‘пополам’, *лики-ляки* ‘расхлябанно’, *ури-бери* ‘быстро, поспешно, моментально’ и др.), *-а* (*кема* ‘долго’, *кузяна* ‘езде, повсюду; вразброс’, *пасьтана* ‘езде, повсюду, кругом; вразброс’, *иукна* ‘утро; утренний; утром’), *-тас/-таз* (*нялтас/нялтаз* ‘попутно’), *-тэ* (*нялтэ* ‘попутно’), *-дэ* (*лямдэ* ‘вмиг, в момент’) как суффиксы наречий и наречно-изобразительных слов. Автором отмечено, что с данными суффиксами могут быть образованы также и имена прилагательные, и имена существительные. Из названных аффиксов более регулярным является суффикс *-и*, а остальные встречаются реже и в единичных словах. Притом, суффиксы *-и*, *-а* (чаще) и *-тэ*, *-дэ* (реже) употребляются и в составе сложных (осложненных) деривационных аффиксов, а суффикс *-тас/-таз* замечен только в слове *нялтас(з)* ‘попутно’ [Архипов 1986: 55].

Кроме всех вышеупомянутых суффиксов, Б. А. Серебренников [1963: 353–354] еще рассматривает в удмуртском языке суффиксы *-зе* (*-зе*) (*лытазе* ‘вечером’, *нуназе* ‘днем’, *иуназе* ‘завтра’.), *-на* (*-на*) (*иукна* ‘утро’), *-алте* (*-алте*) (*толалте* ‘зимой’), *-ло* (*-ло*) (*азыло* ‘раьше’, *берло* ‘после’, *пыдло* ‘вглубь’, *педло* ‘во двор, на улицу, наружу’), употребление которых ограничивается всего несколькими словами, и называет их «более редкими наречными суффиксами».

Мы в данной работе не останавливаемся на более подробном рассмотрении суффиксов, выделенных Г. А. Архиповым и Б. А. Серебренниковым по следующим причинам: 1) образования носят более частный характер; 2) далеко не все суффиксы являются наречными и в некоторых случаях носят весьма спорный характер.

2.1.1.1. Производные с суффиксом *-ак/-як*

Удмуртские наречия на *-ак/-як* являются наиболее продуктивными из всех аффиксальных форм (по данным «Обратного словаря удмуртского языка» [Насибуллин 1992]). С данным суффиксом образуются наречия образа или способа действия от прилагательных, наречий, наречно-изобразительных слов, морфологически недифференцированных слов, числительных, например: *дэмена́к* ‘сообща, коллективно, совместно, вместе’ < *дэме́н* ‘сообща, вместе’, *ьогак* ‘быстро, скоро, срочно’ < *ьог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, срочный’, *каньылак* ‘легко, облегченно; спокойно’ < *каньыл* ‘легко, удобно; легкий, удобный’, *салкымак* ‘чуть свежо (прохладно)’ < *салкым* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий; прохладно, свежо’, *эркина́к* ‘свободно, привольно, вольно; облегченно’ < *эрки́н* ‘свободно, на свободе, вольно, привольно; свободный, вольный, привольный’, *вожмина́к* ‘поочередно’ < *вожми́н* ‘поочередно, попеременно’, *шына́к* ‘тихо, молча’ < *шы́п* ‘тихий, молчаливый; тихо, молча’, *шонера́к* ‘прямо, напрямиком, напрямик’ < *шоне́р* ‘прямо; верно’, *небыта́к* ‘мягко; нежно, ласково’ < *небы́т* ‘мягкий; рыхлый; нежный; мягко; рыхло; нежно’, *шория́к* ‘пополам’ < *шори́* ‘пополам’, *капчия́к* ‘легко, облегченно’ < *капчи́* ‘легкий, нетрудный; легко, нетрудно’, *сэрыта́к* ‘быстро’ < *сэры́т* ‘скоро, быстро; скорый, быстрый’, *жабыля́к-жабыля́к* ‘звукоподр. шуму прибоя’ < *жабыль-жабыль* ‘тж’, *чиля́к-долак* ‘сверкая, переливаясь’ < *чиль-дол* ‘наречно-изобр. сл., обозначающее переливы красок в воде или отражение блеска’, *жангыра́к* ‘звукоподр. однократному внезапному (отрывистому) звону, напр. колокола’ < *жангы́р* ‘звукоподр. звону, напр. колокола’, *ога́к* ‘вдруг, неожиданно; иногда, временами’ и др.

Коты́рак *чус-чус, цукна шунды яркы́т пиштэ, адямиос уже дырто*, (Иг. Гавр. Вп., 32). ‘**Кругом** тихо, утреннее солнце светит ярко, люди спешат на работу’.

Соин, лэся, ымнырыз туж пина́л но ќжыта́к серемгес адске (Иг. Гавр. Вп., 7). ‘Поэтому, видимо, его лицо выглядит очень молодо и **немного** смешно’.

Мон тыныд сюрес ваменад кй султы, монэ но эн ъегаты, – урдсһнак кожыса кошкыны шктаз со (С. Самс. В., 235). ‘Я тебе дорогу не переходил, меня не задерживай, – отступив **вбок** он попытался уйти’.

Васялэн анаез-атаез, гуртын вераськемъёсты кылыса, нырысь-валысь кз оске, юнме супыльто шуыса малпазы, нош пизылэсь гожтэтсэ басьтэмзы бере, соос чылкак абдразы (Иг. Гавр. Вп., 122). ‘Родители Васи, услышав деревенские сплетни, сначала не поверили, подумали, что попусту болтают, но получив письмо сына, они **совсем** удивились’.

Шудо лу, Наталь, та лкк ськрын, – шуиз но сэрытак потыса кошкиз (К. Митр. В., 34). ‘Будь счастлива, Наталья, за этим столом, – сказал он и **быстро** вышел’.

Со вылэ Егоров тылын югдытыса ик тэтчиз но гацолһн усем муртлэсь огзэ палэнэ вайяськем кизэ пыд улаз куажырак лёгиз, мукетсэ лотак кырмиз но ськрлань позыртһз (С. Самс. В., 218). ‘Направив на него свет, Егоров прыгнул на него и **с хрустом** придавил под ногой одну руку, другую же **крепко** сжал и закрутил за спину’.

Пуштэмлэн дурыз котыр луэм бере, сюлмыз огак шымыртһське: “Вань пуштэмез сиизы ке бен!” – вылтырыз кезьыт луыса кошкиз (А. Оки, Онш., 23). ‘После того как яичницы осталось мало (букв. края яичницы округлились), ее сердце **вдруг** сжалось: “А если всю яичницу съедят!” – по телу пробежали мурашки’.

О происхождении суффикса *-ак* Б. А. Серебренников пишет: “Происхождение суффикса неясно. Элемент *k* в пермских языках, по-видимому, имел какие-то функции сравнения, ср., например: коми-зыр. *burWу-k* ‘лучше’ (*bur* ‘хороший’), удмурт. *vyl’-g-es, vyl’-g-et*, ‘более новый’. Суффикс *-ак*, возможно, восходит к какому-то слову, имевшему значение «подобный» или «подобно»” [Серебренников 1963: 353].

И. В. Тараканов [1981: 33] суффикс *-ак* относит к болгарским заимствованиям. В качестве примера им приведена следующая лексема: ср. удм. *манак* ‘как раз, ровно, столько’ < чув. *шапах* ‘тж’.

На наш взгляд, суффикс *-ак* имеет довольно позднее происхождение и относится к общеудмуртскому периоду, на что указывает отсутствие данного аффикса (или какого-либо его близкого варианта) в родственном коми языке. Все образования носят вторичный характер, и следовательно, элемент *-ак* в удмуртском языке вполне может быть исконным по образованию.

Нужно отметить, что далеко не все слова, образованные при помощи данного суффикса, являются собственно наречиями. Речь идет о морфологически недифференцированных словах, например: *вакчияк* ‘коротко, короче, вкратце, сжато, сокращенно, кратко; короткий, краткий, сжатый, сокращенный’ [УРС 1983: 68], *вакчияк* *вераны* ‘пересказать вкратце’ и *вакчияк* *сюрес* ‘короткая дорога’; *нагыляк* ‘голышом; голый’, *нагыляк* *ветлыны* ‘ходить голышом’ и *нагыляк* *нылаш* ‘голая девушка’; *капчияк* ‘легко, облегченно; легкий’, *капчияк* *шокчыны* ‘облегченно вздохнуть’ и *капчияк* *уж* ‘легкая работа’; и др.

В работе «Verzeichnis der votjakischen Suffixe und Suffixkombinationen» («Перечень удмуртских суффиксов и суффиксных комбинаций») суффиксы *-ак/-як* названы словообразовательными суффиксами наречий (Adverbialbildungssuffix) [Veenker 1976: 23, 25].

2.1.1.2. Производные с суффиксом *-быт*

С суффиксом *-быт* образуются наречия времени от имен существительных и от морфологически недифференцированных имен, например: *арбыт* ‘весь год’ < *ар* ‘год; годовой’, *уйбыт* ‘всю ночь’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *тулысбыт* ‘всю весну’ < *тулыс* ‘весна; весенний; весной’, *нуналбыт* ‘весь день’ < *нунал* ‘день; дневной’, *толбыт* ‘всю зиму’ < *тол* ‘зима; зимний; зимой’, *сһзьылбыт* ‘всю осень’ < *сһзьыл* ‘осень; осенний; осенью’, *гужембыт* ‘все лето; в течение всего лета’ < *гужем* ‘лето; летний; летом’, *лытбыт* ‘весь вечер’ < *лыт* ‘вечер; вечерний; вечером’, *толэзьбыт* ‘целый месяц’ < *толэзь* ‘месяц; месячный’, *арнябыт* ‘целую неделю’ < *арня* ‘неделя; недельный’.

*Кылем арняе клубе лыктһз но **лытбыт** репетициез учкыса нукиз* (Иг. Гавр. Вп., 180). ‘На прошлой неделе [он] пришёл в клуб и **весь вечер** смотрел репетицию’.

***Толбыт** люкаськем лымы шунды шорын чияса улыны кз чида ни, бкрдыса но куашетыса канаваостһ но нюкъястһ кошкины кутскиз* (Иг. Гавр. Вп., 158–159). ‘Снег, выпавший за **всю зиму**, уже не смог [спокойно] лежать, сверкая на солнце, с журчанием и шумом начал бежать по канавам и оврагам’.

*Адъясьёсын-понятойёсын протокол гожтэм бере, Иван Комаров **уйбыт** Зотов дорын юыса потэм* (С. Самс. В., 155). ‘После заполнения протокола со свидетелями и понятыми, Иван Комаров **всю ночь** пропьянствовал у Зотова’.

***Лумбыт** чидатски, бичаськыса-юмиаса кй ветлы, тыныд оски...* (С. Самс. В., 214). ‘**Весь день** [я] терпела, не ходила, не выпрашивала, верила тебе ...’.

***Гужембыт** тыршемзы понна пинальёсты табере нуллозы шаермылэн лымышор городэныз тодматскыны, Кам шур дурын шутэтскыны* (Уд, № 126–127, 2008). ‘За то, что ребята трудились **целое лето**, теперь их свозят познакомиться с южным городом, отдохнуть у реки Камы’.

Как видно из примеров, употребление этого суффикса ограничено небольшим кругом слов, обозначающих время суток и времена года. Однако в художественной литературе нами был обнаружен пример *сюресбыт* ‘всю дорогу’ < *сюрес* ‘дорога’, который к данной категории слов не относится. В данном случае это наречие принимает некое временное значение:

*Кылзы кз тупа, кз геръяськы, **сюресбыт** номыр сярысь кз вераське ни* (Иг. Гавр. Вп., 9). ‘Разговор не получился, не нашли общий язык, **всю дорогу** ни о чём уже не разговаривали’.

Этимологически суффикс *-быт* связан с удмуртским прилагательным *быдэс* ‘целый, цельный’ [Серебренникова 1963: 351]. В кратком этимологическом словаре коми языка [КЭСК 1999: 43] приводится следующая

этимология: “*быд* ‘каждый, всякий, любой’; произв.: *быдса* ‘целый’, *быдскн* ‘все, всё’ и др. | удм. *быдэ* послелог ‘на каждого, каждому’, *быдэс* ‘целый, цельный’, ‘весь. целиком’; -*быт*: *гужембыт* ‘всё лето’. – Общеп. *b8d-* Ю. Вихманн считает чувашским заимствованием, ср. чув. *петем* ‘целый, цельный, сплошной’, ‘весь, всё’. Озвончение начального согласного могло произойти на общепермской почве. Т. Утила заимствование ставит под вопрос”.

2.1.1.3. Производные с суффиксом -*скын*

Сфера действия этого суффикса тоже ограничена словами, обозначающими время. С помощью данного аффикса образуются наречия времени от существительных и недифференцированных слов, например: *часкын* ‘в течение часа’ < *час* ‘час’, *уйскын* ‘за ночь’ < *уй* ‘ночь’, *нуналскын* ‘за день’ < *нунал* ‘день’, *толскын* ‘за зиму’ < *тол* ‘зима; зимний’, *сһзбылскын* ‘за осень’ < *сһзбыл* ‘осень; осенний; осенью’, *гужемскын* ‘за лето’ < *гужем* ‘лето; летний; летом’, *арскын* ‘за год’ < *ар* ‘год; годовалый’, *арняскын* ‘за неделю’ < *арня* ‘неделя; недельный’, *минутскын* ‘за минуту’ < минут ‘минута’.

Гурезьёстһ, конечно, часкын... (Г. Пер. Нз., 115). ‘По горам, конечно, **за час...**’.

Монэ верам шуод: монтэк соослэн номыр уз пкърмы, драмкружоксы арняскын куашкалоз (Иг. Гавр. Вп., 108). ‘Я говорил скажешь: без меня у них ничего не получится, их драмкружок распадется **за неделю**’.

Лавка суқыриеэ сиисько нуналскын ик, нош аслэсьтым пыжемме – нунал но лыны кусын (Уд, № 020, 2008). ‘Буханку хлеба, купленную в магазине, съедаю сразу всю **за день**, а свою испеченную – за полтора’.

Кылем ар кусын 12 нуны куаразэ сётһз, туэ лыны арскын 11 пинал ни (Уд, № 126–127, 2008). ‘В прошлом году за год родилось 12 младенцев, нынче, **за пол года** – уже 11’.

Станок – со кутэс яке огшоры молот квкл. Сое огнуналскын нокизбы но уд вала (Иг. Гавр. Вп., 77). ‘Станок – это не молотило или простой молоток. Его **за один день** никак не изучишь’.

Сюрессы кӧня ке минутскын йӧнтэм тулегмиз но, мыныны эшишо секытгес луиз (Г. Пер. Нз., 110). ‘[Их] дорога **за несколько минут** стала очень скользкой, идти стало еще трудней’.

Б. А. Серебренников наряду с суффиксом *-скын* рассматривает также его вариант *-сын* (*nunalsyn* ‘за день, в течение дня’, *arNasyn* ‘за неделю, в течение недели’) и объясняет его происхождение следующим образом: “В основе этого суффикса лежит окончание местного падежа *-yn*. Элемент *-sk-* (*-s-*), по всей видимости, возник в результате переразложения основ, поскольку в удмуртском языке имеются имена существительные с основой на *-sk-*, например: *N=les* ‘лес’ – *Nulesk-yn* ‘в лесу’, *urdes* ‘бок’ – *urdesk-y* ‘набок’, *urdsyn* ‘возле’” [Серебренников 1963: 353].

Элемент *-s* суффикса *-sk-* рассмотрен также А. И. Емельяновым. По его мнению, суффикс *-s* употреблялся с различными предшествующими ему гласными, которые, очевидно, представляли из себя чередующийся редуцированный конечный гласный основы. Далее он приводит точку зрения Й. Буденца: “Звук *-s* Буденц считает финно-угорским посессивным суффиксом **-ks*; в вотяцком языке произошла, очевидно, перестановка звуков: *ks* > *sk*, причем последний звук, как это обычно бывает, в вотяцком языке выпал и только иногда восстанавливается перед гласной суффикса” [Емельянов 1927: 101].

2.1.1.4. Производные с суффиксом *-бытскын*

В «Удмуртско-русском словаре» 1983 г. издания встречаются наречия, образованные при помощи суффикса *-бытскын*. Этот суффикс образует наречия времени от существительных и недифференцированных слов: *уйбытскын* ‘всю ночь, за ночь, в течение всей ночи’ < *уй* ‘ночь; ночной’, *толбытскын* ‘всю зиму, в течение зимы; за зиму’ < *тол* ‘зима; зимний’;

арбытскын ‘за год, в один год, в течение года’ < *ар* ‘год; годовалый’, *тулысбытскын* ‘за всю весну, в течение всей весны’ < *тулыс* ‘весна; весенний; весной’, *лытбытскын* ‘за вечер, в течение вечера’ < *лыт* ‘вечер; вечерний’, *толэзьбытскын* ‘за месяц, в течение месяца’ < *толэзь* ‘месяц’.

Примеров из художественной литературы нами не было обнаружено. Причину этого нужно искать в контаминации, в результате которой и возник данный суффикс. Обычно контаминация наблюдается в сфере разговорной речи и является отступлением от литературной нормы [ЛЭС 1990: 238].

2.1.1.5. Производные с суффиксом *-ой (-ёй)*

С суффиксом *-ой (-ёй)* образуются количественно-временные наречия от числительных, например: *кызёй* ‘за двадцать дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *нбылёй* ‘за четыре дня’ < *нбыль* ‘четыре’, *куинёй-нбылёй* ‘за три-четыре дня’ < *куинь-нбыль* ‘три-четыре’, *куатёй* ‘за шесть дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёй* ‘за пять дней’ < *вить* ‘пять’, *кыктой* ‘за два дня’ < *кык* ‘два’, *сизьымой* ‘за семь дней’ < *сизьым* ‘семь’ и др.

Лиза витиз Паша Егоровез. Кыктой возьмаз, куиньмой... (С. Самс. В., 127). ‘Лиза ждала Пашу Егорова. Два дня ждала, три ...’

Ёросысь кужмо спортсменъёсты шараян вылысь татын нырысетӥ нылпи тол шудонъёс радъяськозы. Кыктой кыстӥськись юшатсконэ сюрс пала пинал пырыськыны кулэ (Уд, № 021, 2008). ‘Для выявления сильных спортсменов в районе, здесь будут проводиться первые детские зимние игры. В соревнованиях, которые продлятся в течение двух дней, должны принять участие около тысячи ребят’.

Станциин тодмоез дорын Федор куиньмой кӧлиз уни (Г. Крас. Кц., 21). ‘На станции у знакомого Федор уже три дня ночевал’.

Собере узыр бускелезлы со кыктой юмже вӧлӧсаз лӧял порылӧз (К. Митр. Сз., 71). ‘Потом он богатому соседу на протяжении двух дней в подлеске пни корчевал’.

Куиньмой луло шой кадь кыллиз (Р. Вал. Уп., 50). ‘Три дня [он] пролежал как живой труп’.

Суффикс *-ой* А. И. Емельяновым [1927: 117] и Б. А. Серебренниковым [1963: 353] возводится к архаическому суффиксу. Отмечено, что суффикс *-ой* позднейшего присхождения, вполне еще не утративший значение знаменательного слова *уй* ‘ночь’. Б. А. Серебренников в качестве сравнения дает пример *voj* (диал. *oj*) ‘ночь’ из коми-зырянского языка.

2.1.1.6 Производные с суффиксом *-ойскын (-ёйскын)*

Данный суффикс, нетрудно заметить, так же, как и суффикс *-бытскын*, возник в результате контаминации двух наречных суффиксов *-ой* и *-скын*. Суффикс *-ойскын* в удмуртском языке образует наречия времени от имен числительных, например: *кызёйскын* ‘в течение двадцати дней’ < *кызь* ‘двадцать’, *нбылёйскын* ‘в течение четырёх дней’ < *нбыль* ‘четыре’, *куинёйскын* ‘в течение трёх дней’ < *куинь* ‘три’, *куатёйскын* ‘в течение шести дней’ < *куать* ‘шесть’, *витёйскын* ‘в течение пяти дней’ < *вить* ‘пять’, *сизьымойскын* ‘в течение семи дней’ < *сизьым* ‘семь’, *куиньмойскын* ‘в течении трёх дней’ < *куинь* ‘три’, *дасойскын* ‘в течение десяти дней’ < *дас* ‘десять’, *укмысойскын* ‘в течение девяти дней’ < *укмыс* ‘девять’, *тямысойскын* ‘в течение в течение возьми дней’ < *тямыс* ‘восемь’, *кыктойскын* ‘в течение двух дней’ < *кык* ‘два’.

Следует отметить, что с помощью данного суффикса образовано также два наречия от недифференцированных слов: *гужемойскын* ‘за лето; в течение лета’ [УРС 1983: 115] < *гужем* ‘лето; летний; летом’ и *лытойскын* ‘за вечер, в течение вечера’; *та ужез лытойскын быдэстыны луоз* ‘эту работу можно выполнить за [один] вечер’ [УРС 1983: 150] < *лыт* ‘вечер; вечерний; вечером’.

2.1.1.7. Производные с суффиксом *-эн (-ен), -ын*

С суффиксами *-эн (-ен)*, *-ын* образуются качественные и некоторые временные наречия от недифференцированных имен и числительных, например: *одһген* ‘по одному, по-одиночке’ < *одһг* ‘один’, *ьоген* ‘вскоре, скоро; быстро’ < *ьог* ‘быстро, скоро, срочно; быстрый, скорый, срочный’, *шуген* ‘с трудом’ < *шуг* ‘трудно, тяжело; трудный, тяжёлый’, *капчиен* ‘легко, облегчённо’ < *капчи* ‘лёгкий, нетрудный; легко, нетрудно’, *иошен* ‘вместе’ < *иош* ‘вместе, совместно’, *ьечкын* ‘по-хорошему’ < *ьеч* ‘хороший, добрый; хорошо, добро’, *лекын* ‘со злостью, сердито’ < *лек* ‘злой, сердитый; зло, сердито’, *дасэн* ‘десятками, по-десяти’ < *дас* ‘десять’, *тросэн* ‘помногу’ < *трос* ‘много’, *сюэн* ‘сотнями, по-сотне’ < *сю* ‘сто’ и др.

Ведь Платон но, Ондыръян но улэп адымиос, соосты озьы ик улэпен възьматано, вань пуштроссэс кыре поттоно (Иг. Гавр. Вп., 225). ‘Ведь и Платон, и Андрей – живые люди, их так же **живыми** нужно показать, их внутренний мир (букв. содержание) вывести наружу’.

Атаеныд иошен ужаськом-ужаськом, нош пайдазэ ум адһыське (Г. Крас. Вю., 13). ‘Все работаем-работаем **вместе** с твоим отцом, а пользы никакой не видать’.

Кыыз ьоген бурмиз, вандһськем бервылаз ткдьы гинэ кылиз (Г. Крас. Вю., 15). ‘[Его] рука вскоре зажила, на месте пореза остался лишь белый шрам’.

Э-э, юозы, пе, адымилэн ваньмыз-квклэз вирыз куать литр гинэ, пе. Пичиен сюпсёзы соос, мертчиськозы но нырзэс пыдло-пыдло пыртозы (С. Самс. В., 161). ‘Э-э, будут пить они, у человека, говорят, всего ничего шесть литров крови. **Понемногу** будут высасывать они, присосутся, и свой нос вонзят глубоко-глубоко’.

Пуке ьок сьёрын кузё пуконын, сьёд мыйык улысьтыз ьар тёдһы пиньёссэ поттаса серекъя, адымиосын капчиен вераське (Г. Крас. Ок., 34). ‘Сидит за столом на хозяйском стуле, смеется, показывая свои белые зубы из-под черных усов, разговаривает с людьми **легко**’.

*Россиысь Правительстволэн вице-премьерез Дмитрий Медведев Удмуртие берлозэ вуылыкуз, та ужспумез быдэстыны малпаммес **њечен** лыдъяз* (Уд, № 028, 2008). ‘Вице-премьер Правительства России Дмитрий Медведев во время последнего визита в Удмуртию одобрил (букв. посчитал **хорошей**) идею выполнения этой работы’.

*А ведь Сюртэм Педор шузи ке но, тынэсьтыд визьмогес! – **лекын** вазиз Зангари Илья* (Иг. Гавр. Вп., 142). ‘А ведь Сюртэм Федор хоть и дурак, но умнее тебя! – **со злобой** проговорил Зангари Илья’.

*Кыце ке кандидат понна куараос **сюэн** йылһзы, кыцеез ке понна – **сюрсэн*** (Уд, № 031, 2008). ‘За одного кандидата голоса **сотнями** увеличивались, за другого – **тысячами**’.

*Гажамзэ возматыны турттыса, **каньылэн**, **лякытэн** вераськыны выре* (К. Митр. Сз., 77). ‘Желая показать свое уважение, старается говорить **спокойно, вежливо**’.

*Коркась **лушкемен** потыны медэ вал но ёс куспын шап гинэ Дангыр пумитэ вуиз* (К. Митр. Сз., 96). ‘Хотела **тайком** выйти из дому, но в дверях неожиданно встретила с Дангыром’.

2.1.1.8. Префиксальный способ образования наречий

Префиксацией называется такой аффиксальный способ словообразования, при котором словообразовательное значение выражается с помощью префиксов. Функционально и, частично, семантически префиксы близки к суффиксам. Суффиксы более тесно, чем префиксы, слиты с производящей основой и их словообразовательное значение более сложно и многообразно, чем у префиксов.

В удмуртском языке наречия образуются с помощью приставок *оло-*, *коть-*, *но-*.

2.1.1.8.1. Производные с префиксом *оло-*

Префикс оло-. Примеры: *олокытын* ‘где-то’, *олокытчы* ‘куда-то’, *олокытысь* ‘откуда-то’, *олокытћ* ‘где-то (где-то, неизвестно где)’, *олокызыь* ‘как-то, каким-то образом, неизвестно как’, *олокытысен* ‘откуда-то, неизвестно откуда’, *олокӧня* ‘несколько’, *олокеме* ‘очень долго’, *олокудкеме* ‘очень далеко’, *олокудкемын* ‘неизвестно, как далеко’, *олокудкемысь* ‘неизвестно с какого расстояния’, *олокудняла* ‘очень долго, неизвестно сколько’.

Татчы адымиос олокытысь но вуэмын (С. Самс. В., 109). ‘Сюда приехали люди из разных мест (букв. **неизвестно откуда**)’.

Пумаз вуыса, куддыр – оскиськод-а, уд-а – олокызыь но турттћськод (С. Самс. В., 105). ‘Когда доходит до крайности, иногда – веришь или нет – как только (букв. **неизвестно как**) не стараешься’.

Трос адњемын, олокытћ но ветлэмын, пкртэм интыосын улэмын бере, оломае но тодэ (Уд, № 096, 2008). ‘Поскольку он многое видал, ездил по многим местам (букв. **неизвестно где**), жил в разных местах, чего только не знает’.

Коркан пукон дыръяз со краскаен пужыятэм интыосыз ӧз но адњы кадь, нош али олокытысен йыраз пыризы (К. Митр. Сз., 96). ‘Она, когда сидела в доме, покрашенные краской места будто бы и не заметила, а сейчас **неизвестно откуда** вспомнила’.

Тћни Дубов, тћни, – Радин горд майкаос пӧлысь нападениысь центр шоры чиньызэ олокудкеме нуйтыса мычем (М. Кон. Куӧв., 33). ‘Вот Дубов, вот, – Радин **очень далеко** вытянул палец в сторону центра нападения, играющих в красных майках’.

Удмуртский префикс *оло-* Б. А. Серебренников [1963: 212] сопоставляет с префиксом *ала-* марийского языка и называет их генетически тождественными. По его словам, удмуртский префикс *оло-* и марийский *ала-* представляют собой по происхождению превратившееся в префикс вводное слово *оло* (модальное слово, имеющее значение русского *может быть*). В этом значении оно до сих пор употребляется в удмуртском и марийском

языках. Ср. удм. *Йыга золгес, оло, кылозы* ‘Стучи посильней, может быть, услышат’, мар. *Тый лудат ала* ‘Может быть, ты читаешь’.

И. В. Тараканов, придерживаясь мнения Берната Мункачи, относит компонент *оло-* к заимствованиям из тюркских языков: “оло союз ‘или’, препозитивная частица неопределенных местоимений и наречий < тат., башк. шлльщ ‘тж’” [Тараканов 1981: 60].

2.1.1.8.2. Производные с префиксом *коть-*

Префикс *коть-*. Примеры: *котьку* ‘постоянно, в любое время, всегда’, *котькудлань* ‘куда ни..., в любом направлении; во все стороны; в любую сторону’, *котькызыы* ‘как угодно; по-всякому; так и этак’, *котькытћ* ‘везде; везде и всюду’, *котькытчы* ‘куда угодно; в любое место; везде; повсюду’, *котькытын* ‘всюду; повсюду; где угодно’, *котькытысь* ‘отовсюду; откуда угодно’, *котькёня* ‘сколько угодно’, *котькытћысь* ‘откуда угодно’, *котькытчыозь* ‘куда угодно’, *котькытысен* ‘отовсюду, откуда угодно’.

Котькытћ ветлэ, котьма каре ке но, Катялэн сюлэм интыяз кёкл (Иг. Гавр. Вп., 35). ‘Хотя и **везде** ходит, все делает, сердце Кати не на месте’.

Уж дурысь Макар котьку одћг сюрестћ бертылћз – бакчаос бертћ сюбег гинэ пыдын ветлон сюрестћ (Г. Крас. Вю., 17). ‘С работы Макар **постоянно** возвращался по одной дороге – по протоптанной за огородами узкой тропинке’.

А тон шуиськод «адями котькытын но улыны дыше»! (Г. Крас. Ок., 39). ‘А ты говоришь «человек **везде** привыкает жить»!’.

Та корка котырысь гидзэ но кеноссэ но уд шедьты, котькёня утча (К. Митр. Сз., 43). ‘Около этого дома ни хлева, ни амбара не найдешь, **хоть сколько** ищи’.

Котькызыы котьмар кар но, колонка пуктэмын вал ини (Г. Крас. Кмж., 7). ‘**Хоть как** хоть что делай, но колонка уже была поставлена’.

“Префикс *kot’-* в удмуртских местоимениях *kot’kudiz* ‘каждый’, *kot’kin* ‘всякий’ и т. д., – пишет Б. А. Серебренников, – связан с русским

просторечным *хоть какой, любой*. Поэтому *kot'kudiz, kot'kin* первоначально означали ‘хоть какой, хоть кто’, откуда позднее развились значения ‘каждый’, ‘всякий’ и т. д.” [1963: 213]. Подобное можно сказать про наречия, образованные с помощью префикса *коть-*. Например, *котькытын* первоначально обозначало ‘хоть где’, а позже ‘всюду, повсюду’ и т. д.

2.1.1.8.3. Производные с префиксом *но-*

Префикс *но-*. Примеры: *ноку* ‘никогда’, *нокызьы* ‘никак’, *нокытћ* ‘нигде, ни по какому месту’, *нокытчы* ‘некуда; никуда’, *нокытын* ‘негде; нигде’, *нокытысь* ‘неоткуда; нигде’, *нокудлань* ‘никуда, ни в какую сторону’, *нокудласянь* ‘ниоткуда, ни с какой стороны’, *нокудпала* ‘никуда, ни в какую сторону’, *нокудпалан* ‘нигде, ни в какой стороне’, *нокудпалась* ‘ни с какой стороны’, *нокытысен* ‘нигде’.

*Сиён-юон бервылзэс, мылем юдэсьёссэс **ноку** но сын-сап уг каро – Зоя ваньзэ пудозылы сётэ* (Г. Крас. Вю., 19). ‘Остатки еды, недоеденные куски **никогда** не выбрасывают – Зоя все отдает скотине’.

«*Кызьы тон бырид, кытчы?*» – *ас юанэзлы **нокытысь** валэктон уг шедьты со* (Н. Вас. Кта., 71). ‘«Как ты погиб, где?» – на свой вопрос он **нигде** не находит ответа’.

*Семьяысь воргорон пумитьяське: мынам та вордскем интые, **нокытчы** уг кошки, шуэ* (Уд, № 026-027, 2008). ‘Мужчина из семьи противится: здесь моя Родина, **никуда** не уеду, говорит’.

*Лытозь дышетскисьёслэн йырзы поромиз, молитвазэс йылысеныз пумозяз лыдныса **нокызьы** но уг быдто* (К. Митр. Сз., 78). ‘К вечеру головы учащихся закружились, молитву с начала до конца **никак** не могут прочитать’.

Нокудласянь но гондыр уг поты (К. Митр. Сз., 58). ‘И **ни с какой стороны** медведь не выходит’.

Мы полностью согласны с мнением Б. А. Серебренникова [1963: 211], что структура отрицательных местоимений в пермских языках представляет

явную кальку структуры подобных грамматических форм русского языка. Приставки *не-*, *но-* соответствуют приставке *не-*, *ни-* русских говоров. На удмуртской почве *не-* превратилось в *но-*.

2.1.2 Синтаксический способ образования наречий

Образование наречий путем слияния или сочетания различных основ – знаменательных и незнаменательных единиц языка – составляет синтаксический способ образования наречий. Этим способом образуются все сложные наречия в удмуртском языке.

Образование наречий путем сочетания корней или основ, как и образование других частей речи, – процесс не только давно сложившийся, но постоянно развивающийся и совершенствующийся.

2.1.2.1 Образование наречий путем повторения или удвоения основ

Основным видом словосложения в удмуртском языке выступает редупликация. Сложные наречия, образованные названным способом, представляют собой парные сочетания имен и наречий, лексически используемых для определения качества действия или состояния. Такие сочетания состоят из основ синонимичных или антонимичных. Составными компонентами таких сочетаний могут быть основы имен существительных, числительных, местоимений, прилагательных и самих наречий. При парном употреблении оба компонента такого сочетания теряют свое первоначальное значение той части речи, к которой они относятся, и приобретают отвлеченное значение обстоятельственного слова – выразителя качественной характеристики действия и переходят в категорию наречия. Основным критерием при определении таких наречий являются их лексико-

семантические и грамматические особенности, слова в процессе парного употребления принимают лексическое значение и грамматические признаки, которые присущи наречиям.

Среди данных образований выделяются следующие группы:

I. Наречия-повторы, образованные путем удвоения синонимных основ. Это могут быть:

а) сложные наречия, образованные повтором одной и той же формы простых наречий (в том числе недифференцированных слов в значениях наречий и изобразительных слов), например: *кытћ-кытћ* ‘кое-где, местами; иногда’, *вылэтћ-вылэтћ* ‘высоко’, *мырдэм-мырдэм* ‘еле-еле’, *ьог-ьог* ‘быстро’, *кыдёке-кыдёке* ‘далеко’, *матэ-матэ* ‘близко’, *чал-чал* ‘тихо, безмолвно’, *цем-цем* ‘часто’, *чиль-чиль* ‘ярко-ярко’, *куажыр-куажыр* ‘с хрустом’, *гудыр-гудыр* ‘с грохотом, грохоча’, *бульыр-бульыр* ‘булькающая’ и др.

Пукон вылын чал-чал пукись Волин амалтэк азьлань сётскиз, солэн быдэс мугорыз Катя пала тэтчань дась луыса кадь пумиз (Иг. Гавр. Вп., 292). ‘Волин, **тихо** сидевший на стуле, без причины подался вперед, казалось бы, он готов всем своим телом наброситься на Катю’.

Ваньзэ ъеч-ъеч малпаз но аслэсьтыз янгышсэ валаз: кужмысь яратыны уд кос (Иг. Гавр. Вп., 172). ‘Все **хорошо** [она] обдумала и поняла свою ошибку: насильно мил не будешь’.

Ымдурысьтыз йклыз бырымтэ на, литературае алигес гинэ мырдэм-мырдэм пал пыдыныз лёгиськиз, нош учкы али, кыце лек куртчылћське (Иг. Гавр. Вп., 574). ‘Ещё молоко на губах не обсохло, только недавно **еле-еле** в литературу шагнул одной ногой, а сейчас посмотри, как сильно критикует (букв. кусается)’.

Камашев лушкемен потћз. Берзэ цем-цем учкылыса, трамвай пала кошкиз (Иг. Гавр. Вп., 552). ‘Камашев тайком вышел. **Часто** оглядываясь, ушёл в сторону трамвая’.

*Арамаос вискытћ кытћ но отћ Вало шур синучкон кадь **чиль-чиль** пиштылэ* (Иг. Гавр. Вп., 540). ‘Кое-где между рощами река Вала блестит (букв. **ярко-ярко** блестит) местами словно яркое зеркало’.

*Анаез ини лудэ мыныны дась: пельпум ськраз песьтэр, песьтэр кыметлэн ултћз шашы кадь сугон кальчаос **цогыр-цогыр** потћллям* (Иг. Гавр. Вп., 531). ‘Его мама уже готова идти на поле: за плечами пестерь, из-под крышки пестеря **дружно** вывалились перья лука, словно листья осоки’.

*Бубызэ адњыз но шудон но кулэ кькл ни – пумитаз бызе, мертчан кадь тќдьы йырсиез борды думем чагыр лентаез **тћр-тћр** выре* (Иг. Гавр. Вп., 526–527). ‘Увидела отца и забыла об игре, бежит ему навстречу, **из стороны в сторону** перекидывается, привязанная к белым, словно лён, волосам, голубая лента’.

б) сложные наречия, образованные путем повтора существительных и числительных в форме творительного падежа, например: *кесэген-кесэген* ‘отрезками, кусками’, *толэзен-толэзен* ‘месяцами’, *кырымен-кырымен* ‘по горсточке, горстями’, *чурен-чурен* ‘в ряд, рядами’, *парен-парен* ‘парами’, *гуыкен-гуыкен* ‘глотками’, *куинен-куинен* ‘по трое’, *одћген-одћген* ‘по одному’, *сюэн-сюэн* ‘сотнями, по сотне’ и др.

*Со шур доры бакчаос но бакча кенерьёс **чурен-чурен** кыстћсько* (Иг. Гавр. Вп., 13). ‘К этой реке **рядами** тянутся огороды и заборы’.

*Егитћёс **парен-парен** бергаса кошкизы* (Иг. Гавр. Вп., 90). ‘Молодые начали кружиться **парами**’.

*Адямиос, **люкен-люкен** кариськыса, маке кенешо, лабырто, уже уг дырто* (С. Самс. В., 204). ‘Люди, собравшись в кучки (букв. **кучами**), что-то обсуждают, галдят, шумят, не спешат на работу’.

*Олексан соку ас ёзьёссэ **нимен-нимен** вераса лыдђяз: таиз конюхын, соиз строительной бригадаын, куинетћез прицепщик...* (Г. Крас. Вю., 14). ‘Александр тогда, **поименно** называя своих сверстников, пересчитал: этот конюх, тот в строительной бригаде, третий прицепщик...’.

Шыдэн тусьты бушам бере, Макар сһлен тэркыез аяз каре но юдэсэн-юдэсэн люкылыны кутске (Г. Крас. Вю., 18). 'После того как миска с супом опустошается, Макар ставит перед собой тарелку с мясом и начинает делить его **кусками**'.

Вара соосты оген-оген лыдъя (Иг. Гавр. Вп., 43). 'Вара их считает по одному'.

Дырын-дырын султылыса, я палэзһулэн чеберезлы паймемъяськыса котыртһз берга но синъёсыныз отчы-татчы утчаське, я кинэ ке тодаз вае на, корказэс соиз-а вал, таиз-а шуыса, шур ськрысь урамеэ сһсья... (С. Самс. В., 208). 'Время от времени (**временами**) встает, восхищается красотой рябины, вокруг нее кружится и глазами вокруг водит, то кого-то вспоминает, тот ли их дом или этот, улицу заречную изучает...'

Наречия, образованные парным употреблением двух однокоренных слов, не всегда обозначают новые понятия, отличные от единичных, они несут самые разнообразные семантические функции (выражают идею собирательности, множественности, длительности, разделительности, неопределенности, употребляются для выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту), но их важнейшей функцией является выражение усиления качества, действия и высокой интенсивности их проявления. Например, *ьог* 'быстро', *ьог-ьог* тоже 'быстро'. Второе наречие отличается большей выразительностью. В стилистике такие наречия используются для выражения эмоциональной речи.

в) сложные наречия, образованные от простых наречий, второй компонент которых фонетически видоизменен и служит для усиления наречного значения: *кырыж-мерыж* 'криво-косо', *ури-бери* 'поспешно, спешно, очень быстро', *чукин-бекин* 'вразвалку', *кымин-гопин* 'вразвалку' и др. Как правило, данные слова зачастую используются лишь в разговорной речи или же являются диалектными, по своей структуре они более близки к наречно-изобразительным словам. Примеры, которые приводятся ниже,

собранны нами в ходе полевой экспедиции в д. Трубашур Глазовского района Удмуртии:

со тил'ад с'урэсты но ижэ кырыж-мэрыж кошкэ, особэнно игра бэрэ (Тш). 'Эта ваша дорога в Ижевск (букв. **косо-криво**) проложена, особенно после Игры'.

со гагйосыд ури-бэри пэгһыл'лам, д'эдэд пызгытэмэд бэрэ (Тш.). 'Детвора-то быстро (букв. **беспорядочно; молниеносно**) убежала, после того как их дед отругал'.

мар со азбарад пуктэм гидэд чукин-бэкин ук сылэ (Тш.). 'Что это твой сарай, постороенный во дворе, **косо** стоит'.

зуродмэс волод'ан'укыс' вайыкумы, зуродмы кымин-гопин, кымин-гац пограз (Тш.). 'Когда везли стог из Володянюка (букв. лог Володи), он у нас **из стороны в сторону** качался и опрокинулся'.

Слова, составляющие вторую часть этих наречий, как видно из примеров, не имеют самостоятельного лексического значения и в языке отдельно не употребляются.

II. Наречия-повторы, образованные от основ:

а) с антонимичным значением, например: *солань-талань* 'туда-сюда', *отын-татын* 'там и сям, кое-где', *отысь-татысь* 'оттуда-отсюда', *куке-соку* 'когда-то тогда', *берлань-азьлань* 'взад-вперед', *вистэм-вожтэм* 'беспрерывно', *туннэ-иуказе* 'на днях, сегодня-завтра', *мыдлань-азьлань* 'взад-вперед', *отчы-татчы* 'туда-сюда', *ултћ-вылтћ* 'по верху-по низу, со всех сторон' и др.

Юртъерьёс бордысь редакцилэсь вывесказэ утчаса, со солань-талань ветлћсь адямиос шоры мырһиськылэ (Иг. Гавр. Вп., 27). 'В поисках вывески редакции на зданиях, он сталкивается с людьми, проходящих мимо него **туда-сюда**'.

Басьтэ, шуисько, тһ мыным мурт квкл, куке-соку берен берыктоды (Иг. Гавр. Вп., 232). ‘Берите, говорю, вы мне не чужие, **когда-нибудь** сочтемся’.

Бадһым сюрес вылысь гуртэтһ мыдлань-азьлань ветлһсь подводаос уин но маза сётъяллямтэ соослы – огезлэн уробо черсэз чигем, мукетызлэн вал дагаез палдэм (С. Самс. В., 109). ‘Подводы с большой дороги, колесящие по деревне (букв. **туда-обратно**), не давали им покоя и ночью – у одной ось телеги сломалась, у другой подкова у лошади отпала’.

Паримон агаез, ултһ-вылтһ нырк карыса, исаса-серекъяса вераськемзы кылһськылһз (С. Самс. В., 186). ‘Слышались разговоры оскорбляющие и **унижающие** дядю Паримона’.

Син куспын ожмаськон-жугиськон пуромиз: вистэм-вожтэм лобо но лобо пукыц ныклъёс, дыбечъёсын лкпкытъяло, изъёсын зһръясько... (Уд, № 109, 2008). ‘В мгновение ока разразилась битва: **беспрерывно** летят и летят стрелы, [люди] молотилами бьют, камнями кидаются’.

Кышномуртъёс сыцеесь ук: ой, соиз сыце дһсь басьтэм, ой, со озьы-тазъы карем (УД, № 130–131, 2008). ‘Женщины же такой народ: ой, та такую одежду купила, ой, она **так и сяк** сделала’.

Лулскылыса, лулскылыса, Зотов синъёсыныз отысь-татысь маке утчаськем сямен, йырзэ кырыжъяз но Алевтина Берёзкинаен луэм учыр сярысь, солы дурбасьтыса, Полиналэн куаретон поттэмез сярысь мадъыны кутскиз (С. Самс. В., 194). ‘Повздыхав, повздыхав, Зотов, словно поискав что-то вокруг (букв. **там и тут**), повертел головой и начал рассказывать историю, случившуюся с Алевтиной Берёзкиной, ее защищая, назвал зачинщицей ругани Полину’.

Туннэ-цуказе кунянэз луоно (Иг. Гавр. Вп., 239). ‘**Сегодня-завтра** [корова] отелится’.

б) с антонимичным значением, оба компонента которых выступают в творительном падеже, например: *кузен-вакчиен* ‘неровно, неодинаково (по длине)’, *уен-нуналэн* ‘ночью и днем’, *лытэн-цукен* ‘по утрам и вечерам’,

кужен-вамен ‘пряником, напрямик’, *толэн-гужемен* ‘зимой и летом’, *пичиен-бадһымен* ‘от мала до велика’ и др.

Уен-нуналэн витид карттэ (К. Лом. ВэнО., 228). ‘Днями и ночами ждала [ты] своего мужа’.

Микаль *толлоен-туннэен* гидкуазетһ, корка пушкытһ поръя (П. Черн., Мӧзм., 129). ‘Микаль **каждый день** по двору, по дому ходит’.

Сһзылэн-толалтэен нюлэсканы цош ветлом шуыса, куспазы вераськемзы вал соос (К. Митр. Сз., 45). ‘Между ними был разговор, что **осенью и зимой** будут вместе ходить на охоту’.

Таким образом, при образовании наречий путем повторения различных основ широко участвуют сами наречия, т. е. большинство сложных образований представляют собой парные сочетания различных форм пространственных падежей субстантивированных имен. Падежные признаки в таких наречиях свидетельствуют о том, что процесс изоляции падежных форм и перехода их в наречия происходил в языке раньше, чем описываемый процесс спаривания наречий.

III. Сложные наречия, образованные посредством сочетания отдельных существительных в форме исходного падежа, например: *лулысь-сюлмысь* ‘усердно, от всего сердца’, *гужысь-пиньысь* ‘энергично, настойчиво’, *мылысь-кыдысь* ‘охотно, с желанием’, *нырысь-валысь* ‘первоначально’, *кытысь-марысь* ‘откуда’, *олокытысь-марысь* ‘откуда-то’ и др.

Люкаськемъёс *мылысь-кыдысь* вераськыны кутскизы кебит сярысь (Б. Вахр. Шкк., 320). ‘Собравшийся народ **охотно** начал разговаривать о кузнице’.

Дышетсконъёс (учениос) *ортчизы* Челябинск *улосысь* Чебаркуль город дорын, но *нырысь-валысь* дивизия асьме шаерын кык азе интыяськиз – *оглюкетэз* Сарапул *котыре*, *мукетыз* Дэри ёросысь *Шайтангуртэ* (Уд, № 026–027, 2008). ‘Учения проводились у города Чебаркуль Челябинской области, однако **первоначально** дивизия расположилась в нашей

республике: одна часть – в окрестностях Сарапула, другая – в деревне Шайтангурт Завьяловского района’.

Уг сётһськы даурам но, кытысь-марысь, – мыжыксэ юн кырма (М. Кон. Куöv., 87). ‘Никогда не соглашусь, **откуда**, – крепко сжимает кулаки’.

Корка өсэз усьтыкуз, Кирлалэн пыд улаз олокытысь-марысь, съöd бугор кадь питраса, мыжык быдһа кучапи потһз (Г. Крас. Кмк., 17). ‘Когда открывал дверь дома, под ноги Кирилла **откуда-то** прикатился, словно черный клубок, щенок величиной с кулак’.

Тани со пыдес вылаз лэзиськиз, киоссэ нош ик Шунды шоры мычиз но лулысь-сюлмысь нёжтһз... (К. Кул. С., 248). ‘Вот он встал на колени, снова поднял руки к Солнцу и **от души** протянул...’.

Тодмо врачез эшелы визь тырем: армилэсь утемед потэ ке, пиналлэн тазалыкез борды гижысь-пиньысь басьтһськоно воз нуны дыръяз ик (Уд, № 083–084, 2008). ‘Знакомый врач моего друга учил его уму-разуму: если хочешь ребенка от армии уберечь, здоровьем ребенка серьезно (*букв. **настоячиво***) нужно заняться уже с младенчества’.

Следует отметить, что синтаксический способ образования наречий путем парного употребления корней и основ является одним из основных и продуктивных средств пополнения состава наречий в большинстве языков, в том числе и удмуртском. В каждом отдельном языке приемы такого словообразования своеобразны, и формы парных наречий специфичны для каждого языка. Сходство между отдельными финно-угорскими языками в этом плане заключается в общности способа синтаксического оформления слов, переходящих в категорию наречий.

Компоненты парных наречий в каждом языке различны по своему характеру, по грамматической природе и по лексическому значению. Общим для всех языков является то, что при парном употреблении в функции обстоятельственных слов различных морфологических форм имени происходит их лексическое и грамматическое переосмысление.

Парные наречия составляют значительные группы в каждом отдельном языке. В родственных языках они представляют собой самые разнообразные формы сочетаний, например:

венг. *egyес-egyedül* ‘один-одинешенек, одиноко’, *éjten-éjjel* ‘ночью-ноченькой’, *véges-végig* ‘до самого конца’, *réges-régen* ‘давным-давно’, *sebbel-lobbal* ‘крайне спешно’, *szemtől-szembe* ‘лицом к лицу’, *unos-untig* ‘все время, надоедливо’, *üggysel-bajjal* ‘с большим трудом’, *föl-alá* ‘вверх и вниз, туда-сюда’, *éhen-szomjan* ‘не пивши, не евши’, *éjjel-nappal* ‘днем и ночью’ и др. (примеры из [Балашша 1951: 171]).

мар. *шуко-шагал* ‘ни много, нимало’, *таче-эрла* ‘не сегодня-завтра’, *уэш-пачаш* ‘вновь и вновь’, *тышке-тушко* ‘туда-сюда’, *тыгат-тугат* ‘и так и сяк’, *тырын-терын* ‘вкривь и вкось’, *тышеч-тушеч* ‘то отсюда, то оттуда’, *кыдач-покчеш* ‘путанно, как попало’, *тореш-кутынъ* ‘вдоль и поперек’, *пачаш-пачаш* ‘несколько раз подряд’ и др. (примеры из [СМЯ 1961: 284]).

к. *вежон-вежон* ‘крест-накрест’, *чуккркн-чуккркн* ‘гурьбой, толпой, рядами’, *этиа-эти* ‘совсем немного, чуть’, *унаысь-уна* ‘очень много’, *спути-спуть* ‘подробно’, *вежа-веж* ‘вперемешку, беспорядочно’, *тышкас-мышкас* ‘кое-как, бессвязно, как попало’, *ськрськн-бкрськн* ‘гуськом, друг за другом’, *ктарлань-мкдарлань* ‘туда-сюда’, *лючкиа-бура* ‘благополучно’ и др. (примеры из [Федюнева 1995: 109]).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в сравниваемых языках, как и в удмуртском, в образовании парных наречий участвуют многие части речи. По своему морфологическому оформлению эти наречия разнообразны. В образовании большинства сложных наречий участвует грамматический элемент – морфологическая форма слова. Особенно часто используются при этом формы пространственных падежей.

2.1.2.2. Образование наречий через основослияния

Этот способ заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два

компонента, представляющие собой единицы разных частей речи, органически сливаясь, образуют новое слово с единым наречным значением.

Этим способом возникли наречия следующих типов:

1. Наречия, образованные посредством сочетания указательных местоимений *со* ‘то’ и *та* ‘этот, эта, это’ с послелогом *бере* ‘после; по; за, вслед за’. Сюда относятся два наречия: *собере* ‘затем, потом, после, впоследствии’ и *табере* ‘теперь, сейчас’.

*Маке юаськод ке, шорад былък! учкыса пуке, **собере** гинэ пумитад вазе уни* (Р. Вал. Уп., 55). ‘Если что-то спрашиваешь, на тебя вытаращенными глазами смотрит, только **потом** тебе отвечает’.

***Собере**, шөдтэк шорысь ычыяськыса, небыт вераськыны шөтаз* (М. Кон. Куöv., 21). ‘**Потом**, неожиданно начал разговаривать мягко, словно лиса’.

***Собере** Удмуртилэн палэназ мед улысал на со – ваньзэ куштыса, ськраз мынысал* (Уд, № 021, 2008). ‘Даже пусть бы он жил за пределами Удмуртии – бросив все, поехала бы за ним’.

***Табере** дышетскы но дышетскы гинэ вал, малпамтэ шорысь анаез асьсэ гуртэ ик выльысь бызиз* (Иг. Гавр. Вп., 27–28). ‘**Теперь** бы ему учиться да учиться, неожиданно мать заново вышла замуж в свою же деревню’.

***Табере** жаяз: пинальёс йыгаськыку, капкаез усьтоно вылымтэ, пуны утэмез кылыса кошкысалзы* (Г. Крас. Вю., 16). ‘**Теперь** пожалел: не надо было открывать ворота, когда дети стучались, услышав лай собаки, они бы ушли’.

*Но преступник (**табере** со кык полэс преступник ни) кемалы уг пегъы, одно сюре* (С. Самс. В., 154). ‘Но преступник (**теперь** он уже дважды преступник) надолго не пропадает, все равно попадается’.

2. Наречия, образованные посредством сочетания числительного *ог* и местоимения *куд* (усеченных форм от числительного *одћг* ‘один’ и местоимения *кудћз* ‘который, которая, которое’) с отдельными существительными и послелогам, например: *огазе* ‘в одно место, воедино’ <

ог + послелог *азе* ‘в, на, перед’; *огвадес* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вадес* ‘время, пора, момент, период’; *огвакыт* ‘иногда, временами’ < *ог* + *вакыт* ‘время, пора, момент, период’; *огвалысь* ‘заодно; оптом, сразу’ < *ог* + послелог *валысь* ‘с’; *оггужем* ‘за лето; однажды летом’ < *ог* + *гужем* ‘лето; летний; летом’; *огдыр* ‘одновременно, в одно время’ < *ог* + *дыр* ‘время’; *куддыр* ‘иногда, порой, временами’ < *куд* + *дыр* ‘время’; *кудпалан* ‘где, в какой стороне, в каком направлении’ < *куд* + послелог *палан* ‘около, близ, на’; *кудмында* ‘сколько’ < *куд* + послелог *мында* ‘около, примерно, приблизительно’; *кудпалась* ‘откуда, с какой стороны’ < *куд* + послелог *палась* ‘с, со стороны’ и др.

*Удмурт писательёслэн произведениосынызы **оградын** та книга сярысь тодосчи В. Л. Шибанов гожъяз «Литературная Россия» газетын «Лики и отражения» статьяз* (Уд, № 104, 2008). ‘**Наряду** с другими произведениями удмуртских писателей, об этой книге писал ученый В. Л. Шибанов в статье «Лики и отражения» в газете «Литературная Россия»’.

Огазын ужам ук, – *Гондыр азе тыл кадь боевой, чирмыт пинал ни – Лазыр – пуксиз* (М. Кон. Куёв., 82). ‘**Вместе** же работали – сел перед Гондыром шустрый молодой парень, боевой, словно огонь’.

Оло, командировкаме куштом меда, берло мынэме уз луы шат? – огласянь малпа... (М. Кон. Куёв., 76). ‘Может, командировку свою отложить, неужели нельзя будет поехать позже? – думает **отчасти** ...’.

*Нылпиосыныз иош пукыкуз, Микаль мытэм малпаськонзэ **огдырлы** вунэтћз* (П. Черн. Мёзм., 130). ‘Сидя вместе со своими детьми, Микаль забыл **на время** свои раздумья’.

*Усто кырһасьёс шоры гажаса учке, **куддыръя** вожъяське* (Иг. Гавр. Вп., 151). ‘На хороших певцов с уважением смотрит, **иногда** завидует’.

«*Кускыным чылкак уг луы ни, Леким. Мон но адыми ук*», – *пумаз вуэменыз, **куддыр** льожтћськылћз анаез* (Н. Вас., Кта., 72). ‘«Из-за поясницы

уже совсем не могу [работать], Леким. Я ведь тоже человек» – совсем обессилив, **иногда** жаловалась [его] мать’.

3. Наречия, образованные посредством сочетания пространственных и временных имен *выл* ‘поверхность’, *ул* ‘низ’, *азь* ‘перед, фасад’, *бер* ‘зад’, *ськр* ‘место за пределами данного предмета (города, деревни и т. д.)’, местоименной основы *куд* ‘который’ и отдельных числительных, недифференцированных имен, обозначающих время *лыт* ‘вечер; вечерний; вечером’, *иук* ‘утро; утренний’, *уй* ‘ночь; ночной’ с послелогами *палась* ‘со стороны’, *палан* ‘около; близ; на’, *пала* ‘к; в сторону; на’, *ласянь* ‘в отношении; в направлении, от, со, с’, например: *уллапалась* ‘снизу, с нижней стороны’, *выллапалась* ‘сверху, с верхней стороны’, *берпалась* ‘с задней стороны’, *азьпалась* ‘спереди; впереди’, *кыкнапалась* ‘с двух сторон’, *кудпалась* ‘с которой стороны’, *нокудпалась* ‘ни с какой стороны’, *уллапалан* ‘внизу, в нижней стороне’, *берпалан* ‘позади, на задней стороне’, *азьпалан* ‘впереди, на передней стороне’, *кыкнапалан* ‘в обеих (в двух) сторонах’, *огпалан* ‘в одной стороне, на одной стороне’, *кудпалан* ‘где, в какой стороне, в каком направлении’, *нокудпалан* ‘нигде, ни в какой стороне’, *уллапала* ‘книзу, вниз; в нижнюю сторону’, *выллапала* ‘на верхнюю сторону, навверх, кверху’, *берпала* ‘назад; на заднюю сторону’, *ськрпала* ‘назад; в сторону’, *кыкнапала* ‘в две (в обе) стороны’, *нбыльнапала* ‘на четыре стороны’, *кудпала* ‘в какую сторону’, *кыкналасянь* ‘с обеих сторон, с двух сторон’, *уласянь* ‘снизу, с нижней стороны’, *азьпалласянь* ‘спереди, с передней стороны’, *кудласянь* ‘с какой стороны’, *нокудласянь* ‘ни с какой стороны’, *ськрласянь* ‘сзади, с тыла; с тыльной стороны’ и др.

Багоров Иван но Пупыд Конор сяна, уллапалась но, выллапалась но дасолэсь данак лыктһллям (Иг. Гавр. Вп., 199). ‘Кроме Багорова Ивана и Пупыд Конора, и с нижней, и с верхней части деревни пришло более десяти человек’.

Кжытак монэным соглаш луэмзэ вераз Пичи Пурга ёросысь В. Васильева. Но огпалась но куара уг кылһськы (Уд, № 031, 2008). ‘Частично

со мной согласен стал В. Васильева из Малопургинского района. Но поддержки в мой адрес не слышатся **ниоткуда**'.

Азьпалан кӧс улвай тачыртэ (К. Митр. Сз., 58). '**Впереди** трещит сухая ветка'.

Парторг маке кылпум поттылӥз вал: дояркаос пӧлын тазыы ик *азьпалан* мынӥд ке, шуиз, мисьтаськон машина кузьмалом (Р. Вал. Уп., 48). 'Парторг что-то говорил было: если и дальше так же в передовиках (букв. **впереди** пойдешь) среди доярок будешь, подарим стиральную машину'.

Азьпала мыныны уг лу ни, берлань но сюрес пытсамын: пал пыд вылаз конгыса, *Конор* тӥрен шонаське, «кутэ, кутэ!» шуыса кесяське (Иг. Гавр. Вп., 246). '**Вперед** идти нельзя, и назад дороги нет: прыгая на одной ноге, *Конор* машется топором, «ловите, ловите!» кричит'.

Куднала мыныны синмыз ик уг ни адӥны (М. Кон. Куӧв., 41). '**В какую сторону** идти [его] глаза уже даже не видят'.

Звонов бур синзэ тӥн кыниз но *огнала* гинэ учке на (М. Кон. Куӧв., 60). 'Звонов закрыл свой правый глаз и лишь **в одну сторону** смотрит'.

Тыметлэн кыкнапалаз вож арамаос но нюлэсьёс кыстӥсько (Иг. Гавр. Вп., 298). '**По обеим сторонам** пруда тянутся зеленые рощи и леса'.

Мар тон, мар тон? – *Кирилл* султӥз но, *Семён* вӧзы ик кариськыса, синӥёсаз *улласянь* учкиз (Кенеш 2003, № 11–12, 11). 'Что ты, что ты? – Кирилл встал и приблизившись вплотную к Семену, посморгал изподлобья (букв. **снизу**) в его глаза'.

4. Наречия, образованные от местоименных наречий *кытын* 'где', *кытчы* 'куда', *кытысь* 'откуда', *кызыы* 'как', *ку* 'когда' в сочетании с частицей *ке*: *кытын ке* 'где-то', *кытчы ке* 'куда-то', *кытысь ке* 'откуда-то', *кызыы ке* 'как-то', *куке* 'когда-то'.

Атай кулытояз монэ индылӥз: «*Лида*, *чакласа ул*, *Колялэн «Воргоронъёс берто» романэз* потыны кулэ, ***кытын ке*** но сое одно ик *печатлалозы*» (Уд, № 024, 2008). 'Отец толковал мне до последних дней своей жизни:

«Лида, следи за романом Николая «Мужчины возвращаются», он должен выйти, его всё равно **где-то** напечатают»’.

*Чиновникез исамес карыса, лэся, гондырьёс но та интыысь **кытчы ке** тодылымтэ-адһылымтэ шаеръёсы кошкиллям* (К. Митр. Сз., 58). ‘Как-будто, надсмехаясь над чиновником, медведи с этих мест в **какие-то** невиданные края ушли’.

*Гуртын чалмыт, **кытысь ке** бусыысь гинэ трактор куара кылһське: кын улэ гырыны кутскиллям ини* (Г. Крас. Ок., 39). ‘В деревне тихо, лишь **откуда-то** с поля доносятся звуки тракторов: осеннюю вспашку уже начали’.

***Кызы ке** но та писпу улын святой Трифон вёсяськылэ вал, дыр* (К. Митр. Сз., 72). ‘**Как-то** под этим деревом святой Трифон молился, наверное’.

*Трос пол верам вал ни, **куке** но вал кышно, табере мон мукетсэ басьтһсько* (М. Кон. Куёв., 65). ‘Много раз же говорил уже, **когда-то** была женой, теперь я другую беру [в жены]’.

2.1.2.3 Наречные выражения

В значении наречий употребляются иногда цельные сочетания слов, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день, ежедневно’, *б́крсьысь б́крсьы* ‘друг за другом, последовательно’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно’ и др. Их называют наречными выражениями. Каждое из этих выражений по смыслу равно одному слову: *висьымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *лытлы быдэ* ‘ежевечерне, каждый вечер’, *удмурт сямен* ‘по-удмуртски’ и т. п.

По словам Б. А. Серебренникова, для пермских языков характерны два типа наречий, образовавшихся на базе словосочетаний: 1) наречия, возникшие из послеложных словосочетаний и 2) наречные сращения и фразеологизмы [Серебренников 1963: 350]. Мы не совсем согласны с мнением данного исследователя, который оперирует терминами наречные сращения и фразеологизмы. Приведенные им примеры (*уйшор уин* ‘ночь в полночь’, *толон валлян* ‘позавчера’, *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’,

минутысь минутэ ‘ежеминутно’ и др.) никак не могут относиться к единствам и фразеологизмам, потому что под фразеологическим сращением мы понимаем «семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно несоотносительно со значениями его компонентов» [Шанский 1985: 94]. В данном случае речь идет о наречных выражениях, зачастую состоящих из повторения форм одного и того же существительного. Таким образом, нами выделено две группы наречных выражений: 1) выражения, возникшие из послеложных сочетаний и 2) выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного.

Наречные выражения, возникшие из послеложных словосочетаний, например:

а) словосочетания с послелогом *шорысь*: *вितъымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *малпамтэ шорысь* ‘неожиданно’, *возьмамтэ шорысь* ‘неожиданно’, *шкдымтэ шорысь* ‘неожиданно’, *шкдтэк шорысь* ‘неожиданно’, *токма шорысь* ‘ни с того ни с сего; неожиданно’, *габылда шорысь* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’, *юнме шорысь* ‘зря, напрасно’, *витёнтэм шорысь* ‘неожиданно’.

Шулдыр серекъяса вераськемзы бере, Спиридон Васильевич витъымтэ шорысь малпаськись тусо луиз (Иг. Гавр. Вп., 26). ‘После веселого и смешного (букв. сквозь смех) разговора, Спиридон Васильевич **неожиданно** стал задумчивым’.

Малпамтэ шорысь одӥз городысь вуизы ыжсы-выжыосыз, нылокез доразы басьтӥзы. (Уд, № 020, 2008). ‘**Неожиданно** из одного города приехали [его] родственники, девочку забрали к себе’.

Заседание ортчытон интые возьмамтэ шорысь бегешевъёслэн палачъёссы пыризы (Ив. Дяд. Бк., 61). ‘Вместо того, чтобы проводить заседание, **неожиданно** зашли бегешевские палачи’.

Шкдымтэ шорысь омырез паровозлэн кеськем куараез зуркатӥз (Г. Мед. Вд., 109). ‘**Неожиданно** воздух потряс звук паровозного гудка’.

Шкѡтѡк шорысь ѡуштѡм куара кылѡськыз (Иг. Гавр. Шп., 210).
'**Неожиданно** послышался стон'.

Йырыз но бадѡым, токма шорысь «мушко йыр» ѡз шуѡ, вылды
(К. Митр. Сз., 12). 'И голова его большая, **не зря**, наверное, «тугодумом»
прозвали'.

Габылда шорысь ѡс усьтѡськыз (К. Митр. Сз., 51). '**Неожиданно** дверь
распахнулась'.

Малы бен юнме шорысь керасин быдтыса пукод, малпасько (Р. Вал.
Уп., 49). 'Для чего **понапрасну** керосин буду сжигать, думаю'.

Со виын Габи Вася витѡнтѡм шорысь кымысаз клач! чабкыз (Г. Пер.
Нз., 114). 'В это время Габи Вася **неожиданно** стукнул себя по лбу'.

б) словосочетания с послелогом *быдѡ*: *ѡытлы быдѡ* 'ежевечерне,
каждый вечер', *цукналы быдѡ* 'каждое утро', *нуналы быдѡ* 'ежедневно,
каждый день', *арлы быдѡ* 'ежегодно, каждый год', *минутлы быдѡ*
'ежеминутно, каждую минуту', *толѡзьлы быдѡ* 'ежемесячно, каждый месяц',
арнялы быдѡ 'еженедельно, каждую неделю', *нунал быдѡ* 'ежедневно,
каждый день'.

*Спиридон монѡ арнялы кык пол дышетыны кулѡ вал, нош со ѡытлы
быдѡ ветлыны кѡдѡяз* (Иг. Гавр. Вп., 34–35). 'Спиридон должен был давать
уроки мне два раза в неделю, а он начал приходить каждый вечер
(**ежевечерне**)'.

*Катя цукналы быдѡ емышѡѡс вылѡ ву киськаз, уриськылѡз, базаре
ветлылѡз* (Иг. Гавр. Вп., 35). 'Катя **каждое утро** поливала овощи, полола, на
базар ходила'.

*Катя нуналы быдѡ городѡтѡ калгылѡз, станцие ветлылѡз, садын кема
пукылѡз, нош Васяз нокытысь уг адѡы* (Иг. Гавр. Вп., 35). 'Катя **каждый
день** бродила по городу, ходила на станцию, сидела долго в саду, но Васю
нигде не встретила'.

*Лепуш сюрс манетьёсын бергатъяз, Ондрей нош **арлы быдэ** дас сюрс пудэн ю-нянь вузальяз* (М. Кельд. Б., 70). ‘Лепуш тысячами рублями крутил, а Андрей **каждый год** десятки тысяч пудов хлеба продавал’.

*Пилем пул люкаське, **минутлы быдэ** будыса кошке* (М. Кон. Л., 136). ‘Распиленные доски набираются, [их количество] **ежеминутно** растёт’.

*Тһни озьы, **арнялы быдэ** оло лыны мешоксэ вузаса бертылэ вал* (Г. Крас. Ок., 37). ‘Вот так, продавая **еженедельно** около половины мешка картошки, [она] возвращалась домой’.

*Районной газетэ со сярысь **толэзьлы быдэ** сямен гожъяло, правление но сое бырийллям* (Г. Крас. Кмк., 9). ‘И в районную газету про него **ежемесячно** пишут, и в правление его выбрали’.

*Ми крахмал кисаль пöзьтыны **нунал быдэ** ведра ёрос картофка вуштылһмы* (П. Позд. Уск., 154). ‘**Ежедневно** мы пропускали через терку около ведра картошки, чтобы сварить кисель из крахмала’.

в) словосочетания с послелогом *сямен*: *һуч сямен* ‘по-русски’, *удмурт сямен* ‘по-удмуртски’, *кузё сямен* ‘по-хозяйски’, *асьме сямен* ‘по-нашему’, *ми сямен* ‘по-нашему’, *мукет сямен* ‘по-другому’, *калык сямен* ‘по-человечески’, *адями сямен* ‘по-человечески’, *батырьёс сямен* ‘по-богатырски’ и др.

*Кирла ёс кусып вамен паськыт вামыштыса пыриз, укно дорысь буш пуконэз адһыса, пырак отчы мынһз, нокинлэсь кепыр-мар вайытэк, **кузё сямен** лань-лань пуксиз* (Г. Крас. Кмк., 20). ‘Кирилл вошел, широко перешагнув порог двери, увидев свободный стул у окна, прямоком пошел туда, никого не стесняясь, сел удобно **по-хозяйски**’.

*Йырзэ мыкыръяса, «дьякую, дьякую» шуэ: **асьме сямен** «тау» шуэм, значит* (Г. Крас. Ок., 35). ‘Головой кивая, «дьякую, дьякую» говорит: по-нашему это значит «спасибо»’.

*Сокем шаерысь ми пöлы улыны лыктһд бере, **ми сямен** вераськыны дышетскы ни тон* (Г. Крас. Ок., 35). ‘Раз ты приехала к нам жить из такой далекой страны, ты научись уже говорить по-нашему’.

*Онтонэзлы гожтэм: вождэ эн вай лушкемен кошкемелы, **мукет сямен** мынам лэсьтэме ёз луы* (Г. Крас. Ок., 39). ‘Антону она написала: не сердись, что уехала тайком, по-другому сделать я не смогла’.

*Одћг пизэ солэн «**калык сямен**» кышноямез-паръямез потэ вал: лёк был тыр сиён-юонэд мед луоз, со лёк съёрын кудоез-туклячиез мед пукозы* (Р. Вал. Уп., 53). ‘Единственного сына хотела поженить **«по-человечески»**: чтобы стол ломился от угощений, за этим столом чтобы сидели сваты и сватьи’.

*Вот-вот, **адями сямен** улоно ни* (С. Самс. Мвс., 62). ‘Вот-вот, **по-человечески** уже нужно жить’.

*Асьме воинъёс **батыръёс сямен** жугиськизы* (Н. Вас. Кта., 87). ‘Наши воины дрались **по-богатырски**’.

*Ѕуч сямен гожъяны мон уг быгатћськы, нош **удмурт сямен** ке... кинлы со кулэ?* (Иг. Гавр. Вп., 701). ‘**По-русски** писать я не умею, а если **по-удмуртски**... кому это нужно?’.

Наречные выражения, состоящие из повторения форм одного и того же существительного, например: *нуналысь нуналэ* ‘изо дня в день’, *бќрсьысь бќрсьы* ‘друг за другом’, *минутысь минутэ* ‘ежеминутно’, *вылысьтыз вылаз* ‘друг за другом’, *дырыз дыръя* ‘вовремя’, *арысь аре* ‘из года в год’ и др.

*Артельлэн коньдонэз-кужмыз **нуналысь нуналэ** будыса кошке* (М. Кон. Л., 130). ‘Мощь артеля прибывает **изо дня в день**’.

*Ез кенер насетћ **бќрсьысь бќрсьы** гыжтћськыса потћзы разведчикъёс* (М. Петр. Вк., 154). ‘Разведчики, волочась **друг за другом** по земле, пролезли через дыру в колючей проволоке’.

*Со **минутысь минутэ** возмаса улћз: тани ъезы борды йыгаськозы* (Иг. Гавр. Вп., 412). ‘Он ждал каждую минуту (**букв. из минуты в минуту**): вот-вот постучат в ворота’.

*Снарядъёслэн но минаослэн **вылысьтыз вылаз** пуштылэмзы дугдылытэк огъя дыбыртћсь гудырилы пќрмиз* (С. Ших. Огыб., 271). ‘Бесперебойный гул

взрывов снарядов и мин **друг за другом** превратилось в один грохочущий звук грома’.

Отын пыран-потан кс тупатэмын вылэм, пиос сое дырыз дыръя синйылтћллямтэ (Удмурт литература, 136). ‘Там дверь сделана была, оказывается, мальчики ее **вовремя** не подметили’.

Будэмяз со арысь аре паймымон чебераз (Удмурт литература, 75). ‘Взрослея, она из **года в год** становилась удивительно красивой’.

2.1.3. Морфолого-синтаксический способ образования наречий

2.1.3.1. Адвербиализация

Адвербиализация (от лат. *adverbium* – наречие) – переход в наречие словоформ, принадлежащих к другим частям речи. Сущность процесса адвербиализации состоит в том, что некоторые формы существительных выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая ее грамматические признаки, и приобретают грамматическое значение наречия. Обычно адвербиализации подвергаются формы местных падежей.

При переходе в класс наречий формы утрачивают и синтаксические свойства бывшей части речи – способность сочетаться с прилагательным или управлять другими словами [Русский язык 1997: 15].

В пермском языкознании проблеме функциональной транспозиции наречий посвящены работы коми лингвистов Г. В. Федюновой [1995а: 401–404; 1995б: 99–122; 1996: 30–35] и Г. А. Некрасовой [1997: 3–36], некоторые сведения содержатся в монографии А. П. Юдакина [1997], который ведет исследование с позиций сравнительно-исторического языкознания и диахронической типологии.

В удмуртском языке адвербиализация является одним из продуктивных способов пополнения состава наречий.

Путь изоляции и лексикализации грамматических форм других частей речи является продуктивным для качественных наречий. Большинство

наречий, образованных этим путем, составляют изолированные падежные формы имен.

В удмуртском языке адвербиализируются некоторые объектные и все без исключения внутри- и внешнеместные падежные формы, зачастую образуя своеобразные парадигмы наречий в форме всех местных падежей.

2.1.3.1.1. Инструменталь

Творительный падеж – распространенная форма для адвербиализации, например: *пыдын* ‘пешком’ < *пыд* ‘нога’, *кыын* ‘руками; вручную’, *мышкин* ‘спиной; задом’ < *мыш*, *мышк-* ‘зад, обратная (тыльная) сторона; тыл; спина’, *уйин* ‘ночью’ < *уй* ‘ночь’, *урдсһн* ‘боком’ < *урд*, *урдэс* ‘бок, боковая сторона’, *чукин* ‘боком’, *йырчукин* ‘вниз головой’, *кымин* ‘лицом вниз’, *чурин* ‘полосой’, *мыддорин* ‘наоборот’, *йырин-петрин* ‘кубарем’, *вожмин* ‘поочередно’ и др.

Песянае, нылетһ классэ ветлһсь пизэ (мынэсьтым Иван атайме) кутыса, пызен но картофкаен тырмытэм пичи уробое кыткиськем но пыдын вამыштэм Иже (Уд, № 138–139, 2008). ‘Моя бабушка, забрав своего сына (моего отца Ивана), ходившего в четвертый класс, запряглась в маленькую тележку, наполненную мукой и картошкой, и **пешком** отправилась в Ижевск’.

Ах, тон, нош кз сётэ? – Мишалы мышкин берытскиз Катя (С.Самс.В, 154). ‘Ах, ты, опять не дали? – Катя повернулась **спиной** к Мише’.

Кескич тушмон, пеймыт уйин кар борддорез лушкемак юрсирен зырам но кууж люкъясты борддор борды тырыса тыл понэм – гомһиз ук вашкала кар борддор! (Уд, № 109, 2008). ‘Хитер враг, темной ночью тайком обмазал смолой городскую стену и, прилепив паклю к стене, поджег – как вспыхнула старая городская стена!’.

Бкрысь, урдсһн шуак тэтчыкуз канжаськиз но усиз (Уль. Бадр. Млц., 54). ‘Потом, когда он неожиданно прыгнул в сторону (**в бок**), запнулся и упал’.

Ваньмыз ик йырчукин кымаське, ваньмыз ик ки улысь вольтче (Удмурт литература, 181). ‘Все переворачивается **вверх дном**, все валится из рук’.

Соин ик угось колхозэз мыддорин берыктоно, Васяз мекалтоно шуыса мон кемалась верасько ини, – Чипы Осьып Пудлэсь верамзэ лыныё кариз (Г. Мед. Яр., 86). ‘Поэтому и нужно колхоз в другую сторону (букв. **наоборот**) повернуть, а что Васю нужно убить, я уже давно говорю, – Чипы Осьып прервал речь Пуда’.

Пиосмуртлэн кадь проворесь чиньыосыз вожмин выро: амалыз ке луысал, али ик кырмиськысал та адымилэн гульымаз. (Н. Бел. П., 277). ‘Проворные словно у мужчины пальцы **поочередно** шевелятся: была бы возможность, сейчас же вцепился в шею этому человеку’.

Со нырысь сюрес шорын ик кымин усъыса кылле вал (С. Ших. Огыб., 275). ‘Он вначале лежал посреди дороги, упав лицом вниз’.

Геры, бороздаысь потыса, чукин усемын (М. Петр. Вп., 144). ‘Плуг, соскочив с борозды, лежит **на боку**’.

2.1.3.1.2. Датив

Формы дательного падежа наблюдаются в следующих наречиях: *кемалы* ‘надолго’, *часталы* ‘ненадолго’, *воксёлы* ‘навсегда’, *данаклы* ‘намного’, *берлолы* ‘на потом; напоследок’, *уйбытлы* ‘на всю ночь’, *огдырлы* ‘на время, временно’, *трослы* ‘намного’, *гужемлы* ‘на все лето’, *кемалы* ‘надолго’, *пыраклы* ‘навсегда’, *котькулы* ‘навсегда’, *огдырлы* ‘на время’.

Уж кемалы дугдоз (М. Кон. Куёв., 21). ‘Работа **надолго** задержится’.

Адымилэсь тушмонъяськемзэ тодэмед потэ ке, соин иош учкелэ шайтан пиялае. Со тӱледлы урод лэсьтыны медэ ке, кылдэм вужераз часталы урод тус пычалоз (УД, № 022–023, 2008). ‘Если хочется узнать о недоброжелательности человека, посмотрите вместе с ним в чертово зеркало. Если он тебе желает плохого, на возникшем отражении **на некоторое время** появится плохой образ’.

Шудэзлы оскемысь дугдэм кышномурт али воксё бурдъяськемын, сямыз но трослы лякытгес луэм, шуо сое адһылэмъёс (УД, № 021, 2008). ‘Женщина, переставшая верить в свое счастье, сейчас вообще воодушевилась, и характер стал **намного** лучше, говорят те, кто ее видел’.

Тон огдырлы, ламдэлы татчы вуэмын (Удмурт литература, 65). ‘Ты сюда **на время, ненадолго** прибыл’.

Огвакытлы пась пытсаськиз, воргорон гуэ лэзькиз (Удмурт литература, 136). ‘**На некоторое время** яма закрылась, мужчина опустил в яму’.

Ай квкл, мылкыды но мынам та рад дась – гужемлы бертһсько мон дорам! (Вуюись, 16). ‘Ах нет, и настроение у меня на этот раз хорошее – **на лето** возвращаюсь домой!’.

2.1.3.1.3. Инессив

Значение местного падежа хорошо сохраняется в производных наречиях, подавляющая часть их – наречия места. Они образованы от основ существительных и местоимений: *азьын* ‘вперед’, *пушкын* ‘внутри’, *улын* ‘внизу’, *вылын* ‘наверху, вверху’, *палэнын* ‘в стороне, поодаль’, *паллянын* ‘на левой стороне’, *шорын* ‘в середине’, *матын* ‘близко, вблизи’, *татын* ‘здесь’, *отын* ‘там’, *кыдёкын* ‘далеко’, *пыдлон* ‘глубоко’, *вылһын* ‘наверху’, *олокытын* ‘где-то’, *котырын* ‘кругом’, *нокытын* ‘нигде’, *котькытын* ‘езде’, *огазын* ‘вместе’, *уланньын* ‘внизу’, *вылланьын* ‘вверху’, *берланьын* ‘сзади’, *азьланьын* ‘вперед’, *уллапалан* ‘внизу’, *выллапалан* ‘вверху’, *берлапалан* ‘взади’, *азьлапалан* ‘вперед’, *педпалан* ‘снаружи’, *кудпалан* ‘в какой стороне’, *нокудпалан* ‘ни в какой стороне’, *берпалан* ‘взади’, *бурпалан* ‘на правой стороне’, *азьпалан* ‘вперед’.

Азьын – сикын будһсь лулпу-бадьпуос (Г. Мед. Яр., 92–93). ‘**Вперед** – в лесу растущие ольхи и ивы’.

Укноетһ занавеска пыр чильпырась югыт азьын адске: отын шал-шал номыриз квкл (С. Самс. В., 165). ‘Через просвечивающую занавеску на окне на свету видно: **там** пусто’.

Бертэмез бере, сое, палэнын сокема улһз шуыса, лэся быдэс гуртэтһ, коркась корка пыртаса нуллһзы. (П. Черн. Мёзм., 133). ‘После того, как он вернулся, его, из-за того что так долго жил **на стороне**, видимо, водили из дома в дом’.

Тырмоз ини тһледлы татын молитвадэс лыдһыса сылыны! – Вотяков Иван, пыцал прикладэныз шуккыса, соосты берыктһз (Ив. Дяд. Бк., 62). ‘Довольно уже вам **здесь** стоять, читая молитвы! – Иван Вотяков, ударив прикладом ружья, повернул их’.

Кытын ке матын гинэ аядми куараос кылһськызы, собере, уй чалмытэз гудырак сзэъялтыса, нош ик кужмо мотор улһыз. (Г. Пер. Нз., 118). ‘Только где-то **рядом** слышались голоса людей, потом, нарушив тишину, снова громко завелся мотор’.

Кыдёкын ке но, матын кадь кылһське юрттэм пурысь куреглэн-кикылэн ложмыт силемез: «ку-ку! ку-ку!» (В. Шир. Лс., 350). ‘Хоть и **далеко**, словно **близко** слышится грустное кукование бездомной серой кукушки: «ку-ку! ку-ку!»’.

Соин ик чакламын вал кытын ке пыдлон вэль завод лэсьтыны (Уд, № 025, 2008). ‘Поэтому и решено было построить где-то в глубинке (букв. **внутри**) новый завод’.

Вылһын лыт пал инбамын чебер вореkjяса уло кык яркыт лyaсь кизилиос (Ев. Самс. Арк., 293). ‘**Наверху**, на западной стороне неба, красиво сверкают две ярко горящие звезды’.

2.1.3.1.4. Элатив

Форма исходного падежа активно используется для образования наречий с местным значением: *улысь* ‘снизу’, *вылысь* ‘сверху’, *урдсысь* ‘сбоку’, *артысь* ‘рядом’, *татысь* ‘отсюда’, *отысь* ‘оттуда’, *выльысь* ‘заново; снова’, *пушкысь* ‘изнутри’, *мышкысь* ‘сзади’, *огкылысь* ‘дружно; сообща’, *сюлмысь* ‘сердечно, старательно’, *кужмысь* ‘насильно’, *пыдлось* ‘изнутри’, *огпумысь* ‘сразу, разом, заодно’, *улһысь* ‘снизу’, *вылһысь* ‘сверху’, *отһысь* ‘оттуда’,

кытһысь ‘откуда’, котькытһысь ‘хоть откуда’, кыдёкысь ‘издалека’, олокытысь ‘откуда-то’, нокытысь ‘ниоткуда’, ненокытысь ‘ниоткуда’, котькытысь ‘хоть откуда’, выльысь ‘снова’, улланьысь ‘снизу’, вылланьысь ‘сверху’, азыланьысь ‘спереди’, палэнысь ‘со стороны’, уллалалась ‘снизу’, выллалалась ‘сверху’, берлалалась ‘сзади’, азылалалась ‘спереди’, педлалась ‘снаружи’, кудлалась ‘с какой стороны’, нокудлалась ‘ни с какой стороны’, берлалась ‘сзади’, бурлалась ‘справа’, азылалась ‘спереди’.

Кошкы **татысь**, дун но, нянь но ужамедлы уг сёты!.. – Герей, мыжыксэ кырмыса, Педор доры лыктэ (М. Кон. Л., 123). ‘Уйди прочь (букв. **отсюда**), ни денег, ни хлеба за свою работу не получишь!.. – сжав кулаки, Герей идет к Федору’.

Мур ошмес дорысь пичи возь арысь аре тырттэм кыллиз, ноку но йкназ турын км лутылэ **отысь** (М. Петр. Ш., 173). ‘Маленький луг у глубокого родника из года в год оставался пустым, никогда много сена не собирали **оттуда**’.

Соослэн **сюлмысь** тыршеменызы, 2 сюрслэсь ятыр адями улэн кылемын, 620 миллион манет тыр ваньбур утемын (Уд, № 026–027, 2008). ‘Благодаря их **прилежным** стараниям, более двух тысяч человек осталось в живых, спасено имущества на сумму 620 миллионов рублей’.

Сокем ик кз витъы кадь солэсь кылзэ Лавров, **выльысь** ачиз кутскиз (С. Самс. В., 143). ‘Больно-то и не ждал его слов Лавров, **снова** сам начал [говорить]’.

Сюлмысьтыз мае ке **кужмысь** ишкалтэм кадь келяз, мышсэ кема учкыса сылһз укноетһ (С. Самс. В., 127). ‘Провожала [она], словно что-то **насильно** из своего сердца вырвала, долго вслед смотрела в окно’.

Микол **пыдлось** шокчыса лулһиз, пересь синъёсысьтыз синкылиез бычыраз (М. Кон. Л., 122). ‘Николай тяжело (букв. **изнутри**) вздохнул, из его старых глаз покатались слезы’.

Нырысь ог-огзы шоры пумтэм шумпотһсь синъёсын учкозы-а яке **огпумысь** ныгырскозы но озьы пал кыл вератэк сылозы, собере гинэ капчи

шокчозы, мынектозы но, кизэс кутыса, сюлэм тыр люкаськем веранъёссэс мадьыны ульчае потозы... (М. Вор. Тв., 189). ‘Поначалу взглянут друг на друга бесконечно радостными глазами или **сразу** обнимутся и так стоят, не говоря ни слова, только потом легко вздохнут, улыбнутся и, взявшись за руки, выйдут на улицу рассказать, что накипело на сердце...’.

Примечателен тот факт, в коми языке с помощью элативного суффикса от числительных образованы наречия типа *кыкысь* ‘два раза’, *вительсь* ‘пять раз’, *дасысь* ‘десять раз’ и т. д. (Подр. см. [Fuchs 1913: 6–22]).

2.1.3.1.5. Иллатив

Форма вступительного (входного) падежа используется для образования наречий с местным и временным значением: *вылэ* ‘наверх’, *улэ* ‘вниз’, *валче* ‘вместе’, *кыдёке* ‘далеко’, *палэнэ* ‘в сторону’, *пыдло* ‘вглубь; глубоко’, *артэ* ‘рядом’, *татчы* ‘сюда’, *отчы* ‘туда’, *олокытчы* ‘куда-то’, *нокытчы* ‘никуда’, *ненокытчы* ‘никуда’, *котькытчы* ‘хоть куда’, *улће* ‘вниз’, *вылће* ‘вверх’, *отће* ‘туда’, *уллапала* ‘вниз’, *выллапала* ‘вверх’, *берлапала* ‘назад’, *азьлапала* ‘вперед’, *педпала* ‘наружу’, *кудпала* ‘в какую сторону’, *нокудпала* ‘ни в какую сторону’, *берпала* ‘назад’, *бурпала* ‘направо’, *азьпала* ‘вперед’.

Вылэ учке, *чагыр инлэсь пыдэссэ адньо кожа, лэся* (М. Петр. Вп., 145). ‘**Вверх** смотрит, думает, что увидит бездну голубого неба’.

Мар ке сюлэмшуген, ыызэ пыдло пушказ кыскыса, ныртћз бугыр поттэ (М. Петр. Вп., 149). ‘Из-за какого-то беспокойства, втянув глубоко **внутрь**, табачный дым, [он] выпускает клубами через нос’.

Разведчикъёс вырйыл ськрысь пичи шур дуре вуизы ни, немец нош ялан блиндаж вадъсын сылэ на: палэнэ *вамыштыны уг дћсьты со, сюлмыз маке шкдэ кадъ; мыштћз лыктыса, гульымтћз кырмозы яке бышкалтозы кадъ потэ солы* (М. Петр. Вк., 155). ‘Разведчики уже добрались до маленькой речки за холмом, а немец все еще стоит рядом с блиндажом: он не решается отойти **в сторону**, ему кажется, будто подойдут сзади, схватят за горло или воткнут нож’.

Деми шкдонтэм понна, солы, кыдёке котыр лэсьтыса, бадным сюрестћ кошконо луиз (Удмурт литература, 119). ‘Чтобы не встречаться с Димой, ей пришлось уйти по большой дороге окольными путями (букв. **далеко** сделав круг)’.

*Лариса эшез доры пырыса гинэ вуттћз но, солэн аяз, чиясь ботинкаоссэ **валче** шарк шуккыса, военной адями «на смирно» султћз* (Удмурт литература, 76). ‘Только успела Лариса войти к подружке, перед ней, ударив сверкающими ботинками [**вместе**], «на смирно» встал военный человек’.

*Лэзиське **улће**, мон ськры уиське, шобыртыны турттэ мугорме* (Вуюись, 14). ‘Спускается **вниз**, гонится за мной, хочет накрыть мое тело’.

2.1.3.1.6. Аппроксиматив

Форма направительного падежа используется для образования наречий со значением направления: *азьлань* ‘вперед’, *берлань* ‘назад’, *выллань* ‘вверх, наверх’, *улань* ‘вниз’, *талань* ‘в этом направлении, в эту сторону’, *солань* ‘в том направлении, в ту сторону’, *мыдлань* ‘наоборот’, *ськрлань* ‘в обратную сторону, назад’, *йыруллань* ‘вниз головой’, *олань-талань* ‘туда-сюда’, *солань-талань* ‘туда-сюда’, *кудлань* ‘в какую сторону’, *нокудлань* ‘ни в какую сторону’, *котькудлань* ‘в любую сторону’, *йыруллань* ‘вниз головой’, *олань* ‘в ту сторону’, *солань* ‘в ту сторону’, *азьлань-берлань* ‘взад-вперед’, *бурлань* ‘направо’, *мукетлань* ‘в другую сторону’.

*Ма соослэн син шоразы учкыса улод, зћбломытоно но тћни, – Вотяков Иван гын шляпазэ ик **ськрлань** донгыса вера* (Ив. Дяд. Бк., 61). ‘Что им в глаза будешь смотреть, усмирить и все’ – отодвинув **назад** свою войлочную шляпу, говорит Иван Вотяков.

*Адњи, кызьы пумитаз тонэ Саноед, **берлань** тэтчыны кй ке вуысал, тонэ ки йылам пыртоно луысал ни* (М. Вор. Тв., 204). ‘Я видел, как встретил тебя твой Саша, если бы не успела отпрыгнуть **назад**, на руках бы тебя пришлось заносить’.

*Всеволодыч шкдтэк шорысь дугдһз но, Сеняз сак луыны косыса, кизэ **вылланы** лутһз* (Иг. Гавр. Й., 221). ‘Всеволодыч неожиданно остановился и, приказав Сене быть внимательным, поднял руку **вверх**’.

*Ог лыны километр ортчыса, вырйыл ськрысь цын адһиськыны кутскиз. Инбамез возьям пилемъёс сое музъем вылэ **улланы** зһбо* (С. Ших. М., 255). ‘Пройдя около половины километра, из-за возвышенности стал виднеться дым. Заслонившее небо тучи давят его **вниз** к земле’.

*Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – шуыса, могась Ондреез **азьланы** чортыса нуизы* (Ал. Мир. Гд., 55). ‘Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – сказав, повели **вперед** задерживающегося Андрея’.

*Мон, оло, йыромисько, Эдгар Яковлевич, **мыдланы** верасько?* (В. Смир. В., 342). ‘Я, может быть, заблуждаюсь, Эдгар Яковлевич, неверно (*букв. наоборот*) говорю?’.

*Пыд улаз музъем, ву вылын пыж сямен, **соланы-таланы** выре, нош лопаткаен сюез сэрпалтэ ке, пельдһняз кин ке мыжге кадь* (Иг. Гавр. Й., 223). ‘Земля под ногами, словно лодка на воде, из стороны в сторону (*букв. туда-сюда*) качается, а когда [он] землю лопатой отбрасывает, как-будто кто-то по виску ударяет’.

*Нуналлы быдэ куать иськемез **мыдланы-азьланы** лёганы капчи-а?* (Иг. Гавр. Й., 227). ‘Каждый день шесть километров **туда-обратно** топтать легко ли?’.

2.1.3.1.7. Эгрессив

Наречия сохраняют основное значение падежной формы – значение отдалительности: *улысен* ‘снизу’, *вылысен* ‘сверху’, *шорысен* ‘с середины’, *татысен* ‘отсюда, с этого места’, *отысен* ‘оттуда, с того места’, *ськрысен* ‘из-за’, *пушкысен* ‘из, изнутри’, *мышкысен* ‘сзади, с тыла’, *палэнысен* ‘со стороны, извне’, *матысен* ‘с близкого расстояния’, *кыдёкысен* ‘издалека’, *педлапаласен* ‘снаружи’, *уллапаласен* ‘снизу’, *выллапаласен* ‘сверху’,

берлапаласен ‘сзади’, *азьлапаласен* ‘спереди’, *педпаласен* ‘снаружи’, *кудпаласен* ‘с какой стороны’, *нокудпаласен* ‘ни с какой стороны’, *берпаласен* ‘сзади’, *бурпаласен* ‘справа’, *азьпаласен* ‘спереди’, *педлосен* ‘со двора’, *улһысен* ‘снизу’, *вылһысен* ‘сверху’, *отһысен* ‘оттуда’, *кытһысен* ‘откуда’, *котькытһысен* ‘хоть откуда’, *урдэскысен* ‘сбоку’, *кытысен* ‘откуда’, *олокытысен* ‘откуда-то’, *нокытысен* ‘ниоткуда’, *ненокытысен* ‘ниоткуда’, *котькытысен* ‘хоть откуда’, *уланһысен* ‘снизу’, *выланһысен* ‘сверху’.

Вылысен *гинэ учкиськод таре: нош туннэ кудзэ бырьёно паре?* (Вуюись, 9). ‘Теперь только **свысока** смотришь: а сегодня которую выбрать себе в пару?’.

Вуко съкрысь гурт татысен быдэсак адһыське, сопал пумысьтыз коркаос гинэ нёжалэ ышо (М. Петр. Вк., 159). ‘Расположенная за мельницей деревня отсюда **полностью** видна, лишь дома, стоящие на том конце, скрываются в низине’.

Пырем муртлэсь ваземзэ возматэк, со кыдёкысен кизэ мыче ини (Т. Арх. Опп., 185). ‘Не ожидая приветствия вошедшего человека, он уже **издалека** протягивает руку’.

Солы кеськем интые, син куспетһ уробо улаз сач! выдһз: палэнысен уго шуг валаны, кутскоз но со кызэд татчы но усёз (М. Вор. Тв., 207). ‘Вместо того, чтобы крикнуть ей, он стремительно лег под телегу: **со стороны** же непонятно, возьмет да и свалится сюда эта ель’.

Умой вылымтэ духовой музыкаез матысен кылзыны: трубаослэн кужмо куаразы, барабанлэн дыбыртэмез, туй табаослэн резак жингырамзы пелез ик вандо (Иг. Гавр. Вп., 50). ‘Неприятно, оказывается, духовую музыку **на близком расстоянии** слушать: громкий звук труб, стук барабанов, резкий звон латунных тарелок режет уши’.

Озвы ик луиз: вылһысен җайшызы – райисполкомлэн председателез пыр Егоровлэн начальникезлы, нош таиз – факт! – аслыз Пашалы йкттһз (С. Самс. В., 168). ‘Так и случилось: **сверху** передали – через председателя райисполкома начальнику Егорова, а этот – факт! – наказал самого Егорова’.

Рига вокзал дорысь базаре дунъёсыз учкыны мынӱзы вал – отысен удмурт кенакъёсыз концерт сётыны куризы (Уд, № 021, 2008). ‘Пошли посмотреть цены на рынке у Рижского вокзала – там (букв. оттуда) удмуртских старушек попросили дать концерт’.

2.1.3.1.8. Пролатив

Как и наречия, образованные из форм других местных падежей, пролативные наречия имеют местное значение с сохранением основного падежного значения – переходности: *вылэтӱ* ‘поверху, высоко’, *улэтӱ* ‘понизу, низко’, *татӱ* ‘здесь, по этому месту’, *отӱ* ‘там, по тому месту’, *налэнэтӱ* ‘стороной’, *матэтӱ* ‘близко, на близком расстоянии’, *пушкытӱ* ‘по внутренней стороне’, *урдсэтӱ* ‘стороной’, *улӱ* ‘низко’, *вылӱ* ‘высоко’, *улӱетӱ* ‘понизу’, *вылӱетӱ* ‘поверху’, *кыдӱкетӱ* ‘далеко’, *уллапетӱ* ‘понизу’, *педлапалтӱ* ‘снаружи’, *уллапалтӱ* ‘понизу’, *выллапалтӱ* ‘поверху’, *педпалтӱ* ‘снаружи’, *кудпалтӱ* ‘с какой стороны’, *бурпалтӱ* ‘с правой стороны’, *азьпалтӱ* ‘спереди’, *ултӱ* ‘понизу’, *вылтӱ* ‘поверху’, *кытӱ* ‘где’, *олокытӱ* ‘где-то’, *нокытӱ* ‘нигде’, *ненокытӱ* ‘нигде’, *котькытӱ* ‘везде’.

Мон но тонэн юш цужмуртъёсыд доры мынысал, пие, нош ма карод, етӱн сэстонмес быдтоно, отӱ соослы салам вера ни, празднике одно ик асьсэос мед лыктозы (М. Вор. Тв., 195) ‘И я бы с тобой к твоим родственникам поехала, сынок, но что поделаешь, надо закончить трепать лен, там им привет передавай, пусть обязательно приедут на праздник’.

Вылэтӱ лоба, иське? (М. Лям. Б., 183). ‘**Высоко** летает, значит?’.

Со олокытӱ-мартӱ бакчае потӱз, шур уллане бызьыса кошкиз: татӱ Санолэн коркаез доры сюрес матын (М. Вор. Тв., 203). ‘Она неизвестно как и когда вышла в огород, быстро спустилась вниз по реке: там (букв. здесь) дорога к дому Саши короче’.

Самолётъёс берпумзэ выж доры лэзиськыку, со тыбыр вылаз берытскиз но улӱетӱ ортчись самолёт шоры винтовкаеныз мертаськыны кутскиз (С. Ших. Огыб., 275). ‘Во время последнего снижения самолетов к мосту он

повернулся на спину и стал целиться винтовкой в низколетащий (букв. **понизу**) самолет’.

*Лулһиськод но кошкод **палэнтһ**, мылкыддэ ворсалод тунгонэн...* (Н. Байт. Ккул, 311). ‘Вздохнешь и пройдешь **стороной**, свою душу запрешь на замок...’.

***Педломтһ** кин ке ортчиз, кс куара һукуртһз, коргидын валъёс дыбыртһзы но уцыпи но зор шапыкъёс озьы ик капчиен гинэ ас гурзэс цукнаез пумитаса пазьгылһзы* (Ев. Самс. Арк., 287). ‘**По улице** кто-то прошел, скрипнула дверь, в конюшне лошади [копытами] постучали, соловей и капли дождя также разносили свои звуки, встречая утро’.

***Матэнтһ** гинэ кыце ке бадһым тылобурдо шитыртыса лобһиз* (В. Шир. Мк., 345). ‘Близко (букв. поблизости), шумя крыльями, пролетела какая-то большая птица’.

*Котыръя, кытһ ке **кыдёкетһ** нуллэ но отчы ик вуттэ* (В. Смир. В., 333). ‘Кружит, где-то **далеко** водит, а потом на то же место доставляет’.

2.1.3.1.9. Терминатив

Предельные наречия обозначают пространственный или временной предел действия: *вылһозь* ‘доверху’, *улһозь* ‘донизу’, *татчыозь* ‘до этого места; до сих пор’, *отчыозь* ‘до того места; до тех пор’, *туннэозь* ‘до сегодняшнего дня’, *цукazeозь* ‘до завтрашнего дня’, *улһёзь* ‘донизу’, *уланёзь* ‘до низовья’, *вылланёзь* ‘доверху’, *отһозь* ‘до того места’, *кытһозь* ‘до куда’, *котькытһозь* ‘хоть докуда’, *кыдёкозь* ‘вдаль’, *педлапалозь* ‘до наружной стороны’, *уллапалозь* ‘до нижней стороны’, *выллапалозь* ‘до верхней стороны’, *педпалозь* ‘до наружной стороны’, *бурпалозь* ‘до правой стороны’, *кытчыозь* ‘до какого места’, *котькытчыозь* ‘хоть до какого места’.

*Но отысь эпической образъёс: беспризорник Деми, лек сямо Олёшка, серемес Омель — ваньзы соос лыдһисьёсты **туннэозь** ас бордазы паймымон кужымен кыско, малпаськыто* (Удмурт литература, 89). ‘А оттуда эпические

образы: беспризорник Деми, Алешка со злым характером, смешной Омель – все они до сих пор (букв. **до сегодняшнего дня**) притягивают к себе читателей необъяснимой силой, заставляют задумываться’.

*Мон **татчыозь** уг тодӱськы на вылэм Шекспирез... Шекспирез тодытэк, кыце писатель луод!* (Удмурт литература, 90). ‘Я **до сих пор** не знал, оказывается, Шекспира... Не зная Шекспира, какой из тебя писатель!’.

*Дугдэ, эн дыртэ, Парамон Степанович, **отчыозь** вуомы на* (С.Самс.В., 192). ‘Постойте, не торопитесь, Парамон Степанович, туда (букв. **дотуда**) еще дойдем’.

2.1.3.1.10. Адвербиализация деепричастий

Наряду с адвербиализацией падежных форм, в класс наречий переходят и деепричастия.

О переходе и употреблении деепричастий в роли наречий в удмуртском языке первым указал П. Н. Перевощиков в книге «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» [Перевощиков 1959: 36–38], данная точка зрения была поддержана В. М. Вахрушевым в «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 308].

Являясь сложной грамматической категорией, деепричастия⁷ имеют наряду с глагольными признаками, отражающими коренные свойства деепричастий всех разрядов, и такие признаки, которые сближают их с наречиями [Исанбаев 1961: 250]. Деепричастия могут выступать, как и наречия, в качестве приглагольного определения. Обозначая действия, эти глагольные образования вместе с тем могут выражать, в зависимости от условий употребления, признаки других действий. Более того, они могут ослабляться в своем глагольном значении, т. е. в значении слова, выражающего действие, и, соответственно, усиливаться в наречном значении. Не случайно, в некоторых работах статус деепричастий отмечался

⁷ Статус деепричастий в пермских и марийских языках рассмотрели Е. А. Цыпанов и Л. А. Андреева (см. подр. Цыпанов Е. [А.], Андреева Л. [А.] О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // LU. – 2010. – № 2 (XLVI). С. 102–111).

как особый вид наречий [Бубрих 1949: 135; Суханова 1951: 25; СКЯ 1955: 243; КПА 1962: 281].

В качестве примеров П. Н. Перовщиков [1962: 36–37] приводит следующие примеры (*выделение наше*):

*Паськыт возьёс шортћ пичи шур **чутыръясъкыса** бызе.* ‘По середине широких лугов маленькая речка, извиваясь, течет’.

*Машинаос, тушмонлы бырон нуыса, **дугдылытэк** кыстћськызы шунды пуксён пала.* ‘Машины, неся смерть врагу, беспрерывно тянулись на запад’.

*Зорен небњем сюрес кузя Ондрей клуб пала **дыртытэк** вамышъя.* ‘По размякшей от дождя дороге неторопливо шагает Андрей в сторону клуба’.

Бертыку км љегатске, нокытчы но км пыралэ. ‘Возвращаясь, [мы] не задерживались, никуда не заходили’.

*Шелепёс кыдёке палдыло **кораськыку**.* ‘Щепки далеко отскакивают во время рубки (при занятии рубкой)’.

*Со **кынмытозь** сылћз капка азъын.* ‘Так долго стоял он перед воротами, что замерз’.

Пересьмытозь улћз Эркемей Педор ёрмыса. ‘До старости Федор Артемьевич жил в нужде’.

*Шахтёръёс вазен туж урод улћзы, **жуммытозь** ужаллязы машинаостэк.* ‘Шахтеры прежде жили очень плохо, работали до изнурения без машин’.

Синмасъкымон ужало Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев но мукетъёсыз. ‘Замечательно работают Галя Чулкова, Зоя Никитина, Петр Чураев и другие’.

*Кытын ке гур съкрын **акыльтымон** чикыртэ њоз.* ‘Где-то за печью надоедливо чирикает кузнечик’.

Примеры, выявленные нами из источников:

*Кужмо **бызьыса** но **шокпотыса** пыро урядник но стражник* (Удмурт литература, 168). ‘Задыхаясь на ходу, вбегают урядник и стражник’.

Пась дурысь гыж кыстһськыса, со пьд йылаз султытэк ик куриз: Со тһрез сёт мыным (Удмурт литература, 137). ‘Продвигаясь ползком от ямы (досл. от дыры), он, не вставая на ноги, попросил: Дай мне этот топор’.

Кыкна киосме ӧепам тырыса, дыртытэк гинэ лёгаськисько улычатһ, асме возматыса, олань-талань ветлһсько (Уд, № 020, 2008). ‘Засунув обе руки в карман, не торопясь, [я] прогуливаюсь по улице, хожу взад и вперед, себя показывая’.

Лумбыт ведь, час сямен, коть бы те што, дугдылытэк ужаз (Удмурт литература, 110). ‘Ведь целый день, как часы, хоть бы что, он без передышки работал’.

Мон тон вкзын жадьытэк, лулһылытэк, кужыме сузьытозь ужало, лһял порыло (Удмурт литература, 178). ‘Я рядом с тобой без усталости, без вздохов, до последних сил буду работать, пни буду корчевать’.

В приведенных предложениях наблюдаются деепричастия разных разрядов, разных форм. Но, как отмечает П. Н. Перевощиков, все они объединяются общей чертой – близостью к наречиям. Несмотря на то, что они имеют глагольную основу и деепричастные формы, воспринимаются почти как наречия, выражающие тот или иной признак действия: эти слова, как и наречия, показывают, как совершаются действия. Такому восприятию способствуют конкретные условия. Лексическое содержание каждого из слов определено значениями, которые заключены в переходных глаголах *чутырһьяськыны* ‘извиваться’, *дугдылыны* ‘останавливаться’, *дыртыны* ‘спешить’, *бертыны* ‘возвращаться’, *кораськыны* ‘заниматься рубкой’, *кынмыны* ‘мерзнуть’, *пересьмыны* ‘стареть’, *жуммыны* ‘изнуряться’, *синмаськыны* ‘увлечься’ и т. д. Благодаря этому, обсуждаемые глагольные образования выступают не как полновесные деепричастия, сохраняющие в себе одно из основных свойств глагола, свойство управления винительным падежом имен, а как слова, близкие к наречиям.

При этих глагольных образованиях отсутствуют зависимые слова, они определены одиночно. Это обстоятельство тоже определяет их не как

настоящие деепричастия, а как слова, находящиеся на грани перехода в наречия [Перевошиков 1959: 37].

Переход деепричастий в наречия происходит также и в других языках. В частности, данное обстоятельство в коми языке отмечает Г. В. Федюнева: “Разряд адвербиализованных деепричастий наиболее труден для идентификации, поскольку коми деепричастие “наречеобразно” по своей сущности. Его часто называют “отглагольным наречием”. Единственным критерием их разграничения служит контекст, утрата наречием глагольных свойств деепричастия (залоговую и видовую отнесенность, способность к глагольному управлению): *пырмунигмоз казътышитны* ‘вспомнить мимоходом’, *пкѣткѣдз сернитны* ‘досыта наговориться’, *дугдывткѣз висъны* ‘беспрестанно болеть’.

Адвербиализованные деепричастия иногда полностью утрачивают связь со своим разрядом, образуя специфический структурный разряд наречий. Их морфемная структура подвергается трансформации, опрощается” [Федюнева 1996: 33–34].

2.1.3.2. Конверсия

Наряду с наречиями, имеющими свои специфические формы, в удмуртском языке наблюдаются отдельные группы таких наречий, которые морфологически не отграничены от других частей речи. В данном случае речь идет о конверсии.

Конверсия – это морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором основа или словоформа слова одной части речи образуется от слова другой части речи без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является семантический сдвиг и грамматическая оформленность слова. Исходное слово и производное слово в процессе конверсии семантически взаимосвязаны друг с другом, хотя имеют различные категориальные значения [Дуйсенбина 2010: 5] Например, *шуныт* – имя существительное ‘тепло, теплота’ (*гурлэн шунытэз* ‘тепло

печки’); имя прилагательное ‘теплый’ (*шуным сћзыл* ‘теплая осень’); наречие ‘тепло’ (*шуным пумитаз* ‘тепло встретил’); *шулдыр* имя существительное ‘веселье, радость’ (*шулдырез кз вала* ‘веселья не понял’); имя прилагательное ‘веселый, радостный’ (*шулдыр кырһан* ‘веселая песня’); наречие ‘весело, радостно’ (*шулдыр пумитазы* ‘весело встретили’); *секут* – имя существительное ‘тяжесть’ (*секутэз кз шкды* ‘тяжести не почувствовал’); имя прилагательное ‘тяжелый’ (*секут уж* ‘тяжелая работа’); наречие ‘тяжело’ (*секут ортчиз* ‘тяжело прошло’); *кезыт* имя существительное ‘холод’ (*кезыт вуиз ни* ‘холод уже пришел’); имя прилагательное ‘холодный’ (*кезыт омыр* ‘холодный воздух’); наречие ‘холодно’ (*кезыт пумитаз* ‘холодно встретил’); *иукна* – имя существительное ‘утро’ (*иукнаез возьмай* ‘ждал утра’); имя прилагательное ‘утренний’ (*иукна шунды* ‘утреннее солнце’); наречие ‘утром’ (*иукна школае мынһ* ‘утром [я] пошел в школу’). Приведенные примеры являются категориально недифференцированными словами, так как это разные части речи с разными лексическими значениями, хотя вещественные значения корней у них совпадают.

В удмуртском языке категориальная недифференцированность наблюдается среди следующих частей речи (лишь с участием наречия):

1. Категориальная недифференцированность между существительными, прилагательными и наречиями.

Ботинкаосын кутчам пыдъёсыз кынмо, ымнырзэ кезыт чепылля, мыдлань-азьлань ветлыса, чылкак жади́з (Иг. Гавр. Вп., 98). ‘Обутые в ботинки ноги мерзнут, лицо щиплет мороз, шагая туда-сюда, он очень устал’.

Диськут урод, кќт сюма, кезыт тќл быдэс мугорме сисъя (Иг. Гавр. Вп., 463). ‘Одежда плохая, ести хочется, холодный ветер продувает все [мое] тело насквозь’.

Сыце ини мынам шудэ-буре: кезьыт учко ке, сюлэмы кынме (Молот 1982, № 6, 24) ‘Таково уж мое счастье: если смотрят **холодно**, сердце стынет’.

В первом примере слово **кезьыт** является **существительным**, во втором – **прилагательным**, в третьем – **наречием**.

К этой группе можно отнести следующие слова: *пöсь* ‘жара; жаркий; жарко’; *шуныт* ‘теплота; теплый; тепло’; *югыт* ‘свет; светлый; светло’; *пеймыт* ‘темнота; темный; темно’; *секыт* ‘тяжесть; тяжелый; тяжело’; *кот* ‘сырость; сырой; сыро’; *куанер* ‘бедняк; бедный; бедно’; *кös* ‘сухость; сухой; сухо’ и др. Нужно отметить, что существительные, составляющие лексико-грамматическую недифференцированность с прилагательными и наречиями, называют главным образом абстрактные понятия, чаще качество, свойство.

Категориальную недифференцированность между тремя вышеназванными частями речи составляют и слова со значением времени: *гужем* ‘лето; летний; летом’; *тулыс* ‘весна; весенний; весной’; *сһзыл* ‘осень; осенний; осенью’; *цукна* ‘утро; утренний; утром’; *лыт* ‘вечер; вечерний; вечером’ и др.

Ма кызьы, пе, январь толэзь шорын пксь гужеме ву ай (Уд, 2008, № 22–23) ‘Как это, дескать, жаркое **лето** окажись в январе месяце’.

Кылем гужем каникульёс дыръя, гуртысь песьянаез дорын улыкуз, со но трос пол чорыгалляз (Н. Бел. П., 263). ‘В прошлые **летние** каникулы, когда он жил в деревне у бабушки, он тоже много раз рыбачил’.

Гужем нöд луэ, уробоед выёз (К. Митр. Сз., 19). ‘Летом грязно, телега [твоя] застрянет’.

Татын сю иськемъёсын кыстһсько луо бусыос. Араз 320 нунал зор-кот уг усьы, котырак лек венё будосъёс. Со понна тулыс выжыкылын кадь чебер – котыр музъемез шобырто яркыт буёло тюльпанъёс (Уд, 2008, № 26–27) ‘Здесь на сотни километров растянулась пустыня. 320 дней в году не выпадает осадков, кругом – кактусы. Поэтому для нее **весна** как в сказке красива – всю землю вокруг украшают разноцветные тюльпаны’.

*Љужыт пужымъёс, **тулыс** шунды шорын нуныяськыса, каньылля шонасько но, котыр бергаса сямен, бере кылё* (Иг. Гавр. Вп., 6). ‘Высокие сосны, нежась на **весеннем** солнце, тихонько покачиваются, словно кружась, остаются позади’.

*Малпамезъя нош ик ёз луы: 1919 аре **тулыс** Колчаклэн армиез берлань чигнаны кутскиз* (Иг. Гавр. Вп., 278). ‘Опять не получилось так, как он думал: в 1919 году, **весной**, армия Колчака начала отступать’.

*Пьесаос, кылсярысь, таеесь вал: И. Гавриловлэн – «Жингрес **сћзыл**» но «Ткдьы лымы», С. Самсоновлэн – «Луысал ке берыктыны» но мукетъёсыз* (Уд, 2008, № 22–23) ‘Пьесы, например, такие были: «Звонкая **осень**» и «Белый снег» И. Гаврилова, «Если бы было возможно вернуть» С. Самсонова и другие’.

*Пеймыт **сћзыл** уе юбоос йылын, ас котыраз гинэ пиштћсь тылъёс шорын, торк-торк вамышъясь Лизалэн тёдъы кышето йырыз тури-пари шонаське* (С. Самс. В., 235). ‘Темной **осенней** ночью на свету от столбовых фонарей мелькает белый платок быстро шагающей Лизы’.

*Иларий поп гинэ та шедьтэм визьзэ уг аналты, туэ **сћзыл** ик школа усьтыны дасяське* (К. Митр. Сз., 69). ‘Только поп Иларий от своей затеи не отказывается, нынешней же **осенью** собирается открыть школу’.

2. Категориальная недифференцированность между прилагательными и наречиями.

В удмуртском языке среди прилагательных и наречий встречаются такие слова, которые не имеют различительных грамматических форм. Эти слова и являются грамматически недифференцированными.

Умой юртын улэмед уг поты шат? (Г. Крас. Кмк., 12). ‘В **хорошем** доме разве не хочешь жить?’.

Кызьы учко та «шаплы удмурт егитъёс» шоры бигерьёс но ньучъёс? (Уд, 2008, № 28). ‘Как смотрят на эту «**шуструю** (букв. быструю) удмуртскую молодежь» татары и русские?’.

*Ма со пружинаё матрац ук, учкы али **умой**, – кыыныз матрацез зһбылэ* (М. Кон. Куёв., 11). 'Так это же матрац с пружинами, посмотри хорошо, – [своими] руками надавливает на матрац'.

*Куас сюрес вылын сылһсь судьяослы жингыртыса, кылдэм валамтэосты **шаплы** шараязы* (Уд, 2008, № 25). 'Позвонив судьям, стоящим на лыжне, возникшие вопросы **быстро** разрешили'.

Как видно из примеров, слова **умой** и **шаплы** являются в первом случае прилагательными, во втором – наречиями.

Лексико-грамматическую недифференцированность с наречиями составляют и некоторые прилагательные, образованные от существительных при помощи суффикса *-о*: *кужмо* 'сильный; сильно', *шудо* 'счастливый; счастливо', *дуно* 'дорогой; дорого', *сюлмо* 'сердечный; сердечно' и др.

*Тһни соку паллян палазы **кужмо** гуретэм кылһськиз* (Г. Пер. Нз., 116). 'Вот тогда с [их] левой стороны послышался **сильный** рокот'.

*Ми берын сылһсь куатетһ батарея чидантэм **кужмо** ыбылыны кутскиз* (М. Кон. Куёв., 90). 'Шестая батарея, стоящая за нами, начала стрелять невыносимо **сильно**'.

Прилагательные и наречия признака действия как выразители логических понятий имеют много сходного: они выражают признак. Прилагательные – признак предмета, а наречия – признак действия. Таким образом их морфологическое совпадение оправдано даже логически. Отличительных грамматических форм ни наречия, ни прилагательные не имеют. По-видимому, когда-то прилагательные и данный разряд наречий были одной частью речи и выражали признак вообще. В связи с развитием языка эти слова дифференцировались на прилагательные и наречия.

3. Категориальная недифференцированность между наречием, прилагательным и послелогом.

К этой группе функциональных омонимов следует отнести следующие слова: *азьло* 'раньше, прежде; прежний, предыдущий; до, перед', *азьвыл* 'раньше, прежде; прежний, предыдущий; до, перед', *берло* 'потом, после,

затем; последний, поздний’. Корни этих слов *азь-* и *бер-* восходят к прафинно-угорскому периоду, где они были именами. Из имен с течением времени образовались прилагательные, наречия, а затем и послелог (*подр. см.: [ОФУЯ 1974: 214-215]*).

Наречие:

Таос азьло ик тодмо вылэм ук (М. Кон. Куöv., 12). ‘Они же и **раньше** знакомы были уже’.

Огзэ гинэ валаз: солдат отпуске бертэмын, азьвыл со МТС-ын Сергеен шош ужам... (С. Самс. Мвс., 60). ‘Только одно он понял: солдат на побывку приехал, **раньше** он с Сергеем вместе работал в МТС-е’.

Со вакытэ ми дорын улћз армиысь агаелэн кышноез куинь пиналыныз (жаляса верано, агае фронтэ быриз, берло сирота кылем пинальёсты нылпи юртэ сётћзы) (УД, № 020, 2008). ‘В то время у нас жила жена служившего в армии старшего брата с тремя детьми (к сожалению, мой старший брат погиб на войне, **потом**, оставшихся сиротами детей, отдали в детский дом)’.

Прилагательное:

Тани пияшед шош ик азьло эшћёсыныз, тани со концертэз усътэ, эктћсезлы но, кырћасезлы но сцена вылэ сюрес сётэ (С. Самс. Мвс., 61). ‘Вот паренек снова с **прежними** друзьями, вот он концерт открывает, дает дорогу на сцену и танцорам, и певцам’.

Улон шудэз, кизилиез тёпак медаз кысы шуыса, азьвыл картэзлэн ыжы-выжыосызлы өчкарыса герћаськиз Пильыпеныз (К. Лом. Пк., 230). ‘Чтобы жизненное счастье, звезда совсем не погасли, сошлась с Пильыпом назло родственникам **бывшего** мужа’.

Пусйыны кулэ, Россилэн палэназ егитћёс гинэ уг потало, берло кык ар куспын 50 - 60 аресћем адямиос но мукет кунћёсы вуылыны кутскизы (УД, № 021, 2008). ‘Следует отметить, за пределы России выезжает не только молодежь, за **последние** два года и 50-60-летние граждане начали выезжать в другие государства’.

Послелог:

Быръёнъёс дорожь куинь нунал азьло калык пклын ивор вклмытћллям депутатэ бырйиськыны пумит луэме сярысь (Уд, № 031, 2008). ‘За три дня до выборов среди народа распространили слухи о том, что я против избрания в депутаты’.

Кык толэзь талэсь азьвыл гинэ УдГУ-ысь журфакаысь нырысетћ курсын дышетскисьёс мынэсьтым юазы: ас ужады кыце быдэсмонтэм малпанды вань? (Уд, № 024, 2008). ‘За два месяца до этого учащиеся первого курса журфака УдГУ спросили меня: какие поставленные в жизни цели Вами еще не достигнуты?’.

Солэсь берло тае адњи (Тш.). ‘После того я это увидел’.

4. Категорияльная недифференцированность между наречием и послелогом.

Наиболее распространенными словами данной группы являются лексемы, выражающие пространственные отношения. Такие слова застыли в форме местных падежей, этимологически также восходят к именам. В качестве послелогов данные слова стоят обычно после существительного и в предложении разбираются совместно, в качестве наречия они в предложении являются обстоятельством места.

Наречие:

Вылэтћ, туж вылэтћ – кизилиослэн вашкала сюресъёстћзы – лобе Ильмаринен, собере шуак уллань ваське Похъёлаысь азбар шоры, Сариолаысь мунчое нуись сюрес вкзы (Удмурт литература, 28). ‘Высоко, очень высоко – по старой дороге звезд – летит Ильмаринен, потом резко опускается вниз на середину двора Похъёлы, к краю дороги, ведущей из Сариолы в баню’.

Вылэ, пумтэм-йылтэм паськыт лызпыр инме учкыку, шудо-буро пилемъёсыд чын инъы кадъ чияло (Удмурт литература, 149). ‘Вверху, когда смотришь на бесконечно широкое синее небо, словно чистый жемчуг, блестят плывущие тучи’.

Ськрлось вуэмъёс кин маркеръёсын, кин горд помадаосын плакатъёс суредало – оло, озьы Путин синйылтоз? (Дорын дасямъёссэ охрана фойее кельтытӥз) (Уд, № 024, 2008). ‘Прибывшие со стороны кто маркером, кто красной помадой рисуют плакаты – может, так Путин заметит? ([Заранее] приготовленные дома [плакаты] охрана в фойе оставила)’.

Вылын со, туж вылын, пурись быж кельтыса лобемезъя гинэ адньиське (В. Смир. В., 339). ‘Высоко он, очень высоко, виднеется лишь по оставленному серому хвосту при полете’.

Послелог:

Нюлэскы но тон огнад уд мыны, бусые но уд поты, шур дуре, возь былэ но уд васькы (Удмурт литература, 77). ‘И в лес ты одна не пойдешь, и в поле не выйдешь, к реке, на луг не спустишься’.

Николай Васильев ныллэн атаез дорын синкылияськыса куриз: сёт нылдэ мыным кышнолы (Уд, № 024, 2008). ‘Николай Васильев со слезами на глазах просил у отца девушки: отдай мне свою дочь в жены’.

Дунне вылын адямиос кылдэмлэсь азьло улӥллям, пе, бадӥymesь зэрпальёс (куд-ог интыосын соосты алангасаръёс шуо) (Удмурт литература, 21). ‘На земле до рождения людей, говорят, жили большие зэрпалы (в некоторых местах их еще алангасарами называют)’.

5. Наречия и союзные слова.

В роли подчинительных союзов могут выступать местоименные наречия, так называемые союзные слова. В их состав входят наречия *кызьы* (*кызьы ке*) ‘как’, *кытын* ‘где’, *кытӥ* ‘где’, *кытысь*, *кытысен* ‘откуда’, *кытчы* ‘куда’, *кытчюзь* ‘докуда’, *кудлань* ‘куда, в какую сторону’.

Кызьы армие рядовой колхозникен кошкиз, озьы ик рядовой солдат ик ке бертысал? (Г. Крас. Кмк., 7) ‘Как ушел в армию рядовым колхозником, таким же рядовым солдатом если бы и вернулся?’.

Э, вераны вунэтӥсько вал: адямиос, конечно, юаллясько Онтонлэсь, кытын вал но, малы татчыозь ноқыце иворед ой вал? (Г. Крас. Ок., 34). ‘Э,

забыл было сказать: люди, конечно, спрашивают у Антона, где был, почему до сих пор не было никаких новостей’.

Ваньзэ вераз, дыр, соослы: кытћ чигнаммес но, кытчы юнматскыны дасяськеммес но (Н. Вас. Кта., 87). ‘Все рассказал, наверное, им: где будем отступать, и где хотим укрепиться.’

Таким образом, категориально недифференцированные слова могут выступать в значении разных частей речи без изменения своей основы. Определяющим моментом является синтаксическое положение слов. Недифференцированные слова выступают в роли наречий, когда они обозначают качество действия и сочетаются с глаголом (чаще всего) или отглагольным именем, в предложении выполняют функцию обстоятельства.

2.1.4. Заимствованные наречия

Удмуртский язык, входящий в пермскую ветвь финно-угорских языков, прежде всего подвергался воздействию языков соседних народов: возможности заимствовать иноязычную лексику преимущественно в условиях непосредственного контакта способствовало географическое положение Приуралья. Поэтому в словарном составе удмуртского языка исследователи находят целые пласты слов иноязычного происхождения: индоевропейские, индоиранские, древнетюркские, болгарские, татарские, русские [Тараканов 1981: 3]. Большинство слов, как показывают примеры, заимствовались из русского и тюркских языков.

Как отмечает И. В. Тараканов [1992: 71], в результате длительных взаимоотношений с русскими, в удмуртский язык, кроме отдельных слов, стали переходить целые русские словосочетания, фразеологизмы, синтаксические конструкции и предложения, постороненные по типу русского языка. Среди большинства заимствований из русского языка, встречаются и наречия, например:

Соиз неважно (М. Кельд. Б., 78). ‘Это **неважно**’.

*Начар ке но, тон ьожомид, соиз **важно**, – шуиз Гирыш* (М. Кельд. Б., 78).
'Хоть и бедный, ты огорчился, это **важно**, – сказал Гирыш'.

Здорово сһсьяськоды... (Г. Мед. Яр., 90). '**Здорово** грабите...'

Семьяен-семьяен сисько вал (Г. Мед. Вд., 112). '**Семьями** кушали'.

*Кудһз вераське, со, пе, **добровольно** кошкем сопал дуннее, – шуиз Карим* (С. Ших. М., 270). 'Некоторые говорят, он, дескать, **добровольно** ушел на тот свет, – сказал Карим'.

***Обязательно** гождяно* (Ев. Самс. Сан., 300). '**Обязательно** нужно написать'.

Начало удмуртско-тюркских языковых контактов относится к III–V вв. нашей эры, а с приходом булгар в Волго-Камье (VII в. н. э.) они оказались непрерывными. В результате исторически сложившихся политических, экономических и культурных связей с тюркоязычными народами удмуртский язык испытал сильное влияние со стороны своих соседей. Оно сказалось на всех уровнях структуры удмуртского языка: фонетике, морфологии и синтаксисе. Влиянию со стороны тюркских языков особенно заметно подвергалась лексика, являющаяся наиболее восприимчивой к иноязычным воздействиям [Тараканов 1981: 28]. В числе тюркизмов в удмуртском языке встречаются наречия: *али* 'сейчас', *каллен* 'тихо, медленно', *сак* 'внимательно', *копак* 'полностью, совсем, всё', *ятыр* 'много, излишек', *шара* 'вслух' и др.

*Азьло вераме кызьы гождэмын, **али** но озьы ик луоз – ша! – ваньзэ озьы валэктэм мактал, пыдлось шокчиз но пыдес вылаз гырпумъяськиз, мыкырскиз со* (С. Самс. В., 196). 'Как ранее было записано мною сказанное, **сейчас** так же будет – ша! – как будто все это он пытался объяснить, глубоко вздохнул и, облокотившись на колени, наклонился'.

*Жадем муртэ исаны умой квкл ке но, дһсьтонмы тырмыса, артисткалэн ксаз **каллен** гинэ йыгаським ик* (Уд, № 134–135, 2008). 'Хотя и плохо беспокоить уставшего человека, все же, набравшись смелости, [мы] **тихонько** постучали в дверь артистки'.

Сыл ай, мар со сыце? – пельёссэ сак пуктыса, бур пала учкиз командирзы (Г. Пер. Нз., 109). ‘Постой, что это такое? – наострив уши (букв. поставив **внимательно** уши), направо посмотрел командир’.

Хо, со мынам... тани кытын! – копак мугорыныз назылтӥськыса, кыремем мыжык шораз возьматӥз Кирла (Г. Крас. Кмк., 11). ‘Ха, она у меня... вот здесь! – потянувшись всем (букв. **целиком**) телом, Кирилл показал на свой сжатый кулак’.

Нош туалә егитъёс курытсэ ятыр юо (Уд, № 020, 2008). ‘А современная молодежь слишком **много** спиртного пьет’.

Куд-ог дырӥя ымдуръёсыз асьсэос лэр-лэр куалекъяны кутско но шара черектэ: «Укмыс сю манетэн вуаз...» (М. Кон. Куöv., 137). ‘Иногда его губы сами по себе начинают дрожать и [он] начинает кричать **вслух**: «Продал за девятьсот рублей...»’.

Городын но тэк улыны маза кӧкл (Иг. Гавр. Вп., 508). ‘Да и в городе без дела (букв. **так**) сидеть некогда’.

2.2. Некоторые морфологические признаки наречий в удмуртском языке

Неизменяемость является одним из основных морфологических признаков наречий. Принято считать, что слово становится наречием, когда оно выходит из системы словоизменения, теряет всякий вид словоизменительных форм. Но следует отметить, что этот критерий для ряда языков, в том числе и удмуртского, не всегда и не в одинаковой мере приемлем. По словам А. А. Боровкова, понятие неизменяемости устанавливается из сопоставления наречий с соответствующими формами существительного и их реального значения, т. е. устанавливается, предметно ли значение в каждом данном случае или не предметно, поскольку в форме наречий находятся преимущественно косвенные падежи существительных с послелогом или без них [Боровков 1936: 92]. Кроме употребления падежных формантов (см. п. 2.1.3.1.), некоторые удмуртские наречия могут:

1. Изменяться по лицам:

Нушин сѳрыны косиз, – кытһяз ымзэ ик усътэ но берен ворса (М. Кон. Куѳв., 22). ‘Нушин заставил сломать, – **иногда** [он] рот открывает и обратно закрывает’.

Отһяз нош ик толон кадь луиз: кырһан, һыгырһаськон (М. Кон. Куѳв., 58). ‘Потом снова как вчера стало: песни, обнимания’.

Яке сое, – Михайлова пѳлызэ улэ зымытэ, – яке со татчыад пуксьыса ворттоз, – Радинлэн пельпумаз возматэ (М. Кон. Куѳв., 61). ‘Или его, – Михайлова большой палец книзу клонит, – или он **сюда** [тебе] сядет и будет ездить, – показывает на плечи Радина’.

Ма, шуисько, кытчыад чильымдэ понод на, йырыд ѳвѳл ни ук (М. Кон. Куѳв., 72). ‘Что, говорю, куда [ты] трубку положишь, головы то у тебя уже нет’.

Сиес бен кытчыяз-о понод? – Гондырлэн пиез тракторлэсь чыртызэ нокытысьтыз уг шедьты (М. Кон. Куѳв., 88). ‘А хомут **куда** [ему] оденешь? – сын Гондыра у трактора шею **ниоткуда** [у него] не находит’.

Тини соку татчыам пуля йѳтиз, – Радин пыдзэ возматэ (М. Кон. Куѳв., 124). ‘Вот тогда **сюда** [мне] пуля попала, – Радин показывает ногу’.

Кытыназ со адямилэн улэ – лыушаз-а, йыраз-а? (К. Митрей, 76). ‘В каком месте (букв. **где**) он в человеке живет – в брюшине, в голове?’.

Способность данных наречий принимать после себя личные суффиксы объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что, скорее всего начальные формы *кытчы* ‘куда’, *кытын* ‘где’, *отчы* ‘туда’, *татчы* ‘сюда’, *нокытысь* ‘ниоткуда’ перешли в разряд наречий из разряда местоимений и на данном этапе находятся в разряде так называемых «местоименных наречий».

2. Принимать формы входного падежа + выделительно-указательный суффикс: *лытазе-я-з* ‘вечером того же дня’, *иукна-я-з* ‘утром следующего же дня’, *иуказе-я-з* ‘на завтрашний же день’. Данная особенность, по-видимому, объясняется тем, что все названные слова могут употребляться и в качестве

другой части речи – существительного (*лытазе* ‘вечер’, *цукна* ‘утро’, *цуказе* ‘утро’), вследствие чего и данная особенность могла закрепиться и к наречиям.

Лытазез *ини пумтэм-йылтэм калык огзэ огез пышез сямен кутса* (М. Кон. Куöv., 128). ‘Уже вечером же народ друг друга бьет, словно коноплю молотит’.

Цукнаяз *Азинлэн штабаз вуи* (М. Кон. Куöv., 123). ‘Утром следующего дня прибыл в штаб Азина’.

Ваньмыз тупаса мынэ кадь: Санька гожтэм, берло экзаменъёссы кызь куинь число бырозы, дыр, шуыса, цуказез ик поездэ пуксё шуэм (Г. Крас. Кч, 23). ‘Все как-будто идет по порядку: Санька написал, что последние экзамены закончатся двадцать третьего числа, наверно, на следующий же день в поезд сяду’.

3. Принимать суффикс винительного падежа (Наречия меры и количества): *унозэ* ‘многое’, *троссэ* ‘многое’, *ёжытсэ* ‘малость’. Скорее всего, данная группа слов перешла в ряд наречий из разряда числительных.

Табере со бубизлэн цабъям букваосыз пöлысь унозэ вала ини (К. Митр. Сз., 88). ‘Теперь он из начерченных отцом букв многие уже понимает’.

Тодһ мон табере троссэ: тыныд но капчи вылымтэ та дуннеын (К. Кул. С., 254). ‘Я теперь многое узнал: и тебе нелегко было на этом свете’.

Ёжытсэ *кыктой ветлоно луоз угось, Оксанаез татын огназ мöзмыса улоз* (Г. Крас. Ок., 37). ‘Не меньше двух дней придется ездить, Оксана здесь одна скучать будет’.

2.3. Степени сравнения наречий

Некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения. Степени сранения образуют как первообразные, так и простые производные наречия, одиночнооформленные.

Степеням сравнения финно-угорских языков посвящена специальная работа Фокоша-Фукса «Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («Сравнительная и превосходная степени в финно-угорских языках») [Fuchs 1949], работа Ало Рауна «Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («К сравнительной и превосходной степеням в финно-угорских языках») [Raun 1951]. Функции суффикса сравнительной степени освещаются в работа Пааво Равилы «Über das finnisch-ugrische komparativsuffix» («О финно-угорском суффиксе сравнения») [Ravila 1937].

В финно-угорском языке-основе, по словам К. Е. Майтинской [ОФУЯ 1974: 279-281; Майтинская 1979: 138–148], еще не определился морфологический способ выражения степеней сравнения. Соответствующие значения выражались разными вспомогательными средствами: синтаксическими или использованием суффиксов разного назначения, которые помимо основной функции служили и для выражения значений сравнительной и превосходной степеней.

После распада финно-угорской общности в языковых ветвях и отдельных языках появились разные морфологические (синтетические и аналитические) способы выражения указанных значений. Однако точному или даже сравнительно точному учету эти способы не поддаются, поскольку по ряду финно-угорских языков не выявлена степень грамматикализованности того или иного средства выражения значений степеней сравнения. Если в каком-либо языке возможно использование двух или трех способов, часто неясно, какой из них достаточно обобщен для включения в парадигму.

В современных финно-угорских языках грамматическое значение сравнительной степени выражается двумя основными способами: без применения специального суффикса или при помощи такого суффикса. В большинстве финно-угорских языков употребляются оба способа, но преимущественно – только один из них. Бессуффиксальный способ следует считать более древним, чем второй способ.

При суффиксальном способе прилагательное (**наречие**) получает какой-нибудь более или менее грамматикализированный суффикс сравнительной степени. В финно-угорских языках встречаются суффиксы разного происхождения: они либо преобразовались из формантов усиительно-подчеркивающего значения, либо же происходят от усиительно-подчеркивающих наречий и частиц типа русск. *очень*, *весьма*; выявляются иногда и суффиксы, заимствованные из других языков. При суффиксальном способе имя (или местоимение), выражающее то, с чем сравнивается, получает падежный суффикс. И в данном случае большей частью используются форманты падежей отдалительной семантики (аблатива, элатива), ср. ф. *hän on minua nuorempi* 'он моложе меня' (*minua* – партитивная форма, восходящая к аблативной), в современном венгерском литературном языке употребляется адессивная форма, но раньше использовалась аблативная.

К. Е. Майтинская в книге «Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков» приводит следующие разновидности образования суффиксальных признаков сравнительной степени: 1) переосмысление словообразовательных суффиксов разного назначения в суффиксальные признаки сравнительной степени; 2) переход слов-частиц в суффиксальные признаки сравнительной степени; 3) заимствование суффиксальных элементов соответствующего значения из других языков.

Для переосмысления в признаки сравнительной степени активно использовались словообразовательные суффиксы разной семантики; об этом свидетельствует прежде всего полисемия формантов сравнительной степени в большинстве современных финно-угорских языков. Так, по наблюдениям А. Рауна в марийском, пермских и обско-угорских языках признаки сравнительной степени (помимо значения сравнения) могут выражать уменьшительное, ограничительное, эмоционально-подчеркивающее и усиительное значения. По мнению К. Е. Майтинской, перечисленные А. Рауном значения сводятся к двум основным: 1) усиительно-подчеркивающему

и 2) уменьшительно-ограничительному; именно словообразовательные суффиксы с такими значениями наиболее часто переосмысливались в признаки сравнительной степени.

Процесс соответствующих семантических преобразований объясняется вполне естественно. С одной стороны, суффиксы усиительно-подчеркивающего значения весьма пригодны для развития значения сравнительной степени, поскольку форма сравнительной степени обозначает, собственно, и усиление качества, свойства по сравнению с качеством, свойством, обозначаемым формой положительной степени; ср. русские формы сравнительной степени *красивее* или *более красивый* с формой положительной степени *красивый*. С другой стороны, в ряде случаев со значением сравнительной степени может ассоциироваться представление и об уменьшении чего-то в объеме, протяженности, размере и т. д., и подобное значение близко также к семантике словообразовательных суффиксов уменьшительно-ограничительного значения; ср. русск. *узкий коридор*, *более узкий коридор*, *узенький коридор*; *короткое время*, *более короткое время*, *коротковатое время*. Поэтому не случайно во многих языках признак сравнительной степени выражает и модеративное (ограничительное) значение; ср. венг. *kis szoba* ‘маленькая комната’ – *ez a szoba kisebb annál* ‘эта комната меньше той’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в своем основном значении) – *egy kisebb szoba* ‘небольшая комната’, ‘не очень маленькая комната’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в модеративном значении); ср. также материалы по удмуртскому языку, в котором признаки сравнительной степени *-get*, *-ges* продолжают выражать и модеративное значение тех словообразовательных суффиксов, к которым указанные признаки восходят; в марийском признак сравнительной степени *-rak / -räk* выражает как модеративное, так и уменьшительное значение [Майтинская 1979: 140–141].

В пермских языках употребляется несколько признаков сравнительной степени; из них удм. *-get* и *-ges*, восходящие к словообразовательным

суффиксам ограничительного (модеративного) значения, присоединяются к форме положительной степени прилагательного (**наречия**): *юш лым язъ лымлэсь ческытгем* ‘уха из окуня повкуснее ухи из язъ’, *километр иськемлэсь вакчигес* ‘километр покороче версты’, *юш лым язъ лымлэсь ческытгем кошке* ‘уха из окуня повкуснее ухи из язъ естся’, *вакчигес ванды* ‘покороче отрежь’.

Происхождение признаков сравнительной степени *-gem* и *-ges* от суффиксов словообразовательного назначения подтверждается прежде всего тем, что *-gem*, *-ges* и в функции формантов сравнительной степени продолжают выражать оттенок модеративности (повкуснее, покороче), т. е. прилагательные в форме сравнительной степени на *-gem*, *-ges* указывают, что по качественному признаку одни предметы от других отличаются лишь незначительно; при сравнении же без модеративного значения обычно употребляются конструкции с использованием прилагательного в форме положительной степени, ср. выражения типа: *лымлэсь ческыт* ‘вкуснее ухи’, *иськемлэсь вакчи* ‘короче версты’. Далее чисто ограничительное значение суффиксов *-gem*, *-ges* отчетливо выступает и в современном удмуртском языке, например в северозападных говорах; ср. *so gordgem bubojka baStem* ‘она купила красноватый платок’, *l2zges XuAkon tupa m2n2m* ‘мне нравится синеватый платок’; словообразовательный суффикс *-gum* (соответствующий удмуртскому *-gem*) прослеживается и в коми диалектах; ср. *nap2dgum* ‘сыроватый’, *2W2dgum* ‘довольно большой’, *g2rgum* ‘крупноватый’. И, наконец, широкое применение формантов *-gem*, *-ges* не только при именах и наречиях, но и при местоимениях, глаголах и даже послелогах также свидетельствует об исконно словообразовательном характере этих морфем; ср. удм. *miges aZlaN2n lu2Skom* ‘чаще всего мы (именно мы) оказываемся в передовых’, *tajzegem agronommes gaXaSkom* ‘именно этого агронома больше уважаем’, *uXagem val, trys koNdon Sot2salz2* ‘работал бы (букв. более работал бы), больше денег получил бы’, *kuspaz2 tupan2ges soos kutskez2* ‘между собой они стали жить лучше’. Естественно, что вне сферы имен форманты *-gem*,

-ges могут употребляться как в модеративном (ограничительном), так и в аугментативном (увеличительно-выделительном) значении, и это показывает, что *-gem*, *-ges*, как и большинство словообразовательных суффиксов, выражали разные семантические оттенки [Майтинская 1979: 143–144].

Элемент *-g-* в составе *-gem*, *-ges* идентичен пермскому именному словообразовательному *-g*, компоненты *-m* и *-s* также возводятся к словообразовательным именным суффиксам *-m* и *-s*. Однако признаки *-gem* и *-ges* произошли переосмыслением уже «готовых» сложных словообразовательных суффиксов, переход которых в суффиксы формообразования (сравнительной степени) подтверждается и тем, что в последнем качестве *-gem*, *-ges* могут следовать за другими формообразующими (словоизменительными) суффиксами: ср. *korkaos tat2n v2LeSgem* (или *v2LeSges*) ‘дома здесь более новые’ (*v2L* ‘новый’, *-eS* – признак мн. числа) [Майтинская 1979: 144].

А. И. Емельянов в своей работе «Грамматика вотяцкого языка» при анализе суффиксов сравнительной степени *-ges* и *-gem*, относит «окончание» *-s* первого суффикса к поссесивному суффиксу, «окончание» *-m*, второго суффикса – к суффиксу отглагольного имени на *-m*. Он пишет: “Первый принадлежит к поссесивным образованиям и значит «имеющий что-л.», второй – к отглагольным и значит «наделенный чем-л.». Общее у того и другого суффикса, это – звук – *g*, несомненно суффикс уменьшительных имен.

Функции обоих суффиксов почти одинаковы. Общий суффикс *-g-* в том и другом случае дает имени значение уменьшительное” [Емельянов 1927: 115–116].

В настоящее время в современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная, б) сравнительная и в) превосходная [КГОУЯ 2008: 857].

Положительная степень наречий – это базовая форма, которая чаще всего констатирует данное количество или качество: *лог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.

Йырзэ лог гинэ лутһз миндэр вылысь, учкиз – соку ик ури-бери султһз кклон интыысьтыз, бызиз бабаез доры, ныгырскиз (Удмурт литература, 66). ‘Голову **быстро** поднял с подушки, осмотрелся – тогда же сразу встал с кровати, побежал к бабушке, обнялся’.

Та мадёс Соловьёвлэн но, Гавриловлэн но сюлэмазы мур пыцам (Удмурт литература, 166). ‘Эта побасенка и Соловьву, и Гаврилову **глубоко** в сердце запала’.

Мазэ веранэз, сыце адямиез шер шедьтод (Удмурт литература, 114). ‘Что и говорить, такого человека **редко** найдешь’.

Сравнительная степень наречий обозначается посредством аффиксов *-гес*, *-гем*. В зависимости от семантики наречия суффикс (*-гес*, *-гем*) осознается с общим значением «более» или «менее», т. е. наречие с этим суффиксом обозначает признак действия или качества в большей или меньшей мере, чем он начинен в наречиях несравнительной степени, например:

1) определительные наречия: *лог* ‘быстро’ – *логгес* ‘побыстрее’, *мур* ‘глубоко’ – *мургес* ‘глубже’, *шер* ‘редко’ – *шергес* ‘реже’, *шуген* ‘с трудом’ – *шугенгес* *досл.* ‘более трудно’, *трос* ‘много’ – *тросгес* ‘больше’, *чаляк* ‘быстро’ – *чалякгес* ‘быстрее’, *сак* ‘внимательно’ – *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.

2) обстоятельственные наречия: *кыдёкын* ‘далеко’ – *кыдёкынгес* ‘дальше’, *али* ‘сейчас’ – *алигес* ‘недавно’, *палэнын* ‘в стороне’ – *палэнынгес* ‘более в стороне’, *матэ* ‘ближе’ – *матэгес* ‘поближе’, *бкрысь* ‘позже’ – *бкрысьгес* ‘попозже’, *кыдёке* ‘дальше’ – *кыдёкегес* ‘подальше’, *вазь* ‘рано’ – *вазьгес* ‘раньше’ и др.

Здравствуйте, моё почтение, Михаил Фёдорович! – карнанлэсь но юнгес губырскыса, ныль пол бөрсе йыбыртъя (М. Кон. Куёв., 68). ‘Здравствуйте,

моё почтение, Михаил Фёдорович! – загнувшись **сильнее** коромысла, четыре раза подряд кланяется’.

*Больницаын врачъёс Кирла сярыйс но **ёжытгес** басьто* (Г. Крас., Кмк., 13). ‘Врачи в больнице **меньше** Кирилла [денег] получают’.

*Гур вылын кыллись гын сапег но солэсь **умойгес** кылэ, дыр* (Г. Крас. Кмк, 15). ‘Дома на печи лежащий валенок **лучше** ее слышит, наверно’.

*Сюлэм но огиоры дыръялэсь **иемгес** жугыны кутскем бен тһни, – шуэ Лина, – мон серекъяй гинэ* (М. Кон. Куöv., 11). ‘И сердце **чаще** стало стучать, чем в простые времена, – говорит Лина, – я пошутила только’.

*Инкуазен герһаськем но уж дурын кышкытлыклэсь утиськон куронъёсты чакламтэен, кылдһсь кышкыт учыръёс кылем арын **кжытгес** вал* (Уд, 026–027, 2008). ‘По причине соблюдения мер безопасности на природе и на производстве, несчастных случаев в прошлом году было **меньше**’.

*Соин ик азьвыл коркаос вкзы вильёсыз **логгес** пунктһсько* (Уд, № 026–027, 2008). ‘Поэтому и новые дома, наряду со старыми строятся **быстрее**’.

*Кыкетһ пиналзы вордскиз ке, соос квартира дунзэс 25 процентлы **ичигес** тырыны быгатозы* (Уд, № 026–027, 2008) ‘Если родится второй ребенок, они смогут платить за квартиру на 25 процентов **меньше**’.

*Туэысен та ласянь **капчигес** луиз* (Уд, № 025, 2008). ‘С этого года с этой стороны стало **легче**’.

*Надежда Леонидовналэн верамезъя, берло дыре гуртоослэн улон югдурзы **умойгес** луиз* (Уд, № 022–023, 2008). ‘По словам Надежды Леонидовны, в последнее время жизнь в деревне стала **лучше**’.

*Волинэн пумиськемез бадһым пайда сётһз: Сергей пьесазэ нуналмысь нуналэ **мургес** но **мургес** валаз, уноез персонажъёс улэп адямиос кадъ адскыны кутскизы* (Иг. Гавр. Вп., 273). ‘Встреча с Волиным дала большую пользу: Сергей свою пьесу изо дня в день все **глубже** и **глубже** стал понимать, большинство персонажей стали выглядеть как живые’.

Сергей арня нуналъёсы но гуртаз пумен шергес бертылыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 28). ‘Сергей и по воскресеньям стал пореже ездить домой’.

Мугорыз шоры учконо ке, арлыдылзэсь тросгес сётод (Г. Крас. Вю., 13). ‘Если посмотреть на его телосложение, больше [лет] дашь’.

Переходом слова-частицы формировался в пермских языках признак сравнительной степени к. $-W2k$ / $-Q2k$, удм. $-W2k$. В коми языках данный признак является общераспространенным, характерным как для литературных языков, так и для диалектов, причем в коми-зырянском больше употребляется вариант $-W2k$, в коми-пермяцком – вариант $-Q2k$. В удмуртском $-dQ2k$ ($-W2k$) используется только в диалектах [Тепляшина 1964: 141, 143-144; 1970: 169; Бушмакин 1965: 24; Кельмаков 1998: 129] (в литературном языке употребляются признаки $-get$, $-ges$): *тр́кс* ‘много’ – *тр́кслык* ‘больше’, *чебер* ‘красивый; красиво’ – *чеберлык* ‘красивее’, *бур* ‘хорошо’ – *бурлык* ‘лучше’, *ьог* ‘быстро’ – *ьоглык* ‘быстрее’, *матын* ‘близко’ – *матынлык* ‘ближе’, *цем* ‘часто’ – *цемлык* ‘чаще’ и др. По наблюдениям Т. И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах $-ьлык$ может употребляться самостоятельно, ср. *со ьоглык ужа* и *со ьык ьог ужа* ‘он работает быстрее’ [Тепляшина 1970: 184].

Признак $-W2k$ происходит от усилительной частицы (наречия); ср. к. $\acute{K}z$ U^2k ‘не очень’, удм. $dQ2k$ ‘аккуратно’, ‘как следует’.

А. Раун сомневается в наречном происхождении данного признака, утверждая, что U^2k как наречие встречается очень редко; поэтому он предполагает, что последнее появилось путем отделения компаративного признака от основы прилагательного. Однако наречное происхождение $-W2k$ подтверждается рядом доказательств.

Прежде всего данное слово встречается не только в коми языке; в качестве самостоятельной частицы в значении ‘же’, ‘ведь’ $-W2k$ употребляется и в удмуртских говорах. Как отдельная частица $-W2k$ может как следовать за подчеркиваемым словом, так и предшествовать ему.

Общий процесс превращения наречия *W2k* в суффикс сравнительной степени протекал, по словам Б. А. Серебренникова, следующим образом.

Первоначально в пермских языках сравнительная степень выражалась синтаксическим путем. Предмет, с которым сравнивался по качеству другой предмет, ставился в аблативе. Этот способ выражения сравнительной степени до сих пор сохраняется в языке коми, ср., например, *Puys kerkayS WuWyd* 'Дерево выше дома'. Этот способ, вне всякого сомнения, является первичным, поскольку он широко представлен в других финно-угорских языках. Однако эта конструкция сама по себе является маловыразительной, т. к. прилагательное остается без изменения. В целях создания контраста прилагательное стало усиливаться в языке коми наречием *W2k*, в результате чего возник новый способ выражения *puys kerkayS WuWydW2k* 'дерево по сравнению с домом очень высокое (или довольно высокое)'. Учащение употребления этих случаев привело к тому, что наречие превратилось в суффикс, и прилагательное, снабженное этим суффиксом, получило новый семантический оттенок – «обладающий большей степенью данного качества».

Происхождение суффикса *-W2k* из наречия *W2k*, некогда означавшего 'очень', может быть весьма вероятным. В свою очередь наречие *W2k* может иметь и другие этимологические связи, ср., например, мар. *Хока* 'густой (о волосах)', к.-з. *Xïk-ud* 'частый', 'густой' [Серебренников 1963: 161–162].

Как и в других финно-угорских языках, сравнительная степень в удмуртском языке может быть выражена и аналитическим способом, т. е. без применения специального сравнительного суффикса, сочетанием наречия с именем существительным или местоимением в разделительном падеже, например:

Вокзалэз бомбить каремзылэсь азьвыл потыны вуоно (Удмурт литература, 79). 'Нужно успеть выйти до (букв. пораньше) того, как начнут бомбить вокзал'.

*Картэзлы осконэз Ларисалэн **войналэсь азьвыл** ик кыляны кдъяз* (Удмурт литература, 86). 'Лариса начала терять доверие к мужу уже до войны'.

Шултэм куараезлэсь берло ачиз куалектэ (Удмурт литература, 92). 'Потом от своего свиста сам же вздрагивает'.

*Квкл, лучшие ачим, чыртыям из думыса, Вятка пыдсы васько. **Солэсь капчи** номыр но уз луы ни* (Удмурт литература, 106). 'Нет, лучше я сам, привязав к шее камень, опускаюсь на дно Вятки. Легче этого уже ничего не будет'.

*Тодо-а татын **солэсь азьвыл** беспризорник луэмзэ?* (Удмурт литература, 113). 'Знают ли здесь, что он до этого был беспризорником?'.

*Кутоно, марысь-мар **луэмлэсь азьло** кутоно но берлань келяно* (Удмурт литература, 119). 'Надо взять, пока что-нибудь не случилось, надо взять и обратно отправить'.

*Юн кариськыны тыршыса, Омель, **Демилэсь азьло** гуртэ вуон понна, цогрес султһз но чырткем бызьыса кошкиз* (Удмурт литература, 119). 'Ради того, чтобы попасть в деревню раньше Димы, Емельян очень старался, резко встал и быстро побежал'.

Для развития форм **превосходной степени** наречий характерно заимствование «готовых» частиц, которые уже в языке-передатчике использовались как компоненты форм или конструкций превосходной степени.

Русская аналитическая форма превосходной степени типа *самый широкий, самый красивый* и т. д. оказала большое влияние на зарождение аналитических конструкций превосходной степени ряда финно-угорских языков. Последними перенята не только модель русской конструкции, но и заимствована с разными фонетическими изменениями и частица *самый*.

Удмуртским языком русск. *самый* заимствовано в виде *satoj* [Майтинская 1979: 160–161].

Таким образом, превосходная степень в удмуртском языке передается лишь аналитическим способом: *самой* + наречие в положительной форме.

Самой азьпалан Шевелёв сюрес возматыса мынэ (Иг. Гавр. Вп., 649).

‘Впереди всех, показывая дорогу, идет Шевелев’.

Мамалы самой матын – Подшивалын – уло Ира но Лина (УД, № 130–131, 2007). ‘Всех ближе к матери – в [селе] Подшивалово – живут Ира и Лина’.

Табере, уть, кылзы воксё мукет пала берыктӥськемын, соос гинэ та водопровод сярысь самой трос тодӥсез шуо ... (Г. Крас. Кмк., 6). ‘Теперь, посмотри, разговор в другое русло поменян, только они, скажешь, об этом водопроводе больше всех знали...’.

Сьӧд куакаос самой бер бушато шаермес – куддыр воксё но октябрь кутсконын (УД, № 132, 2007). ‘Позже всех наши края покидают грачи – иногда даже только в начале октября’.

2.4. Степени качества наречий

До последнего времени степени качества в удмуртском языке не выделялись. Первые попытки обозначить категорию степеней качества были предприняты И. В. Таракановым уже в 1975 году в работе «Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка», где автор оперирует термином “так называемые слова степени” и приводит следующие примеры: *акамат айбат* ‘очень хороший’, *артык чебер* ‘очень красивый’, *тямасыз дюжыт* ‘слишком высоко’ и др. [Тараканов 1975: 180]. В дальнейшем эту тему подробно исследовал Д. А. Ефремов [2009]. Он справедливо отмечает: “У имени прилагательного отдельно от степеней сравнения выделяются степени качества (не имеющие отношения к словообразованию) и мы полностью солидарны с теми исследователями

[Kel'makov, Saarinen 1994: 111–114; Тараканов 1996а, 1996б; Кельмаков 1998: 130–133]”.

Степень качества – это лексико-грамматическая категория, обозначающая субъективную оценку степени интенсивности проявления признака. Различные степени качества указывают на интенсивность проявления признака, но без сравнения с качеством другого предмета. При выражении степени качества говорящий дает также и свою субъективно-эмоциональную оценку, причем оценка говорящим является во многих случаях определяющей [Лудыкова, Федюнева 2003: 38].

В удмуртском языке на данном этапе выделяется три степени качества наречий: а) позитивная, б) уменьшительная (модератив) и в) усилительная (интенсив) [КГОУЯ 2008: 857].

Позитивная степень наречий, как и положительная степень степеней сравнения наречий, выражается базовой формой: *мур малпаськыны* ‘глубоко думать’, *шуак кошкыны* ‘неожиданно уйти’, *чебер лутскыны* ‘красиво подняться’ и др.

Эн люкеты солы, атаед мур малпаське: ужез солэн сыце (Уль. Бадр. Млц., 38). ‘Не мешай ему, твой отец **глубоко раздумывает**: работа у него такая’.

Вылтырыз ськд пильыс кадь чия, чыртыез атаслэн кадь чебер лутскемын (Иг. Гавр. Вп., 43–44). ‘Его тело словно черный бархат блещет, шея, словно у петуха, **поднята вверх**’.

Выль ужын шуак кошкыны умой кз поты (С. Самс. В., 153). ‘На новой работе **неожиданно уйти** показалось нехорошо’.

Уменьшительная степень (модератив) – образуется посредством аффиксов *-алэс* (-ялэс), *-мыт*, *-пыр(ъем)*: *ложмыт вазиз* ‘с грустью (букв. грустновато) сказал’; *буртчин дэремез лызалэс ворекъя* ‘её шёлковое платье переливается голубоватым цветом’; *ваньмыз соослы лъкльпыр адске* ‘всё им видится в розовом цвете’ и др.

*Кин ке цукна **љожмыт** лулње, ческыт вќтсэ жаляса, кин ке капчияк шокче, кышкыт уйвќтэзлэсь мќзмыса...* (Уд, № 075–076, 2008). ‘Кто-то утром **грустно** вздыхает, жалея красивый сон, кто-то с легкостью выдыхает, осовободившись от страшного сна...’.

***Љожмыт** кесяськыса ик, со мукет пала кошкыз* (С. Ших. Тув., 5). ‘С **грустью** прокричав, она ушла в другую сторону’.

*Отын, мур-мур музъем пушкын, пеймытын эгыр цанак та сирень выллем **лызалэс** пиштылэ, – пальышаса тодаз вае вань улоназ тужгес но секыт но со дыре ик дано ужез быдэсьям адями – шахтёр Гимм Токтаров* (Уд, № 104, 2007). ‘Там, глубоко-глубоко под землей, в темноте уголь точно как эта сирень **голубоватым** цветом светится, – улыбаясь вспоминает человек, выполнявший труднейшую, но в то же время почетную работу – шахтер Гимм Токтаров’.

Следует отметить, что употребление в письменной форме примеров на *-алэс* (*-ялэс*) и *-пыр(ъем)* в качестве наречий крайне редко. Зачастую они встречаются в роли прилагательного.

В модеративном значении может выступать и аффикс *-гес* (*-гем*), который при выполнении своей основной функции является показателем сравнительной степени прилагательного (наречия), например:

*Ялан огпќртэм супыльтэ: «Ижевске вуид ке, монэ эн вунэты, **љоггес** квартира утча но гожтэт ысты»* (Иг. Гавр. Вп., 107). ‘Постоянно одно и то же твердит: «Когда приедешь в Ижевск, меня не забывай, **быстрее** найди квартиру и отправь письмо»’.

*Ќвќл, ќвќл, мынам татћ гинэ цушалтонэ кылиз на, – азяз ошкись дэрем скзызэ пыдес куспаз пачкатыса, **шугенгес** ужа Катя* (С. Самс. В., 149). ‘Нет, нет, мне здесь лишь осталось помыть, – зажав меж коленями свисавший подол платья, **с трудом** работает Катя’.

*Пияш **сакгес** учкиз нюк шоры но, син шораз йќтћз мырдэм тодмамон нюк пыдсысь куакъёс сьќрысь љутћськись цын юбо* (Удмурт литература, 47).

‘Мальчик **внимательнее** посмотрел на овраг, на глаза попался еле заметный, поднимающийся со дна оврага из-за кустов столб дыма’.

Кыдѣкынгес пужымо нюлэс (Иг. Гавр. Вп., 6). ‘**Чуть** подальше сосновый бор’.

Кайгыронэзлэн мугез таѣ: алигес гинэ со шедьылһз льомыт Похъёла шаере; отысь мозмытскон но дораз бертон понна, кылзэ сѣтһз, ас интыяз татчы дано батырез Ильмариненэз ыстоз шуыса (Удмурт литература, 25).

‘Причина печали следующая: **совсем недавно** он попадал в темную страну Похъёла; ради того, чтобы освободиться оттуда и вернуться на родину, слово дал, на свое место сюда отправит славного богатыря Ильмаринена’.

Нюлэслэсь но гуртлэсь палэнынгес, шурлы кыдѣкын ик кѣкл, адњиське кебит (Удмурт литература, 44). ‘**Чуть в стороне** от леса и деревни, недалеко от реки, виднеется кузница’.

Нырысь тһни мыным со медаль нокыѣ кз йкты ке но, бѣкрысьгес Москваысь университетэ экзаменьёс сѣтытэк пырыны но, Москваысен секыт нунальёсы коньдон шедьтылыны но юрттһз: стипендия азын коньдонэн укыргес ик ёрмыт луылыку, ми, школа понна медаль басьтэмъёс, медальёсмес огвакытлы ломбардэ келляны дышшмы (Удмурт литература, 127). ‘Хотя вначале эта медаль мне и никак не понадобилась, **позже** она помогла мне без экзаменов поступить в московский университет, помогала и в тяжелые московские дни деньги находить: испытывая большую нужду в деньгах перед стипендией, мы, получившие медали в школе, свои медали научились оставлять под залог в ломбарде’.

Усилительная степень (интенсив) наречий образуется двумя способами:

1) синтетически, посредством редупликации основы прилагательного, например: *њеч-њеч малпаны* ‘хорошенько подумать’, *умой-умой валаны* ‘хорошо-хорошо понять’, *юг-юг гѣртыны* ‘покрыться белым-белым инеем’ и др. Повторы, как один из способов деривации, применяются в большинстве языков мира, но для финно-угорских языков они особенно характерны и

являются одним из типологических признаков. Как отмечает коми лингвист М. С. Федина, они несут самые разнообразные семантические функции (выражают идею собирательности, множественности, длительности, разделительности, неопределенности, употребляются для выражения эмоционально-оценочного отношения к объекту), но их важнейшей функцией является выражение усиления качества, признака, действия и высокой интенсивности их проявления [Федина 2000: 295].

*Ваньзэ **ньеч-ньеч** малпаз но аслэсьтыз янгышсэ валаз: кужмысь яратыны уд кос* (Иг. Гавр. Вп., 172). ‘Все **хорошенько** обдумал и свою ошибку понял: насильно мил не будешь (букв. любить не заставишь)’.

*Кытчы мынэмзэ Сергей ачиз но **умой-умой** кз вала* (Иг. Гавр. Вп., 580). ‘Куда идет, Сергей сам **толком** не понял’.

*Отын но татын нимазы сылһсь беризьёс **юг-юг** гкртэмын, кызъёслэн вайёссы бордын лымы ошкылэмын* (Иг. Гавр. Вп., 580–581). ‘Там и здесь в одиночку стоящие липы покрыты **белым-белым** инеем, с ветвей елей свешивается снег’.

*Зэмзэ но, Дубов ас вордскемзэ, кин луэмзэ **умой-умой** уг тоды* (М. Кон. Куёв., 13). ‘И вправду, Дубов о своем рождении, кто он – **хорошо** не знает’.

2) аналитически – сочетанием наречий *туж* ‘очень’, *укур* ‘очень, слишком’, *ортчылт* ‘очень, слишком’, *юн* ‘очень’, *дурыстэм* ‘слишком’, *сокем* ‘настолько’, *лекос* ‘очень’ с другими наречиями положительной степени, например: *льог* ‘быстро’ – *туж льог* ‘очень быстро’, *мур* ‘глубоко’ – *уката мур* ‘очень глубоко’, *шер* ‘редко’ – *юн шер* ‘очень редко’ и др.

*Кин ке со юалоз: коркаосты **укур льог** пукто, ар-кык ортчыса, сылмыны-пограны уз кутске-а?* (Удмурт дунне, № 026–027, 2008). ‘Кто-нибудь спросит: дома **очень быстро** ставят, через год-два не начнут ли рассыпаться?’.

*Милям вайкала выжсыямы паймоно кадь вал песьтаймы: **дурыстэм зол** яратоз вал мунчоез, ужез но ёз луы кадь солэсь мусоез* (А. Увар. ПМкм., 338).

‘У нас в древнем роду был странный дед: очень (букв. **чрезвычайно**) **сильно** любил баню, не было для него занятия лучше’.

«*Укыр чебер кырһа*», – *шуыло соос* (Иг. Гавр. Вп., 569). ‘**Очень красиво** поет», – говорят они’.

Сюбег, укыр сюбег *возьматһськом асьмеос улонэз!* – *һырдыт кутскиз со* (Иг. Гавр. Вп., 565). ‘Узко, **очень узко** показываем мы жизнь! – горячо начал он’.

Кин со сюрес кузя сокем юн ворттыса лыктэ? (К. Митр. Сз., 60). ‘Кто это по дороге **так сильно** скачет [на лошади]?’.

Таце ужспумлы поп верантэм юн паймиз (К. Митр. Сз., 74). ‘Такому делу поп **несказанно сильно** удивился’.

Вксь луэмезлэсь чидатскыса, быгатһз ишкалтыны пукыц Һкълэз, малпаз: «*Ярам ай, туж мур мертчымтэ*» (Удмурт литература, 60). ‘Перетерпев возникшую боль, [он] смог выдернуть стрелу лука, подумал: «Хорошо, что не вонзилась **очень глубоко**»’.

Мон туж уно черкъёс пуктылһ (К. Митр. Сз., 26). ‘Я **очень много** церковей поставил’.

Большое многообразие структурных разновидностей словообразования наречий и тот факт, что большинство наречий, за исключением небольшого числа так называемых первообразных, создано на базе других частей речи, позволяют судить о широкой интенсивности процесса развития и усовершенствования данной категории слов. Такая морфологическая разноструктурность и этимологическая близость наречия с другими частями речи говорит не только о слабой дифференциации их между собой, но и свидетельствует о результатах их взаимообогащения, взаимовлияния.

Глава 3. Синтаксис наречий

К работам, которые в той или иной мере затрагивают вопросы синтаксиса наречий удмуртского языка, можно было бы отнести следующие труды: «Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения» [ГСУЯ 1970], «Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения» [ГСУЯ 1974], «Деепричастия и

деепричастные конструкции в удмуртском языке» [Перевошиков, 1959], «Глагольные словосочетания» [Перевошиков, 1980].

Основная синтаксическая особенность наречия – быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств:

1. Обстоятельства **времени**, например:

Толон лытазе парходъёс туж зол кесяськылӥзы: ваче мырыськемзылэсь кышказы, дыр (Иг. Гавр. Вп., 600). '**Вчера** вечером пароходы очень сильно гудели: наверно, боялись столкновения'.

Цукна югыт луон азьын профессор гуртаз кошкыз, нош Толялэн койка дорысьтыз Воронцов лумбыт ӧз кошки (Иг. Гавр. Вп., 603). '**Утром**, перед рассветом, профессор ушел домой, а Воронцов целый день не отходил от койки Толи'.

Туннэ нырысьсэ со атай сямен учке, ымнырысьтыз маке туж тодмозэ но кулэзэ шедьтыны турттэ кадь (Иг. Гавр. Вп., 604–605). '**Сегодня** он впервые смотрит по-отцовски, будто пытается увидеть на лице что-то знакомое и нужное'.

2. Обстоятельства **места**, например:

Азьпалан номыр уг адњиськы – бус уката нап вӧлскем (Иг. Гавр. Вп., 600). '**Впереди** ничего не видно – туман очень густо распространился'.

Кылскы, тон... передвижник, – вожез потӥз Сергейлэн, – лейтенант кылӥз ке куарадэ, берлань берыктоз но ваньзэ ик выльысь лэсьтыны косоз (Иг. Гавр. Вп., 601). 'Послушай, ты... передвижник, – рассердился Сергей, – если лейтенант услышит тебя, **обратно** воротит и все заново заставит делать'.

Кулинарной школаез быдтыса, Ижевскын ужай, собере татчы ыстӥзы (Иг. Гавр. Й., 232). 'Закончив кулинарную школу, [я] в Ижевске работала, потом **сюда** отправили'.

3. Обстоятельства **цели**, например:

Юлтоше сумкаысьтым ватэм тетрадьёсме юри поттэ но дышетӥсьлы возматэ (Уд, № 018–019, 2008). ‘Мой товарищ спрятанные в моем портфеле тетради **нарочно** вытаскивает и учителю показывает’.

Сояз дуннее мынэм берам но, нумыръёс сиыса быдтытозь, монэ вунэтонтэм сэсты вал, калык кутоз, лыныё карозы, ваньмыз чик юнме быроз (Удмурт литература, 109). ‘И после того как уйду на тот свет, пока черви меня не съедят, меня избей сильно, народ подберет, расчленит, все бесследно (**зря**) исчезнет’.

Интыяды ик ваньмытом ведь, – огшоры гинэ, вожзэ поттытэк, шуиз винтовкаен пиосмурт (Удмурт литература, 138). ‘На месте же пристрелим, – **спокойно**, не сердясь, сказал человек с винтовкой’.

4. Обстоятельства **образа или способа действия**, например:

Нырулыса но мылзы поттытэк пукись артистъёс доры но ыркыт ткл вуиз кадь – ваньзы ик сак кариськизы (Иг. Гавр. Вп., 607). ‘Словно свежий ветер добрался и к дремлющим и без настроения сидящим артистам – все сделались **внимательнее**’.

Тӥни со кышномурт сярысь Сергей пьеса гожто шуыса малпа вал но, «Югыт сюрес» драмазэ ярантэм шуыса палэнтэмзы бере, мылкыдыз чылкак куашказ (Иг. Гавр. Вп., 608). ‘Вот и про ту женщину пьесу напишет, думал Сергей, но после того, как его драму «Светлый путь» назвали ненужной и отстранили, его настроение **полностью** испортилось’.

Катя чалмыт кылзӥз но Сергей шоры лушкемен учкылӥз (Иг. Гавр. Вп., 609). ‘Катя **тихонько** слушала и **тайком** смотрела на Сергея’.

5. Обстоятельства **меры и степени**, например:

Ижевске сокем кз дырты, макем дыртӥз вордскем гуртаз Бадӥмшуре (Иг. Гавр. Вп., 98). ‘**Так** не торопился в Ижевск, как (*букв. до такой степени*) торопился в родную деревню Бадзымшур’.

Соиз но умой кӧкл: Варалэн партнёрез Волин мугорын чиед, Вараен артэ султэ ке, укыр пинал адӥське (Иг. Гавр. Вп., 611–612). ‘Нехорошо и то, что

партнер Вари Волин телосложением худощав, когда становится рядом с Варей, выглядит **слишком** молодо’.

*Спектаклез учкыны лыктэмъёс трос вал ини, Катя соос пклтћ **туж** лог кошкыз но, сцена съкры потыса, артистической комнатае пыриз* (Иг. Гавр. Вп., 614). ‘Пришедших на спектакль зрителей, было уже много, Катя **очень** быстро пробралась сквозь них и пройдя за сцену, зашла в артистическую комнату’.

6. Обстоятельства **меры и количества**, например:

Огнол, Межевая ураметћ кошкикуз, Катя адњыз картэныз мош улэм квартиразэ (Иг. Гавр. Вп., 613). ‘Однажды (букв. **один раз**), проходя по Межевой улице, Катя увидела квартиру, в которой жила вместе с мужем’.

*Катялы та рользэ **тырмыт** репетировать карыны кз тупа, одћг прогонэз но кз ортчы, генеральнойын но кз шуд* (Иг. Гавр. Вп., 614). ‘Кате эту роль **достаточно** репетировать не удалось, ни одного прогона не провела, и в генеральной не сыграла’.

*Вот таиз пкртмаськоз ини! – вера Ондрей агай, кузпалэз пала **кжытак** мыкырскыса* (Иг. Гавр. Вп., 617). ‘Ну этот уже начнет скоморошничать! – говорит дядя Андрей, **немного** склонившись к жене’.

Кроме обстоятельственной функции, наречие в предложении нередко может выступать в роли сказуемого, например:

*Нырысетћ каналысь Антон Верницкий, НТВ-ысь Владимир Кондратьев, «Комсомольская правдаысь» Александр Гамов – журналистикаысь кизилиос ваньзы **татын*** (Уд, № 024, 2008). ‘Антон Верницкий с Первого канала, Владимир Кондратьев с НТВ, Александр Гамов с «Комсомольской правды» – все звезды журналистики **здесь**’.

Кылзћськызы пиосыз, армие ветлэмзы бере, огзы но доре өз кариське ни: Семон Ижын улэ, чугун сюрес вылын ужасько, пе, Иван кытын ке кыдёкын, Петыр кытћ ке бен пал районын колхозын ик ужа (Н. Самс. Канк., 187–188). ‘Послушались его сыновья, после армии ни один домой не вернулся: Семен

живет в Ижевске, на железной дороге работаю, говорит, Иван где-то **далеко**, Петя где-то в другом районе в колхозе же работает’.

*Ужмы **трос**, малпанъёс – эшио но* (Уд, № 026–027, 2008). ‘Работы **много**, мыслей – еще больше’.

Наречия в удмуртском языке, как и другие части речи, подчиняются определенным синтаксическим законам, вступая в синтаксическую связь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. В предложении наречие как знаменательная часть речи обязательно сочетается с другими словами. В отличие от других знаменательных частей речи, морфологическая неизменяемость наречий создает особый характер синтаксической связи их с глаголами, а именно примыкание.

Посредством примыкания наречия могут сочетаться со всеми формами глагола. Спрягаемые и неспрягаемые формы глаголов могут вступать в сочетания с наречиями качества, количества, места, времени и цели. По наблюдениям П. Н. Перевощикова, наиболее распространенными из них являются словосочетания глаголов с наречиями качества. В этих словосочетаниях наречия примыкают к глаголам и предшествуют им по месту расположения в предложении [Перевощиков 1980: 109].

Словосочетания глаголов с наречиями качества (определятельные наречия) выражают определительно-обстоятельственные отношения. Глагол в них называет действие, а наречие выражает действие, обозначая способ или образ его проявления.

Район ласянь ветлһсьёс кудһз лачмытэн валэктэ, кудһз йкһкадь вераськыны уг вуылы (К. Митр. В., 34). ‘Проверяющие из района некоторые **основательно объясняют**, некоторые толком разговаривать не успевают’.

Кужмысь-кужмысь басьтыны турттһськиз но, табере огшоры-а сётыса лэзёд ни, – Нумья туж куалектыса, Сергеезлы вераса, липет улын пукись муртэз суйтһз кыска (Ал. Мир. Гд., 54). ‘Любыми способами (букв. **насильно**) **купить** старались, и теперь так просто отдадим что-ли, – Зумья,

очень испугавшись, сказав Сергею, дергает за руку сидящего под навесом человека’.

Лъ́кк сь́крысь султэм бераз, трубказэ аратӱз но, ыынзэ вьюшкае пелляса, сопы́р кыске, пумен мур-мур лулскылэ, ялан кызэ (Иг. Гавр. Вп., 687). ‘После того, как [он] встал из-за стола, закурил трубку, пуская дым во вьюшку, **жадно** **затягивается**, иногда **глубоко** **переводит** дыхание, постоянно кашляет’.

Словосочетания глаголов с наречиями количества. К глагольным словосочетаниям с наречиями качества по некоторым признакам близки словосочетания глаголов с количественными наречиями. Количественные наречия составляют особую группу внутри качественных наречий. Эти словосочетания также продуктивны. В них наречия количества также примыкают к стержневому слову и располагаются перед ним. Глагольные словосочетания с количественными наречиями, как и словосочетания с наречиями качества, выражают определительно-обстоятельственные отношения. Однако эти отношения являются здесь обобщением несколько иных смысловых связей. Глагол в таких словосочетаниях называет действие, а наречие – количественную характеристику этого действия (длительность, повторяемость, интенсивность, степень проявления действия и т. д.).

Ачид ке ќд шедьты, колхоз т́рос уз сё́ты, пие (Г. Крас. Вю., 13). ‘Если сам не найдешь, колхоз **много не даст**, сынок’.

Коркан пеймыт, укну нерге гинэ ќжыт пиштэ (Удмурт литература, 141). ‘В доме темно, только небольшое (букв. что-то наподобие) окна **немного светит**’.

Огнол кылӱ: Коньы Толя, пе, кузьмадёс-дауркыл (повесть-легенда) *гожтэм – ваикала Бухараысь вузчиослэн удмуртъёс доры Иднакаррозь вуылэмзы сярысь* (Удмурт литература, 42). ‘**Однажды слышал**, будто Коньы Толя написал повесть-легенду – о прибытии торговцев к удмуртам из древней Бухары в Иднакар’.

Сочетания глаголов с наречиями места. Глаголы сочетаются с разными наречиями места. По группам этих наречий можно классифицировать и словосочетания с названной частью речи.

В **первую** группу входят сочетания глаголов с наречиями места на *-ысь* (*-сь*), соотносительными по своей форме с исходным падежом имен, например:

*Со ачиз старшой вал, час талэсь азьвыл гинэ **вуиз отысь**, нош али сюресэз сураз но пырак нюкетӱ васькиз* (Иг. Гавр. Вп., 664). ‘Он сам старшим был, час тому назад только **оттуда прибыл**, а сейчас дорогу перепутал и прямо по оврагу спустился’.

*Кин гинэ **татысь** кытчы ке **кошкиз** яке кошкины гинэ дасяськиз, тон соку ик мыным вералод* (Иг. Гавр. Вп., 672). ‘Кто **отсюда** куда-нибудь **уйдет** или захочет уйти, ты тогда же мне доложишь’.

*Ми Семиен шумпотыса, **пыдлось лульим*** (Иг. Гавр. Шп, 213). ‘Мы с Семеном, обрадовавшись, глубоко (*букв. из глубины*) **вздыхнули**’.

Глагольные словосочетания с наречиями на *-ысь* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в них отвлеченно называет место, откуда исходит движение, действие, обозначенное глаголом. С наречиями на *-ысь* обычно сочетаются глаголы движения, реже – глаголы действия.

Во **вторую** группу входят сочетания глаголов с такими наречиями на *-ысен*, которые по своей форме соотносительны с отдалительным падежом имен, например:

***Кыдёкысен** гинэ **кылӱське** тэльлэн куашетэмез, каньылля лульылэмез; олокытын, азвесез кисьтэм сямен, мур жонгыртэ...* (К. Герд, М., 13). ‘Лишь **издалека слышится** шум леса, его легкое дыхание; где-то, словно звук серебра при пересыпании, глубоко звенит...’.

Татысен** соос Москва пала выль наступление **дасяны чаклазы (Иг. Гавр. Вп., 647). ‘**Отсюда** они **запланировали начать** новое наступление в сторону Москвы’.

Камашев палэнысен эскере сое, аратэм цигаркаез бугыр ындэ (Иг. Гавр. Вп., 648). ‘Камашев **со стороны** ее **проверяет**, [его] зажженная сигарка дымит густыми клубами дыма’.

Между глагольными словосочетаниями первой и второй группы наблюдаются некоторые элементы общности. Словосочетания глаголов с наречиями на *-ысь*, так и с наречиями на *-ысен* выражают обстоятельственные отношения на основе следующих смысловых связей. Глагол в них обозначает движение или действие отвлеченного значения (восприятие), а наречие показывает направленность движения, действия. В словосочетаниях с наречиями на *-ысен*, как и с наречиями на *-ысь*, стержневыми словами чаще являются глаголы движения и восприятия.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ысь* выражают движение, действие и место, откуда оно исходит. А словосочетания глаголов с наречиями на *-ысен* обозначают движение, действие и откуда оно исходит, с какого пункта начинается.

В **третью** группу входят сочетания глаголов с такими наречиями на *-ын* (*-н*), которые по своей форме соотносительны с местным падежом имен, например:

Котькытын кылһсько капкаослэн, ыбесьёслэн нукуыртэм куараос (Уль. Бадр. Млц., 31). ‘**Везде слышится** скрип ворот и калиток’.

Кыдёкын бомбить карыло: музъем зуркак вырһылэ (Иг. Гавр. Вп., 636). ‘**Вдалеке бомбят**: земля содрогается’.

Отын гранатаос пуштыло, пулемёт дыбыртэ (Иг. Гавр. Вп., 641). ‘**Там** гранаты **взрываются**, пулемет стрекочет’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ын* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих конструкциях отвлеченно называет место, где совершается действие, обозначенное глаголом.

В **четвертую** группу входят сочетания глаголов с такими наречиями на *-ы* (варианты *-э*, *-е*, *-о*, *-а*), которые по функции и по своей форме соотносительны с входным падежом имен, например:

*Писательёс сяна, **татчы лыктһллям** журналистъёс, артистъёс, литкружокъёслэн членъёссы но студентъёс* (Иг. Гавр. Вп., 624). ‘Кроме писателей, **сюда пришли** журналисты, артисты, члены литкружка и студенты’.

*Одһг талантэн гинэ **кыдёке уд мын**, улонэз һеч тодэм кулэ...* (Иг. Гавр. Вп., 634). ‘С одним талантом **далеко не пойдешь**, жизнь надо знать хорошо’.

*Моторъёс вузо, гусеницаос ськд сюез бугыртыса **цабъясько**, нош, азылань мынэм интые, уката но **пыдло месо*** (Иг. Гавр. Вп., 648). ‘Моторы ревут, гусеницы черную землю взрыхляя скребут, но, вместо того, чтобы продвигаться вперед, **глубоко** в землю **зарываются**’.

Словосочетания с наречиями на *-ы*, *-э* (*-е*) выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих построениях отвлеченно называет место, куда направлено действие, движение, обозначенное глаголом.

В большинстве случаев с наречиями на *-ы* сочетаются глаголы движения и восприятия и совсем редко глаголы физического действия.

В **пятую** группу входят сочетания глаголов с наречиями на *-этһ* (*-етһ*), *-тһ*, соотносительными по функциям и по своей форме с переходным падежом имен, например:

***Вылэтһ лобаз** но кошкиз* (Иг. Гавр. Вп., 636). ‘[Он] **Поверху** полетал и улетел’.

***Матэтһ** ик **ортчыло** пуляос* (Иг. Гавр. Вп., 666). ‘Совсем **рядом** **пролетают** пули’.

*Али соос пушказы дорын, нош ыбылэмысь дугдһзы ке, **отһ** но **тамһ ветлыны кутскозы*** (Иг. Гавр. Вп., 668). ‘Сейчас они около своей пушки, но когда перестанут стрелять, и **там** и **здесь** **начнут ходить**’.

Сфера употребления рассматриваемых словосочетаний несколько похожа на уже рассмотренные выше глагольные словосочетания с наречиями других групп. Они выражают обстоятельственные отношения. Наречие в них

отвлеченно называет место, по которому происходит движение, обозначенное глаголом. В качестве стержневого слова выступают в абсолютном большинстве случаев глаголы движения.

В **шестую** группу входят сочетания глаголов с наречиями на *-лань*, соотносительными по функции и своей форме с именами в направительном падеже, например:

Верам кылзэ Наталь берлань медаз басьты шуыса дыртэ (К. Мир. В., 34).
‘Торопится, **чтобы** Наталья **не взяла** свои сказанные слова **обратно**’.

Лудын! – Данто кизэ, вылэ лутыса, азьлань мычиз (Иг. Гавр. Вп., 630).
‘На поле! – подняв руку кверху, Данто **указал вперед**’.

Матвеев, лькк ськрысьтыз султыса, комнатаетӥ солань-талань ветлыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 635). ‘Матвеев, встав из-за стола, **начал ходить** по комнате взад-вперед (*букв. в ту сторону-в эту сторону*)’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-лань* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих словосочетаниях отвлеченно называет направление, куда направлено действие, движение, обозначенное глаголом. Наречия типа *солань-талань* ‘туда-сюда’, *мыдлань-азьлань* ‘взад-вперед’ и др. привносят в основное значение семантический оттенок образа действия, обозначенного стержневым глаголом словосочетания.

В **седьмую** группу входят сочетания глаголов с наречиями, образованными с послелогом *ласянь*, например:

Отын, Сергейлэн участоказ, уг тодо на, дыр, фашистъёс соосты мышласянь атаковать карыны быгатозы шуыса (Иг. Гавр. Вп., 666). ‘Там, на участке Сергея, не знают еще, наверно, что фашисты их **смогут атаковать** с тыла (*с тыльной стороны*)’.

Сергей кызьпуос ськры дугдӥз но урдэсласянь эскерыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 712). ‘Сергей остановился за березами и **начал изучать с боковой стороны**’.

Колхозэз пушласянь куашкатыны каньылгес луоз (М. Кельд. Б., 74).
‘Колхоз **изнутри развалить** легче будет’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-ласянь* выражают обстоятельственные отношения. Наречие в этих конструкциях обозначает, откуда, с какого направления (с какой стороны) происходит действие, движение или восприятие, названное глаголом. С наречиями на *-ласянь*, по сравнению с наречиями на *-лань*, сочетается более широкий круг глаголов. Сюда входят не только глаголы движения и восприятия, но и глаголы другого рода действия.

Словосочетания глаголов с наречиями времени. Словосочетания, образованные по схеме «наречие времени + глагол», можно разделить на две группы:

1. Наречия первой группы, употребляясь с глаголами, выражают определенное время:

Нош лытазе, занятиос бере, сое, аслаз землянказ ктчаса, нимысьтыз пыжиз (Иг. Гавр. Вп., 699). ‘А **вечером**, после занятий, пригласив [его] в свою землянку, отдельно отчитал (букв. испек)’.

Кылзы ай, Камашев, соку, толалтэ, Бобровкаын дыръямы...– вераз Катя, – кызьы-озьы асьме мышкы немецъёс пырыны быгатъзы? (Иг. Гавр. Вп., 680). ‘Послушай-ка, Камашев, тогда, **зимой**, когда мы были в Бобровке...– сказала Катя, – каким образом (букв. как-так) нам в тыл **смогли проникнуть** немцы?’

Уйин Пилат, Прохорез чортыса, кытчы ке кошкиз (Иг. Гавр. Вп., 688). ‘**Ночью** Пилат, позвав Прохора, куда-то ушел’.

Толон обкоме ктчазы (Иг. Гавр. Вп., 690). ‘**Вчера** в обком **вызывали**’.

2. Наречия времени второй группы в сочетании с глаголами могут показывать разные временные отношения:

а) длительность времени действия:

Гужембыт ужаськод-ужаськод но сётаки нянед вылэзь мырдэм гинэ тырме, – Павол, лъкк съкрын пукыса, Сергейлы пумит вераз (Ал. Мир. Куж., 46). ‘**Все лето работаешь-работаешь**, но все равно хлеба до нового урожая еле хватает, – Павел, сидя за столом, возразил Сергею’.

Пилат лумбыт цожэ кияз тһрен, ымаз трубкаен азбаретһ **поръя**: мае ке сое кока, лусье, азбарысь лымыез мыче, пу пильылэ, скаллы турып куштэ (Иг. Гавр. Вп., 691). ‘Пилат **целый день** с топором в руках ходит, с трубкой во рту по двору **разгуливает**: что-то прибывает, стругает, чистит снег во дворе, дрова колет, корове сена бросает’.

Сюресбыт Сергей лыдһиз, шахматэн шудһз (Иг. Гавр. Вп., 709). ‘Всю дорогу Сергей **читал**, играл в шахматы’.

Котькуд трактористлэн нимаз бусыез вал, сётэм планзэс нуналскын одно ик быдэстоно (Уд, № 125, 2008). ‘У каждого тракториста было отдельное поле, заданный план **нужно** было обязательно **выполнить в течение дня**’.

Тазьы ке турназы, одһг арняскын турып люканэз но быдтозы, собере колхозникъёслы асьсэлы турнаны нунал сётозы, дыр (Ев. Самс. Сан., 302). ‘Если так будут косить, **за одну неделю завершат** заготовку сена, потом, наверно, колхозникам самим дадут [один] день для своих покосов’.

Словосочетания глаголов с наречиями на *-быт* и *-скын* выражают обстоятельственные отношения. Как и наречия на *-быт*, так и наречия на *-скын* в этих словосочетаниях называют время действия, обозначенного глаголом. Но это время выражается разными оттенками. В глагольных словосочетаниях с наречиями на *-быт* говорится, что действие происходит во весь тот период, который называется наречием. А в глагольных словосочетаниях с наречиями на *-скын* указывается лишь на то, что действие происходит в такой-то период, но не подчеркивается, что оно совершается во весь или не во весь этот период.

б) время действия до определенного периода:

Сое но уг вунэты: 1930 арын Прохор Камашев тулысозь сюдһз но колодча ськрьсь пичи коркан сиесъёсын но мукет тһрлыкъёсын ватыса возиз Пилатэз (Иг. Гавр. Вп., 687). ‘И этого не забывает: в 1930 году Прохор Камашев **до весны кормил** и держал Пилата, спрятав его в маленький домик за колодцем, в котором держал сбрую и другие инструменты’.

Цукнаозь кз быгатэ умме усыны артистъёс но (Иг. Гавр. Вп., 729). ‘И артисты **не смогли заснуть до утра**’.

Мон татчыозь уг тодӱськы на вылэм... (Удмурт литература, 90). ‘Я до сих пор, оказывается, **не знал...**’.

Наречие на *-озь* называет такой отрезок времени, до которого совершается (совершилось или будет совершаться) действие, обозначенное стержневым глаголом словосочетания.

в) время как начало действия, с каких пор протекает действие, например:

Кемалась ик кӱкл пленэ шедем ӱуч солдатъёсын Германие мынӱсь поездэз партизанъёс кырмызы (Удмурт литература, 83). ‘Совсем недавно партизаны **захватили** поезд, который вез попавших в плен русских солдат в Германию’.

Вераме потэ созэ но: туӱысен шаерысьтымь предприятиосты кышкытлыкӱсь утиськон ласянь уката но зол чаклалозы (Уд, № 026–027, 2008). ‘Хочется сказать и следующее: **с этого года** особенно **повысится** уровень контроля предприятий нашей республики от несчастных случаев’.

Президентэ бырийизы, малпасько, осконзэс быдэстӱ – тямьс ар ӱожэ мон ӱукысен уӱзь ляльчи сямен тырши (Уд, № 024, 2008). ‘Выбрали в президенты, думаю, я оправдал их доверие – на протяжении восьми лет я **с утра до ночи работал**, словно батрак’.

Словосочетания глаголов с причинно-целевыми наречиями

Куддыръя сыце строгой, одӱг серем кыл вераны уд дӱсьты, нош куддыръя юнме шорысь лӱптэ, чылкак клоун но тӱни (Иг. Гавр. Вп., 461). ‘Иногда такой строгий, ни одного смешного слова сказать не посмеешь, а иногда ни с того, ни с сего (букв. **напрасно**) **радуется**, вылитый клоун и все тут’.

Т. Архипов лыдӱнисьёсызлы нырысь ик юромом уг вера, малы Лариса аслэсьтыз картсэ — «горд партизанэз» — гестапо ки улэ сётэ (Удмурт литература, 84). ‘Т. Архипов [своим] читателям **нарочно** вначале **не**

говорит, почему Лариса своего мужа – «красного партизана» – отдает в руки гестапо’.

Удмурт Республикаысь Кун Кенешлэн аппаратэныз кивалтӥсь Виктор Жидков нимысьтыз пусйиз тужгес но арлыдо, озьы ик самой егит депутатъёсты (Уд, № 026–027, 2008). ‘Руководитель аппарата Государственного Совета Удмуртской Республики Виктор Жидков **отдельно отметил** самых старших, а также самых молодых депутатов’.

По мнению П. Н. Перевощикова, причинно-целевые наречия не имеют семантической определенности, их значения уточняются в контексте, т.е. другими словами словосочетания и всего высказывания. Так, наречия **юри** и **юрмо** могут быть употреблены в совершенно противоположных значениях: «напрасно, зря» и «нарочно, специально». Кроме того, в одном и том же значении могут быть применены несколько наречий. Так, для выражения понятия «напрасно, зря» может быть употреблено в речи любое из следующих наречий: *юри, юром, юнме, юнме шорысь, токма, токма шорысь, дауре*. С этим связано в известной мере еще одно явление – это почти полное отсутствие в удмуртском языке наречий, выражающих чисто причинные отношения. Как правило, отношения цели выражаются теми же наречиями, которыми обозначаются отношения причины.

Сфера употребления глагольных словосочетаний с причинно-целевыми наречиями сравнительно узкая. Описываемые словосочетания выражают обстоятельственные отношения. Наречие называет причину, цель действия, обозначенные глаголом [Перевощиков 1980: 123].

Словосочетания деепричастий с наречием. Деепричастия в удмуртском языке могут вступать в сочетание с наречиями качества, количества, места, времени и цели. В этих словосочетаниях деепричастие называет действие, а наречие может выражать качественную характеристику действия, может указывать на количество, место, время и цель действия. Организующим словом в рассматриваемых словосочетаниях является

деепричастие, а наречие примыкает к нему в качестве зависимого члена словосочетания.

Шудо лу, Наталь, та лъкк ськрын, – шуиз но сэрытак потыса кошкиз (К. Митр. В., 34). ‘Будь счастлива, Наталья, за этим столом, – сказал и, **быстро выйдя**, ушел’.

Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – шуыса, могась Ондреез азылань чортыса нуизы (Ал. Мир. Гд., 55). ‘Ну, нет так, идем дальше, некогда тут стоять, – сказав, заикающегося Андрея **повели вперед**’.

Кенос ксэз пуньяз но лампа доры матэ кариськыса лыдһиз (Иг. Гавр. Вп., 20). ‘[Она] Закрыла двери амбара и, приблизившись к лампе, прочитала’.

Дурыстэм трос юэмысьтыз, ана дурын мукнаозь лошьяськыса изиз (Г. Мед. Л., 116). ‘Из-за того, что [он] выпил чрезмерно много, проспал до утра провалявшись у полосы пахотной земли’.

Тазы малпаса, Катялэн сюлмыз капчигес луиз (Иг. Гавр. Вп., 9). ‘**Так подумав**, на сердце у Кати стало полегче’.

Ондрей пегһыны кз вуы, сое кутһзы но кема юалляськыса кз улэ, Уча пала нуыса кошкизы (Иг. Гавр. Вп., 10). ‘Андрей не успел убежать, его поймали не стали **долго расспрашивать**, увели в сторону [села] Уча’.

Нош одһг нуналэ Катялэн улонэз пияла кадь тэшказ но берло быдэсак скриськыса кошкиз: дядиез но нэнэз сое картлы сётыны вераськызы (Иг. Гавр. Вп., 11). ‘Но в один день жизнь Кати разбилась как стекло и потом, **полностью** разладившись, покатилаь: отец и мать решили выдать ее замуж’.

Уродлы уг лэсьтһськы, тыныд но нэнэды ньеч малпаса турттһсько (Иг. Гавр. Вп., 12). ‘**Плохого не думаю**, тебе и твоей матери добра желаю’.

Мон но тани туж куректыса бызи, мылпотонтэм азе сётһзы (Иг. Гавр. Вп., 12). ‘Я вот тоже с большой неохотой вышла замуж, в нежеланное место отдали’.

Дирижёр кизэ вылэ лутыса шоналтһз, сцена вылысь артистһёс кужмо куараен кырһаны кутскизы, чылкак черкын кадь (Иг. Гавр. Вп., 51).

‘Дирижер взмахнул, **подняв** руку **вверх**, артисты, стоявшие на сцене, начали петь звонким голосом, словно в церкви’.

Макем шумпотыса кутозы книгазэ атаез, анаез но пичи сузэрез (Иг. Гавр. Вп., 13). ‘**Очень обрадовавшись** возьмут [в руки] его книгу отец, мать и маленькая сестра’.

Вася, синъёссэ сак карыса, ванъзэ эскере, кинэ ке утча (Иг. Гавр. Вп., 14). ‘Вася, **навострив** глаза, все разглядывает, кого-то ищет’.

Озбы кесяськыса, пиналъёс тузон пуръытыса бызизы (Иг. Гавр. Вп., 15). ‘**Так крича**, бежали ребята, поднимая клубы пыли’.

Сюлэмшугзэ ватон понна, тыраз аракыен цашаез кутъз но шуак юиз, ымнырзэ юри шымыртыса, нырулкышетэныз цушылыны кутскиз (Иг. Гавр. Вп., 17). ‘Чтобы скрыть свои переживания, [она] схватила наполненную чашку и быстро выпила, **нарочно сморщив** лицо, стала вытирать его платком’.

Уноез парен-парен кунулскыса ветло (Иг. Гавр. Вп., 22). ‘Многие **ходят** под ручку **парами**’.

Къжыт улыса, корказь къс усътъськыз (Иг. Гавр. Вп., 24). ‘**Немного погода**, открылась дверь в сенях’.

Кыдѣкысен учкыса, со бусы нап турын кадь чильыр-вальыр тулкымъяське, матаз лыктъськод но – урод, туж урод (Иг. Гавр. Вп., 39–40). ‘**Посмотрев издалека**, это поле, словно густой травой переливаясь, колышется, близко подходишь – плохо, очень плохо’.

По наблюдениям П. Н. Перевощикова, в удмуртском языке из всех разрядов наречий чаще всего употребляются в словосочетаниях с деепричастиями наречия качества и количества. Широкая распространенность сочетаний деепричастий с данными наречиями объясняется семантикой деепричастий, нуждающихся в таких определениях, которые могут выражать характеристику любого действия. Второе место по распространению в употреблении занимают словосочетания деепричастий с наречиями места и времени. Словосочетания деепричастий с наречиями цели

употребляются крайне редко, вследствие того, что названная категория наречий представлена ограниченной группой слов.

Деепричастие выступает в словосочетании с наречием той или иной семантической группы в прямой зависимости от того, в каком смысловом уточнении нуждается [Перевощиков 1959: 157–158].

Словосочетания причастий с наречием. Являясь образованием гибридного характера, причастие сохраняет признаки вместе с основой глагола, от которого оно образовано, и признаки прилагательного. Как отмечает Л. И. Калинина, способность причастия подчинять себе зависимые слова и образовывать конструкции зависит от валентных свойств финитного глагола. Поэтому в принципе структурно-семантические типы причастных конструкций и глагольных словосочетаний одинаковы [Калинина 2001: 67].

Наречия, как правило, всегда употребляются с причастием лишь в причастных конструкциях. Как и в словосочетаниях с деепричастиями, организующим словом в словосочетаниях является причастие, а наречие примыкает к нему в качестве зависимого члена словосочетания:

*Солэн корказ, одѣг пичи висэтаз **дэмен люкаськем** беразы, пурьсытам Лепуш пыдлось лулъыса вераз:...* (М. Кельд. Б., 72). ‘В его доме, после того как они все собрались в одной маленькой комнате, посевший Лепуш глубоко вздохнув, сказал:...’.

*Вить минутѣм собрание бырем бере, соос Шахмаевен цошен гинэ кылизы но, Майоров **кецевыл сынам** йырсиэзэ маялтыса шуиз:...* (С. Ших. Тув., 74). ‘После завершения пятиминутного собрания они остались вдвоем с Шахмаевым и проведя [руками] по **зачесанным наискосок** волосам, Майоров сказал:...’.

*Солэсь **юн жугиськись** сюлэмзэ лутыса вормонтэм изэн кадь пачкатѣз егит кузпалэныз люкиськон – кык толэзь но улыса кз вуттэ ук соос* (С. Ших. Тув., 76). ‘Его **сильно бьющееся** сердце, словно тяжелым камнем, придавила разлука с молодой женой – и двух месяцев ведь не прожили они’.

Озбы малпаськыса пуконъяз, кыдѣкын вераськем куараез кылһз (М. Кельд. Б., 76) ‘Вот при таких раздумьях, вдалеке [он] услышал разговоры’.

Олокытһ-мар кымалтһз но мышлань куасам киосаз наручник борһаз (С. Самс. В., 218). ‘Неизвестно когда и как повалил [его] и защелкнул наручники на **загнутых назад** запястьях’.

Мон номырзэ уг валаськы ... – ккшкемаса сямен, Иван дорысь, азьпала урдэм киоссэ сзѣяса, берлань чигнаны кутскиз Зотов (С. Самс. В., 135). ‘Я ничего не понимаю... – словно боясь, размахивая **вперед выставленными** руками, Зотов начал пятиться назад от Ивана’.

Со катанчи азьын юри лэсьтэм котырес интыын крезьчиос пуко (Иг. Гавр. Вп., 50). ‘В этом круглом, **специальном сделанном** месте, у занавеса, сидят гусяры’.

Ваньзэ сое согыса, куакъёс пклын ӳашетыны кутске ялан кужмоясь ткл (С. Ших. Тув., 8). ‘Заглушив все это, в кустах начинают шуметь **постоянно усиливающийся** ветер’.

Словосочетания прилагательного с наречием. Сочетаясь с прилагательным, наречие может дополнять признак предмета, выраженный прилагательным, выступать как усилитель этого признака, например:

Судья, азяз кыллись делоез бур киыныз матэ кыскыса, йырзэ паллян пала кжыт кырыж кариз но суд улэ шедем муртъёслэсь маке-со юалляськыса лыдһыны кутскиз обвинительной заключениез... (Ал. Мир. Куж., 52). ‘Судья, правой рукой приблизив к себе лежащее перед ним дело, **немного** наклонил голову влево и, кое-что поспрашивав, принялся читать обвинительный приговор попавших под суд людей...’.

Катя сокем визьтэм кѣкл, ассэ ачиз уз быдты (Иг. Гавр. Вп., 43). ‘Катя не **настолько глупа**, сама с собой не покончит’.

Только гуосыз татын укыр бадһымесь но муресь (С. Ших. Тув., 4). ‘Только траншеи здесь **слишком большие** и глубокие’.

*Силезие, Одер шур дуре, вуыса, сюресмес пытсаз гитлеровецъёслэн «Одерский четырёхугольник» шуыса нимаськись **туж** зол юнматском интызы* (С. Ших. Тув., 36). ‘Прибыв в Силезию, к реке Одер, нам путь преградила **очень сильно** укрепленная гитлеровская позиция, называемая «Одерский четырехугольник»’.

*Соос тушмонъёслы **уката кышкыт** адњиськыны кутскизы* (С. Ших. Тув., 45). ‘Они стали казаться для врагов **еще страшнее**’.

Словосочетания наречия с наречием. Очень часто наречия сочетаются с другими наречиями. Например, два наречия времени могут стоять рядом и выражать признак одного действия. При этом первое из них имеет более общее, более широкое значение, а второе указывает на конкретный отрезок времени и уточняет первое, например:

***Толон...лыт...кутскизы** коркась поттаны* (С. Ших. Тув., 7). ‘**Вчера...вечером...**начали из домов выводить’.

*Урамын чалмытском бере, монэ со сюдћз, нош **бер уйин** ми пересь чехен партизанъёс доры гурезе потћм* (С. Ших. Тув., 41). ‘После того, как на улице все успокоилось, она меня накормила, а **поздно ночью** мы со старым чехом отправились в горы к партизанам’.

*Параска **туннэ цукна** куамын курегпуз бичам, эх, шу!* (Г. Крас. Вю., 18). ‘Параска **сегодня утром** тридцать штук яиц собрала, эх, ма!’.

В других случаях при помощи сочетаний двух наречий образуется их усилительная степень, образованная аналитическим способом, например:

*Пыргытэм но пазям техника, усъылэм шќйёс **уката трос** кылемын Гжатск-Вязьма кусты* (С. Ших. Тув., 3). ‘**Больше всего** раздавленной и разбросанной техники, тел погибших осталось в районе Гжатск-Вязьмы’.

*Табере пьесадэ уд адњы ни, – Катя **уката кужмо** серекъяны ќдьяз* (Иг. Гавр. Вп., 90). ‘Теперь свою пьесу уже не увидишь, – Катя **еще сильнее** начала смеяться’.

*Партизанской отряд интыяськемын вал гурезь йылын **туж** **вылын**, кыце ке пещераын* (С. Ших. Тув., 41). 'Партизанский отряд был расположен **очень высоко** на горе, в какой-то пещере'.

*Партизанъёс быдтэмын малпаса, фашистъёс гурезь ултӱ ортчись шоссеез бомбежка бере ик сузяллям но, отӱ фронт пала **туж** **эркын** ветлыны кӧдъяллям продовольствиен но боеприпасъёсын машинаос* (С. Ших. Тув., 43). 'Решив, что партизаны уничтожены, фашисты очистили шоссе, проходящее снизу горы, заваленное после бомбежки и по нему **очень свободно** стали двигаться в сторону фронта машины с продовольствием и боеприпасами'.

Заключение

Наречие – несклоняемая и неспрягаемая самостоятельная часть речи, которая обозначает признак действия или признак другого признака, по образованию соотносится со многими самостоятельными разрядами слов, а в предложении является обстоятельством, примыкая обычно к глаголу, реже к прилагательному и наречию.

Анализ удмуртских наречий по значению, образованию, роли в предложении, обзор их особенностей в этом языке позволяет сделать некоторые выводы:

1. В удмуртском языке наречие – это самостоятельная часть речи, которая представляет собой разряд слов, четко различаемых по своим семантическим, морфологическим и синтаксическим признакам. Эти признаки взаимосвязаны, их совокупность определяет принадлежность слова к категории наречий. В том или ином слове один из этих признаков может быть выражен в большей степени, другой – в меньшей, но только все три признака, вместе взятые, определяют наречное слово.

2. Являясь одной из самых молодых частей речи, наречие имеет глубокую историю. Формирование категории наречия наметилось уже в финно-угорском языке-основе. Современные финно-угорские и самодийские языки сохранили следы периода, когда отдельные обстоятельства выражались бессуффиксными формами имен; ср. к. *та-лун* ‘сегодня’, *та-во* ‘в этом году’, в. *minden nar* ‘каждый день’, ‘ежедневно’, х. *tam luŋ* ‘нынешним летом’.

Путь развития этой категории слов от древнейших времен до современности – это путь количественного и качественного пополнения их состава, путь приобретения новых значений и расширения сферы старых.

3. Внутри категории наречия, как и в большинстве других языков, как родственных, так и неродственных, существуют два основных типа, резко отличающихся друг от друга по значению: обстоятельственные и определительные.

Каждый из основных семантико-функциональных разрядов наречий включает в себя несколько подразрядов. Наиболее устоявшееся разделение имеют обстоятельственные наречия. В их составе традиционно отмечаются группы наречий места (*кыдѣкын* 'далеко', *татын* 'здесь', *педло* 'на улицу', *улласянь* 'снизу', *вылэ* 'наверх', *татысен* 'с этого места' и др.), времени (*али* 'сейчас', *толбыт* 'целую зиму', *толалтэозь* 'до зимы', *туннэысен* 'с сегодняшнего дня', *уйин* 'ночью', *толон* 'вчера', *куке* 'когда-то', *кемалась* 'давно' и др.) и причинно-целевые наречия (*юнме*, *токма* 'зря, напрасно', *юри* 'нарочно', *огшоры* 'просто так', *нимысьтыз* 'специально', *малы* 'почему', *малы ке* 'почему-то' и др.). Причем группа наречий причины и цели является самой малочисленной. К определительным наречиям в удмуртском языке относятся наречия образа или способа действия: *озьы* 'так', *шуак* 'вдруг', *мылысь-кыдысь* 'усердно, энергично', *чаляк* 'быстро', *кужмысь* 'насильно', *нялтас* 'попутно', *уртче* 'вместе, совместно' и др.; наречия степени: *ортчым* 'слишком', *укыр* 'очень', *уката* 'очень', *дурыстэм* 'чрезмерно, через край', *сокем* 'настолько, так', *туж* 'очень', *лекос* 'очень, слишком' и др.; наречия меры и количества: *далай* 'порядочно, давненько', *чарак* 'порядочно', *огпол* 'однажды', *кыктой* 'в течение двух дней', *дасой* 'в течение десяти дней', *тырмыт* 'достаточно, полно' и др. В качестве четвертой подгруппы в составе определительных наречий отмечаются наречно-изобразительные и звукоподражательные слова (*бугыль-бугыль* *пинал луэм ни* 'ребенок уже стал пухлым', *бугырак* *нянь лкптэмын* 'тесто очень пышное', *быз-быз* *сиськи* 'плотно поел', *быльк-быльк* *синмыз петлань потэмын* 'глаза вылезли наружу', *домбыль* *адями* 'толстый человек', *бульыр-бульыр* *ошмэс потэ* 'бурча бьет родник', *вуи-вуи* *бкрдһз* 'плакал всхлипывая', *ток-ток* *сюлэм йыгаське* 'тук-тук! бьется сердце', *гудыр-гудыр* *кариз* 'прогремел', *домбыр-домбыр* *гитараен шудэ* 'бренчит на гитаре', *кунык-вунык* *бкрдэ* 'плачет всхлипывая', *чикыр-чикыр* *пинь ньукыртэ* 'зубы скрежут' и др.), до сих пор не имеющие определенного грамматического

статуса в системе частей речи, как в удмуртском, так и во многих других языках.

Разделение наречий на семантические группы не влечет за собой жесткого определения их границ. Существуют активные переходы между разрядами внутри семантических классов. Одно и то же слово может совмещать в себе различные значения, наиболее ярко проявляя какое-то одно в определенном контексте.

4. Категория состояния, в отличие от наречий, в удмуртском языке выражает различные состояния субъекта или предмета. Основными семантическими и синтаксическими признаками слов этой категории служит то, что они выступают в роли сказуемого в безличных предложениях и служат для выражения состояний (а не процессов); при этом в отличие от глагола они лишены изменений по наклонениям и временам.

5. Наиболее яркое отражение современное состояние категорий наречий в удмуртском языке находит в анализе способов и форм их словообразования. Словообразование наречий современного удмуртского языка – это пестрая картина количественного пополнения состава этой категории за счет других частей речи. Многообразие словообразовательных приемов в стабилизации наречий еще раз подтверждает факт непрерывного развития и усовершенствования этой части речи.

6. Наиболее устоявшимися основными типами наречного словообразования в удмуртском языке являются следующие:

1) морфологический. Аффиксальный способ образования наречий является наиболее продуктивным методом наречного словообразования, и данный способ играет активную роль в становлении наречия как части речи. Целый ряд аффиксов, присоединяясь к словам-основам различных частей речи коренным образом меняя прежний смысл и значение этих слов, переносят их в разряд наречий, то есть словообразовательные форманты не только создают новые слова, но и квалифицируют, распределяют их по определенным грамматическим классам.

Основными аффиксами образования наречий удмуртского языка являются суффиксы *-быт*, *-ой* (*-ёй*), *-скын* (*-кын*), *-ак* (*-як*), *-эн* (*-ен*) и префиксы *коть-*, *оло-*, *но-*.

2) синтаксический. Синтаксический способ образования наречий в удмуртском языке включает:

а) образование наречий путем повторения или удвоения основ (*кытћ-кытћ* 'кое-где, местами; иногда', *вылэтћ-вылэтћ* 'высоко', *мырдэм-мырдэм* 'еле-еле', *лог-лог* 'быстро', *кыдёке-кыдёке* 'далеко', *кырыж-мерыж* 'криво-косо', *ури-бери* 'поспешно, спешно, очень быстро', *чукин-бекин* 'вразвалку', *кымин-гопин* 'вразвалку' *кесэген-кесэген* 'отрезками, кусками', *толэзен-толэзен* 'месяцами', *кырымен-кырымен* 'по горсточке, горсточкаме', *солань-талань* 'туда-сюда', *отын-татын* 'там и сям, кое-где', *отысь-татысь* 'оттуда-отсюда', *куке-соку* 'когда-то тогда', *берлань-азьлань* 'взад-вперед', *кузен-вакчиен* 'неровно, неодинаково (по длине)', *уен-нуналэн* 'днем и ночью', *лытэн-иукен* 'по утрам и вечерам', *лулысь-сюлмысь* 'усердно, от всего сердца', *гижысь-пиньысь* 'энергично, настойчиво', *мылысь-кыдысь* 'охотно, с желанием' и др);

б) образование наречий через основослияние (*собере* 'затем, потом, после, впоследствии', *табере* 'теперь, сейчас', *огазе* 'в одно место, воедино', *огвадес* 'иногда, временами', *огвакыт* 'иногда, временами', *огвалысь* 'заодно; оптом, сразу', *оггужем* 'за лето; однажды летом', *огдыр* 'одновременно, в одно время', *куддыр* 'иногда, порой, временами', *кудпалан* 'где, в какой стороне, в каком направлении', *уллапалась* 'снизу, с нижней стороны', *выллапалась* 'сверху, с верхней стороны', *берпалась* 'с задней стороны', *азьпалась* 'спереди; впереди', *кыкнапалась* 'с двух сторон', *кытысь ке* 'откуда-то', *кызы ке* 'как-то', *куке* 'когда-то' и др.);

в) образование наречий, образованных из словосочетаний (*висьымтэ шорысь* 'неожиданно', *шкдымтэ шорысь* 'неожиданно', *лытлы быдэ* 'ежевечерне, каждый вечер', *нуаллы быдэ* 'ежедневно, каждый день', *арлы быдэ* 'ежегодно, каждый год', *нюч сямен* 'по-русски', *удмурт сямен* 'по-

удмуртски', *уйшор уин* 'ночь в полночь', *толон валлян* 'позавчера', *нуналысь нуналэ* 'изо дня в день', *б́крсьысь б́крсьы* 'друг за другом', *минутысь минутэ* 'ежеминутно', *вылысьтыз вылаз* 'друг за другом' и др.);

3) морфолого-синтаксический. В удмуртском языке большая группа наречий возникла путем лексикализации отдельных форм словоизменительной парадигмы имен в результате семантического выпадения одной формы из словоизменительного ряда. Обычно адвербиализации подвергаются формы местных падежей (инессив: *азьын* 'вперед', *пушкын* 'внутри', *улын* 'внизу'; элатив: *улысь* 'снизу', *вылысь* 'сверху', *урдсысь* 'сбоку'; иллатив: *вылэ* 'наверх', *улэ* 'вниз', *ваче* 'вдвоем наедине'; аппроксиматив: *азьлань* 'вперед', *берлань* 'назад', *выллань* 'вверх, наверх'; эгрессив: *улысен* 'снизу', *вылысен* 'сверху', *шорысен* 'с середины'; пролатив: *вылэтћ* 'поверху, высоко', *улэтћ* 'понижу, низко', *татћ* 'здесь, по этому месту'; терминатив: *вылћозь* 'доверху', *улћозь* 'донизу', *татчыозь* 'до этого места; до сих пор'), а также некоторых объектных (инструменталь: *пыдын*, *пудэн* 'пешком', *мышкин* 'спиной; задом', *уйин* 'ночью' и др.).

Вторым способом транспозиции является конверсия. Такие слова, принадлежность которых к определенной части речи устанавливаются только в предложении, где они одеваются в соответствующие словоизменительные формы и вступают в связь с другими словами, называются категориально недифференцированными словами. Определяющим моментом является синтаксическое положение слов (Напр., *шуныт* – имя существительное 'тепло, теплота' (*гурлэн шунытэз* 'тепло печки') – имя прилагательное 'теплый' (*шуныт сћзьыл* 'теплая осень') – наречие 'тепло' (*шуныт пумитаз* '[он] тепло встретил'); *шулдыр* – имя существительное 'веселье, радость' (*шулдырез кз вала* '[он] веселья не понял') – имя прилагательное 'веселый, радостный' (*шулдыр кырһан* 'веселая песня') – наречие 'весело, радостно' (*шулдыр пумитазы* '[они] весело встретили'); *секыт* – имя существительное 'тяжесть' (*секытэз кз шкды* '[он] тяжести не почувствовал') – имя прилагательное 'тяжелый'

(*секыт уж* ‘тяжелая работа’) – наречие ‘тяжело’ (*секыт ортчиз* ‘тяжело прошло’); *кезьыт* – имя существительное ‘холод’ (*кезьыт вуиз ни* ‘холод уже пришел’) – имя прилагательное ‘холодный’ (*кезьыт омыр* ‘холодный воздух’) – наречие ‘холодно’ (*кезьыт пумитаз* ‘[он] холодно встретил’) *цукна* – имя существительное ‘утро’ (*цукнаез возьмай* ‘[я] ждал утра’) – имя прилагательное ‘утренний’ (*цукна шунды* ‘утренний ветер’) – наречие ‘утром’ (*цукна школае мынӱ* ‘утром [я] пошел в школу’)). В удмуртском языке категориальная недифференцированность наблюдается среди следующих частей речи: а) существительные, прилагательные, наречия б) прилагательные и наречия в) наречия, прилагательные, послелогии г) наречия, послелогии.

7. В современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная (*лог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.), б) сравнительная (*логгес* ‘побыстрее’, *мургес* ‘глубже’, *шергес* ‘реже’, *шугенгес* досл. ‘более трудно’, *тросгес* ‘больше’, *чалякгес* ‘быстрее’, *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.) и в) превосходная (*самой азьпалан* ‘впереди всех’, *самой матын* ‘ближе всех’, *самой бер* ‘позже всех’ и др.).

8. В удмуртском языке выделяется три степени качества наречий: а) позитивная (*мур малпаськыны* ‘глубоко думать’, *шуак кошкыны* ‘неожиданно уйти’, *чебер лутскыны* ‘красиво подняться’ и др.), б) уменьшительная (модератив) (*ложмыт вазиз* ‘[он] с грустью (букв. грустновато) сказал’; *буртчин дэремез лызалэс ворекъя* ‘[её] шёлковое платье переливается голубоватым цветом’; *ваньмыз соослы лъкълпыр адске* ‘им всё видится в розовом цвете’ и др.) и в) усиительная (интенсив) (*ӱеч-ӱеч малпаны* ‘хорошенько подумать’, *умой-умой валаны* ‘хорошо-хорошо понять’, *юг-юг гкртыны* ‘покрыться белым-белым инеем’ и др.; *туж лог* ‘очень быстро’, *туж мур* ‘очень глубоко’, *туж шер* ‘очень редко’ и др.).

9. Основная синтаксическая особенность наречия – быть в предложении обстоятельством. Примыкая к глаголу, наречие выражает функцию различных обстоятельств: времени, места, цели, образа или способа

действия, степени, меры и количества. Кроме обстоятельственной функции, наречие в предложении может играть роль сказуемого.

Наречия в удмуртском языке, вступая в синтаксическую связь с другими словами, участвуют в образовании синтаксических сочетаний. В предложении наречие как знаменательная часть речи обязательно сочетается с другими словами. Как правило, наречия сочетаются с глаголами (деепричастиями, причастиями). Не исключена возможность сочетания их с другими частями речи, с такими как прилагательные и наречия.

Список сокращений

Сокращение названий деревень

НК – д. Нижняя Кузьма Глазовского р-на

Пш – д. Пусошур Глазовского р-на

Тш – д. Трубашур Глазовского р-на

Сокращение языков и диалектов

венг. – венгерский язык

вс. – верхнесысольский диалект

доперм. – допермский язык

к. – коми язык

кя. – коми-язьвинский диалект

лл. – лузко-летский диалект

мар. – марийский язык

нв. – нижевычегодский диалект

нган. – нганасанский язык

общеп. – общепермский язык

ок. – коми-пермяцкие диалекты Коми-Пермяцкого округа

саам. – саамский язык

скр. – присыктывкарский диалект

уд. – удорский диалект

удм. – удмуртский язык

ф. – финский язык

хант. – хантыйский язык

ц.-сл. – церковно-славянский язык

чув. – чувашский язык

эрз. – эрзянский язык

Библиографический список

1. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200403604>

2. *Алатырев В. И.* Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГУ. № 105. Вып. 2. Л., 1947. С. 216–236.
3. *Алатырев В. И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15.
4. *Алатырев В. И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1976. С. 15–36.
5. *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: Рус. яз., 1983. С. 561–591.
6. *Алашеева А. А.* Туала удмурт кыл: Сямкыл. Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Туала удмурт кылья но сое дышетон амальёсья кафедра. Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2003. 31 б.
7. *Архипов Г. А.* Аффиксальное образование наречий // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Устинов, 1986. С. 55–62.
8. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык: Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-осетинское кн. изд-во, 1965. 488 с.
9. *Балашица Й.* Венгерский язык. Пер. с венг. О. В. Громова, И. В. Салимона, Ю. И. Шишмоница / Ред., пред. и прим. К. Е. Майтинской. М.: Изд-во ин. лит, 1951. 376 с.
10. *Боровков А. К.* О частях речи в языках тюркской системы // Революция и письменность. М., 1936 № 2, С. 90–97.
11. *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного коми языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова, 1949. 208 с.

12. *Бушмакин С. К.* Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 23–25.

13. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.: ил.

14. *Ванюшев В. М.* Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / РАН. УрО. Удмуртский институт истории, языка и литературы; Науч. ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 295–301.

15. *Вахрушев В. М.* Наречие // Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П. Н. Перевощикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. С. 294–316.

16. *Верецагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1.: Труды по языкознанию / Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

17. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

18. *Гаврилова В. Г.* Количественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. С. 36–38.

19. *Галкина-Федорук Е. М.* Наречие в современном русском языке / Моск. гос. ин-т ист, филос. и лит. М., 1939. 156 с.

20. ГСБЛЯ – Грамматика современного башкирского литературного языка / Ин-т ист., яз. и лит. АН СССР. М.: Наука, 1981. 496 с.

21. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык: Фонетика и морфология. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1961. 432 с.

22. ГИЯ – Грамматика испанского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.franklang.ru/download/Gramatica_rus.zip
23. *Глезденев П. П.* Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.
24. ГМЯ – Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: Фонетика и морфология / НИИ яз., лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Морд. АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. 376 с.
25. *Горохов П. Д.* Учебник удмурт языка. Ижевск, 1929. 232 с.
26. *Гочияева С. А.* Наречия в карачаево-балкарском языке / Карачаево-черкесский НИИ экон., ист., яз. и лит. Черкесск: Карачаево-черкесское отделение ставропольского кн. изд-ва, 1973. 119 с.
27. ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П. Н. Перевощикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
28. ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 250 с.
29. ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева. Ижевск: Удмуртия, 1974. 167 с.
30. ГСЯЯ – Головнин И. В. Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ, 1986. 316 с.
31. ГФЯ – Грамматика финского языка: Фонетика и морфология / Ин-т яз., лит. и ист. АН СССР. Карельский филиал. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 296 с.
32. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. И-О. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955. 780 с.
33. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 202 с.

34. *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 607 с.
35. *Дуйсенбина А. Т.* Когнитивно-семантическая природа конверсиров в казахском и немецком языках: Автореф. ... канд. филол. наук. Республика Казахстан. Алматы, 2010. 25 с.
36. *Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. 160 с.
37. *Ермаков Ф. К.* Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Удм. НИИ ист., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: 1976. С. 83–87.
38. *Ефремов Д. А.* Имя прилагательное в удмуртском языке. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2009. 124 с.
39. *Жуйков С. П.* Учебник удмуртского языка для русских ФЗС и ШКМ 5 и 6 года обучения. Ижевск: Удм. гос. изд-во, 1933. 117 с.
40. *Имайкина М. Д.* Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Тарту, 1968. 27 с.
41. *Исанбаев Н. И.* Деепричастия в марийском языке // Современный марийский язык: Морфология / Мар. НИИ яз., лит. и ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
42. *Калинина Л. И.* Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. 182 с.
43. *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка (= Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 2). Тарту, 1997. 224 с.
44. КГОУЯ – Алатырев В. И., Ефремов Д. А., Кондратьева Н. В. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров,

Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов;
Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. С. 827–868.

45. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

46. *Кельмаков В. К.* Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте: Препринт. Ижевск, 2000. 72 с.

47. *Кельмаков В. К.* Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001а. 140 с.

48. *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского языкознания / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2001б. 232с.

49. *Кельмаков В. К.* К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2002. 445 с.

50. *Кельмаков В. К.* Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 140 с.

51. *Кельмаков В. К.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом “Удм. ун-т”, 2008. 420с.

52. *Колегова Н. А.* Наречие // Современный коми язык. Ч. I.: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. С. 250–261.

53. КПЯ – Коми-пермяцкий язык: Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. 340 с.

54. *Кривошекова-Гантман А. С.* Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского

языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозаводский Ин-т ЯЛИ. М.– Л.: Наука, 1964. С. 112–121.

55. *Кротовъ 1785* – Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

56. *Кубрякова Е. С.* Что такое словообразование. М.: Высшая школа, 1965. 76 с.

57. КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с. (Переиздание с дополнением).

58. *Ломоносов М. В.* – Россійская грамматика Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года 1755 года. 213 с.

59. *Лудыкова В. М., Федюнева Г. В.* Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. Науч. изд. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. 171 с.

60. *Лыткин В. И.* Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь / АН СССР. Институт языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.

61. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР. Институт языкознания. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

62. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык Ч I. Введение. Фонетика. Морфология / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 304 с.

63. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык Ч II. Грамматическое словообразование / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 227с

64. *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1979. 264 с.
65. *Милославский И. Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. 254 с.
66. *Миндиашвили М. Р.* Функциональная характеристика слов-предикативов в английском языке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bankrabort.com/work/work_37195.html
67. *Могилинъ 1786* – Могилин М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям Л. Е. Кириллова; Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
68. *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 343 с.
69. *Некрасова Г. А.* Инструменталь (Творительный падеж) в пермских языках. Сыктывкар, 1997. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; Вып. 388).
70. Обратный словарь удмуртского языка: Ок. 46000 слов (Р. Ш. Насибуллин, В. Ю. Дудоров / Под ред. Р. Ш. Насибуллина). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 1992. 243 с.
71. ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1974. 484 с.
72. *Перевозищев П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексика, морфология) // Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1948. С. 369–446.
73. *Перевозищев П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь: Ок. 40 000 слов / Удм. НИИ ист., яз. и лит. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1956. С. 1271–1360.

74. *Перевощиков П. Н.* Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.

75. *Перевощиков П. Н.* Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева и Р. И. Яшиной. Ижевск, 1980. С. 38–123.

76. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Наука, 1956. 420 с.

77. *Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык: Учебник для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. М.: РОПО «Древо добра», 2001. 288 с., илл.

78. *Поздеева А. А.* Удмурт кыл грамматика. I люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 207 б.

79. *Пономарев К. А.* Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: Сб. статей / Удм. НИИ ист., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск: 1976. С. 5–14.

80. *Попов А. Н.* Краткая грамматика греческого языка: Пособие для уч-ся средних и высших учебных заведений. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. 199 с.

81. *Птицын А.* Грамматика шведского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.sweden4rus.nu/rus/info/grammatik/chasti_rechi3.asp#narechie

82. *Пылма В. А.* Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. АН СССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1967. 47 с.

83. *Пяль Э.* Учебник эстонского языка. Таллин: Эст. гос. изд-во, 1955. 310 с.

84. Русская грамматика – Русская грамматика. Т I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.

85. Русский язык – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. А. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая энциклопедия; Дрофа. 1997. 704 с.

86. Сахно Е. М. Местоимения, категориально соотносительные с обстоятельственными наречиями, в системе ономаσιологических средств выражения языковых смыслов // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. Т. 1. С. 197–200.

87. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

88. Скобелев Н. А., Пономарев Ф. Ф. Удмуртский язык. Грамматика и правописание для школ малограмотных. Ижевск: Удмгосиздат, 1934. 112 с. (на удмуртском языке).

89. СКЯ – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.

90. СМЯ – Современный марийский язык: Морфология / Марийский НИИ яз., лит. и ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

91. Соколов С. В. Пышкылон (звукоподражательной) кыльёс но междометиос // Вордскем кыл. 1996. № 4. С. 69–73.

92. Соколов С. В. Пышкылон (подражательной) кыльёс // Туала удмурт кыл: Юрттӥсь (служебной) вераськон люкетъёс: Студентъёслы дышетскон пособие. Азьпечатлос / Удм. кун ун-т. Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2004. 30–34-тӥ б.

93. Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ

ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17].

94. СРЯ – Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н.. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учеб. для студ. вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2003. 464 с.

95. Суханова В. С. Деепричастные наречия в коми языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1951. 32 с.

96. Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 148–166.

97. Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1975. Сб. ст. С. 169–190.

98. Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981. 105 с.

99. Тараканов И. В. Туала удмурт кыл лексикология (= Лексикология современного удмуртского языка). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 140 с.

100. Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Jyväskylä, 1996a / Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. С. 220–223.

101. Тараканов И. В. Удмурт кылын прилагательной тодметлэсь макем луэмзэ возьматӥсь категория // Вордскем кыл. 1996 б. № 4. 67–70-тӥ б.

102. Тараканов И. В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 216–220.

103. *Тараканов И. В.* Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.

104. *Тараканов И. В.* К вопросу о классификации разрядов местоимений в пермских языках // Тараканов И. В. Удмуртский язык: становление и развитие: Сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 113–119.

105. *Тепляшина Т. И.* О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозаводский ин-т ЯЛИ. М.-Л.: Наука, 1964. С. 136–145.

106. *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып 21: Филология. С. 156–196.

107. ТГСЯЯ – Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. М.: Высш. школа, 1981. 285 с.

108. *Трощева М. П.* Наречия в современных мордовских языках. Автореф. ... канд. филол. наук. Тарту, 1969. 24 с.

109. УРС – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. М: Рус. яз., 1983. 592 с.

110. *Федина М. С.* Повтор как способ выражения усиления и интенсивности в коми языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки) 2–5 февраля 2000 г. / Правительство Респ. Мордовия, МНИИЯЛИЭ, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева: Редкол. М. В. Мосин (отв. ред.), Н. С. Алямки, Д. В. Цыганкин и др. Саранск: Тип. «Крас. Окт», 2000. С. 295–297.

111. *Федюнева Г. В.* Структурные типы коми наречий // Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Узловые проблемы

современного финно-угроведения» (Йошкар-Ола, Республика Марий-Эл, 14-18 ноября 1994г.). Йошкар-Ола, 1995а. С. 401–404.

112. *Федюнева Г. В.* Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикография коми языка / Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН. Вып. 58. Сыктывкар, 1995б. С. 99–122.

113. *Федюнева Г. В.* К вопросу идентификации коми наречий // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Juväskylä, 1996. Pars V. S. 30–35.

114. *Федюнева Г. В.* Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.

115. *Цыпанов Е. [А.], Андреева Л. [А.]* О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // LU. – 2010. – № 2 (XLVI). С. 102–111.

116. Части речи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://referatiya.ru/referaty/show_referat.php?referat=22678

117. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

118. *Шахматов А. А.* Из «Синтаксиса русского языка» // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Гос. учеб.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 29–138.

119. *Шкляр И. А.* Пропедевтическое изучение наречия как единицы языка и речи (Первая ступень двенадцатилетней школы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mirrabort.com/work/work_50731.html

120. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку / АН СССР. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 63–84.

121. *Юдакин А. П.* Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков: (Становление системы падежей). Москва: «ГЛАС», 1997. 391 с., схемы, илл.

122. Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: Элементарная грамматика вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1927. 87 б.
123. Aminoff T. G. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos. Julkaissut Yrjö Wichmann // JSFOu. 1986. 2 (XIV). P. 1–48.
124. Bátori I. Wortzusammensetzung und Stammensetzung im Syrjanischen mit Berücksichtigung des Wotjakischen. Ural-altaische Bibliothek. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1969. 170 S.
125. Fuchs D. R. Über die adverbialen zahlwörter im syrjänischen // FUF. 1913. XIII. S. 6–22.
126. Fuchs D. R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1949. XXX. S. 147–230.
127. Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 47) / Удмурт диалектъёс (Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. “Удмурт вераськетъёс” 2). Turku; I Qevsk / Турку; Ижевск, 1994. 368 s.
128. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.
129. Raun A. Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1951. XXX. S. 376–389.
130. Ravila P. Über das finnisch-ugrische komparativsuffix // FUF. 1937. XXIV. S. 29–58.
131. Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901. V + 134 S.
132. Wichmann Y. Etimologisches aus den permischen sprachen // FUF. 1914. XIV. S. 81–120.
133. Wichmann Y. Zur permischen grammatik // FUF. 1924. XVI. S. 146–163.
134. Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

135. *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

136. *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 S.

137. *Wiedemann F. J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884. 255 S.

138. *Wiedemann F. J.* Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch. St.-Petersburg, 1865. 261 S.

139. *Veenker W.* Verzeichnis der wotjakischen Suffixe und Suffixkombinationen. Hamburg, 1976. 81 S.

Источники исследования

Ал. Мир. Куж. – Миронов А. С. Кескич ужзы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 43–53.

Ал. Мир. Гд. – Миронов А. С. Гудырьян дырья // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 53–60.

А. Оки, Онш. – Ашальчи Оки. Онисьлэн шудэз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 22–23.

А. Увар., ПМкм. – Уваров А. Н. Пересь Мадейлэн кылбураса мадемъёсыз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 331–342.

Б. Вахр., Шкк. – Вахрушев Б. Шокчиз кысык кӧрык // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 309–322.

В. Смир. В. – Смирнов В. Е. Вожвыльясъкон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 329–343.

Вуюись – Вуюись: Альманах. (Туала егитъёслэн творческой ужъёсы). Ижкар, 2003. 112 б.

В. Шир. Мк. – Широбоков В. Г. Мемилэн куараез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 344–346.

В. Шир., Лс. – Широбоков В. Г. Лъӧмпу сяськаяське // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 347–355.

Г. Вер. – Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда. СПб, 1889.

Г. Дан., Усв. – Данилов Г. Д. Улмопу сяськаян вакытэ // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 210–213.

Г. Крас. Вю. – Красильников Г. Д. Вуж юрт: Дилогия. Ижевск, 1976. 412 с.

Г. Крас., Кмк. – Красильников Г. Д. Кошкисез мед кошкоз // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

Г. Крас., Кц. – Красильников Г. Д. Куиньмой цоже // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 22–32.

Г. Крас., Ок. – Красильников Г. Д. Оксана // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 32–39.

Г. Мед., Яр. – Медведев Г. С. Ярдурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 82–94.

Г. Мед., Вд. – Медведев Г. С. Выль дунне // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 100–113.

Г. Мед. Л. – Медведев Г. С. Лулпыжет // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 113–117.

Г. Пер. Нз. – Перовошиков Г. К. Нимысьтыз задание // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 101–121.

Ев. Самс. Арк. – Самсонов Е. В. Арама кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 285–294.

Ев. Самс. Сан. – Самсонов Е. В. Солдатлэн анаез // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 294–306.

Ив. Дяд. Бк. – Дядюков И. Т. Бадьпуос куашето // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 61–64.

Иг. Гавр. Вп. – Гаврилов И. Г. Вордһськем пальёсын. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 с.

Иг. Гавр. Шп. – Гаврилов И. Г. Шудо пумиськон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 209–217.

Иг. Гавр. Й. – Гаврилов И. Г. Йыромон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 220–238.

Иг. Гавр. Г. – Гаврилов И. Г. Гвардеецъёс: Повесть, войны вылтӥ гождям
дневник но гождэтӥёс / Дасяз А. А. Ермолаев. Ижевск: Удмуртия, 1993. 232 с.

К. Герд, М. – Кузедбай Герд. Матӥ // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 10–19.

Кенеш – Литературно-художественный и общественно-политический
журнал «Кенеш».

К. Кул. С. – Куликов К. И. Сэдык // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 245–261.

К. Лом., ВэнО. – Ломагин К. Е. Вождэ эн вай, Окыль // Выль дунне.
Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991.
С. 224–229.

К. Лом., Пк. – Ломагин К. Е. Пазыгиськем кизилиос // Выль дунне.
Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991.
С. 229–233.

К. Митр. Сз. – Кедр Митрей. Секыт зӥбет. Ижевск: Удмуртия, 1973. 148 с.

К. Митр., В. – Кедр Митрей. Вожмин // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.

М. Вор., Тв. – Воронцов М. С. Тонэ вिति // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 189–208.

М. Иван., Нмсбв. – Иванов М. Нош мынам сад-бакчае вань // Выль
дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия,
1991. С. 323–330.

М. Кельд., Б. – Матвей Кельдов. Бегентыло // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 65–81.

М. Кон., Л. – Коновалов М. А. Лӥзи // Выль дунне. Удмурт верос:
Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 118–140.

М. Кон. Куӧв. – Коновалов М. А. Кизилитэм уйёс ӧвӧл = Нет ночей без
звезд: Роман, рассказы, статьи, воспоминания, письма / сост. Ж. М. Баранова,
М. В. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 2005. 360 с.: вкл. (На удм. и рус. яз.).

М. Лям. Б. – Лямин М. А. Бертон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 178–184.

М. Петр., Вп. – Петров М. П. Ваче пинь // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 141–153.

М. Петр., Вк. – Петров М. П. Вить кышкасьтэмъёс // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 154–166.

М. Петр., Ш. – Петров М. П. Шумпотон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 166–177.

Н. Байт. Ккул. – Байтеряков Н. С. Куинь кызыпуос улын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 310–314.

Н. Бел., П. – Белоногов Н. Е. Пус // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 262–280.

Н. Вас., Кта. – Васильев Н. В. Кин тон, атай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 70–89.

Н. Самс., Чач. – Самсонов Н. Я. Чоръяло атасъёс Чуньышурын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 177–182.

Н. Самс., Канк. – Самсонов Н. Я. Капка азяд ньыль кызыпуэд // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 182–190.

Н. Самс., Бчв? – Самсонов Н. Я. Бурмоз-а чигем вай? // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 190–197.

П. Куб., Т. – Кубашев П. Н. Таня // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 234–244.

П. Кул., Зч., – Куликов П. В. Зарни чорыг: Повестьёс, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1992. 224 с.

П. Позд., Уск. – Поздеев П. К. Утыны сһзым кырһан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 154–168.

П. Позд., ДОл. – Поздеев П. К. Даньвыр Олексан // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 168–177.

П. Черн., Снн. – Чернов П. К. Сһзыл нуналэ нюлэскы // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 122–128.

П. Черн., Мӧзм. – Чернов П. К. Мӧзмон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 128–138.

П. Черн., Тп. – Чернов П. К. Тӧды пыдвыл // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 138–143.

Р. Вал., Ча. – Валишин Р. Г. Чырс арьян // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 40–48.

Р. Вал., Уп. – Валишин Р. Г. Узвесь пыры // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 48–57.

С. Самс. В. – Самсонов С. А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

С. Самс., Мвс. – Самсонов С. А. Можвайын вал со // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 58–69.

С. Ших. Тув. – С. Т. Шихарев. Тае ум вунэтэ. Ижевск: Удмуртия. 1965. 96 с.

С. Ших. М. – Шихарев С. Т. Мина // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 254–270.

С. Ших. Огыб. – Шихарев С. Т. Огпол ыбыса // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 271–276.

Т. Арх. Опп. – Архипов Т. А. Одӱг пол приёмын // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 185–188.

УД – общественно-политическая газета «Удмурт дунне».

Удмурт литература – Удмурт литература: 6-тӱ класслы учебник-хрестоматия / Дасязы Г. А. Ушаков, В. Л. Шибанов. Ижевск: Удмуртия, 2003 с.: ил

Уль. Бадр. Млц. – Ульфат Бадретдинов. Мар луоз цуказе: Веросьёс но пьеса. Ижевск, 1991. 63 б.

Ф. Пукр. М. – Пукроков Ф. П. Макмыр // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г. В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 281–295.

Приложение 1

Список слов, отнесенных к наречиям в “Сочинения принадлежащія къ грамматикъ вотскаго языка” (1775).

<i>Кызи</i>	какъ
<i>ози</i>	такъ
<i>сотусьёмъ</i>	такъ же
<i>кэнб, мында</i>	елико, сколь, коль
<i>ятјръ, ятыргёмъ</i>	много, поболше
<i>поқи, покцигёмъ</i>	меньше, поменьше
<i>ици</i>	мало, не много
<i>солэсянà</i>	особливо
<i>нимáзъ</i>	поразнь
<i>тужгёмъ</i>	очень, весьма
<i>тамында</i>	только
<i>сомында</i>	столь
<i>быдэскынъ</i>	совсемъ
<i>унò</i>	много, обильно
<i>покцигёмъ</i>	по маленьку, вкратцт
<i>кальлénъ и каллénгёмъ</i>	по тихоньку, тихо
<i>весьци</i>	мтлко
<i>лазскъ</i>	въ водт мтлко
<i>мырдénъ</i>	чуть, насилу, едва
<i>кемà</i>	долго
<i>кемагсмъ</i>	долгонько, подолте
<i>дзецкёмъ</i>	полутче
<i>оò или óзи</i>	да, такъ
<i>зёмъ, ози, сяменикъ</i>	подлинно, всеконечно, истинно
<i>укатайкъ</i>	наипаче, паче
<i>секјтъ</i>	тяжело
<i>каци</i>	легко
<i>шонёръ или зёмъ</i>	правда
<i>эвслъ</i>	нмтъ
<i>нокизино</i>	никакъ
<i>нимáръ сямénно</i>	ни коимъ образомъ
<i>алдауръ</i>	напрасно
<i>сомындагинеà</i>	не только ли
<i>нокызино номјрно</i>	отнюдь, нимало, ничего
<i>валіе</i>	вмстт, вообще, купно
<i>куспáмъ</i>	межъ собою
<i>быръитскъ</i>	безъ разбору
<i>покцигёмъ пунјс</i>	вкратцт
<i>одыгёнъ дыръя</i>	на единт
<i>одјккатъ</i>	равно
<i>чочкјтъ</i>	равно на земли
<i>сóгине</i>	только
<i>эсепъ картукъ</i>	не разсудно

<i>туннт</i>	днесъ, нынт, сево дни
<i>али</i>	теперь
<i>ужсѣо</i>	уже
<i>чукáзе</i>	заутра
<i>джѣтъ</i>	поздно
<i>кун4</i>	донелт, дондеже
<i>уажѣкъ дѣрѣя</i>	древле, въстарину, искони
<i>толóнъ</i>	вчера
<i>азлѣ5ль</i>	прежде, первме
<i>отјсь</i>	оттолт, оттуда
<i>чукна</i>	рано, по утру
<i>курытъ</i>	горько
<i>тат5нъ</i>	здѣсь
<i>татѣи</i>	сюда
<i>отјнъ</i>	тамъ
<i>мызóнъ, азѣнъ</i>	индѣ
<i>пучкáзъ</i>	внутри
<i>вылјнъ</i>	горт, въ верху
<i>улјнъ</i>	въ низу
<i>матынъ</i>	близъ
<i>кыдѣокјнъ</i>	далече
<i>азьлá палынъ</i>	въ переди
<i>пунѣтъ</i>	противу
<i>мыдм5дъ палысь</i>	обоюду, отвсюду
<i>татјсь</i>	отсюду
<i>кышыськѣно</i>	откуда ни будь
<i>берлáпалысь</i>	со зади
<i>отѣи</i>	туды
<i>кытѣикѣно</i>	куды ни есть
<i>пóтъ</i>	вонъ поди
<i>цѣрѣру, тужъ цѣберъ</i>	хорошо, изрядно, прѣтно
<i>тодѣ</i>	бѣло
<i>юг5тъ</i>	свѣтло
<i>шулдѣрѣ</i>	весело
<i>вóжъ</i>	зелено
<i>сѣдъ</i>	черно
<i>цѣжъ</i>	желто
<i>лјзъ</i>	синѣо
<i>кѣзъ</i>	долго
<i>пеньмјтъ</i>	темно
<i>напъ</i>	густо
<i>псѣ</i>	горячо
<i>ксѣ</i>	сухо

<i>котъ</i>	мокро
<i>небѣтъ</i>	мягко
<i>цюрѣтъ</i>	жестоко
<i>уродъ</i>	худо
<i>визмѡ</i>	разумно
<i>цэскѣтъ</i>	сладко
<i>мудирѣ</i>	мудро, мудрено
<i>буръ палскутъ</i>	правую сторону держи
<i>котѣрь, котыраъ</i>	окрестъ
<i>шарѡ</i>	явно
<i>лучкѣнъ воруитѣъ</i>	тайно, воровски
<i>цѣль</i>	скоро
<i>пыраъ или пыртѣъ</i>	сквозь
<i>шѣръ</i>	рѣдко, изрѣдка
<i>пертсмъ</i>	многообразно
<i>кѣкъ куинъ</i>	сугубо, двояко
<i>тѣжъ окмѡъ</i>	довольно будетъ
<i>эжотснъ</i>	по части, по немногу
<i>уноѣнъ</i>	по многу
<i>одѣкъ полъ</i>	единою, единожды
<i>кѡкъ полъ</i>	дважды
<i>квѣнъ полъ</i>	трижды
<i>нѣль полъ</i>	четырежды
<i>вѣтъ полъ</i>	пять разъ
<i>сѣполъ</i>	сто разъ, стократно
<i>сѡлыбѣрысь</i>	по семь, послѣ того
<i>палѣнъ</i>	прочь
<i>артѡ</i>	рядомъ, по ряду
<i>ношна</i>	паки, еще
<i>алдауръ</i>	ложно, напрасно
<i>марлыкѣно</i>	чему не быть
<i>манѣ на</i>	почто, за что, чего ради
<i>сюльмѣсь</i>	усердно
<i>ятырдѣмъ</i>	паче, больше
<i>мызѡнъ сямѣнъ</i>	иначе
<i>кытѣсь</i>	откуда
<i>кѡтѣи</i>	куда
<i>ку</i>	когда
<i>кытѣѡъ</i>	доколѣ
<i>сѡку</i>	тогда
<i>ѡ</i>	или, ли
<i>тужгемъ цѣбѣръ</i>	весьма хорошо
<i>шеттѣкъ шорысь</i>	внезапу, нечаянно

<i>мызѡнъ</i>	въ протчемъ
<i>я</i>	ну
<i>ой или обебъ</i>	ой больно

Приложение 2

Список слов, отнесенный к наречиям в “Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года”.

<i>арлѣбыде</i>	ежегодный и ежегодно
<i>артѣ</i>	вообще, общій, смѣжный
<i>асмактазъ</i>	безъ ума какъ скотина
<i>аску или аскѣ</i>	завтра
<i>асла́мъ сямѣнь</i>	побратски
<i>асъ-визмынѣзъ</i>	наизусть
<i>бенъ кинъ кинъ</i>	аименно
<i>берѣнь</i>	назадъ
<i>берлапаласъ</i>	позади
<i>берѣсь</i>	позади
<i>бура́зъ</i>	направо
<i>быдестѣмъ</i>	совершенно
<i>быттырѣзъ</i>	совсем, до основания
<i>валаса</i>	совниманіемъ
<i>велѣсь</i>	теперь, вновь
<i>вожъ лыктѣмъ</i>	гневно
<i>возитѣкъ</i>	безстыдно
<i>всякой паласъ</i>	отвсюду
<i>вылѣзъ</i>	вновь
<i>вылѣнь</i>	выше
<i>выць</i>	все
<i>гинѣ</i>	только
<i>данакъ</i>	до основанія
<i>джог гинѣ</i>	вѣмигъ, поспѣшно
<i>джокѣтъ</i>	душно
<i>дзець быръѣмъ</i>	преизбранно
<i>дзець мылкѣтъ понна</i>	добровольно
<i>долакъ</i>	дооснованія
<i>дуг дытѣкъ</i>	непрестанно, непрестанный
<i>дырѣзъ дырья</i>	вовремя, благопретянно
<i>ѣжѣтъ</i>	отчасти
<i>жалятѣкъ</i>	нежалостно
<i>зекъ яскыса</i>	гордо
<i>земъ</i>	нешутя
<i>земъ земъ</i>	конечно
<i>золъ</i>	крѣпко
<i>исаскытѣкъ</i>	безшутокъ
<i>јицигинѣ</i>	маленко, немношко
<i>јициѣнь</i>	помалу, отчасти
<i>јициѣнь јициѣнь</i>	понемножку
<i>калгинѣ</i>	теперь, только
<i>калѣкъ сямѣнь</i>	по народному обычаю

каль	нынт, теперь
канилѣнь	нескоро, тихо, потихонку
капціѣнь	легко, слегка
каръ нуналъ	по(?)я дни
квинл(?)	натри части
кемà	долго
кемà карысà	продолжительно
кемалàсь нì	давно уже
кемалàсь эвыль	недавно
кем	умтренно
кìувацè	немалое время, въ скоромъ времени
котрàтъ	отосюду
кот5рь	около, кругомъ
ку	когда
куднялà	доколт
кудъ дырья	временемъ
кузмасà	даромъ
кукенò	когда нибудь, нткогда
кулытèкъ	безсмертно
кыдіòкынгéмъ	далте
кыдіòкысéнь	издалека
кыдіòкјсь	издали
кызи	какъ
кызи ози	какъ такъ
кызикенò или кызикè кызикè	как нибудь
кызъпòль	дватцатью
кыйкан-сямèнь	звтрски
кыкъпòль	дважды
кыстјсь кенó	откуда нибудь
кытјнь	гдт
кытынъкé	негдт, ежели гдт
кытынъкéно	гдт нибудь
кытјсь	откуда
кыци	куда
кытциóзь	докоторыхъ мтсть, до колт
кышинò сямèнь	женски, поженски
лекóсь ййци	мало очень
лучкèмъ	украдкою
лэсянà	опричь, кромт
люкасà люкасà	кучами, грудно
лякјтъ кыллзмъ вуремъ	краснортчиво
макé дырья	въ нткоторое время
манергè	какимъ образомъ

<i>маръкенó</i>	что нибудь
<i>матјсѣ</i>	изблизи, изблиска
<i>могасá</i>	медленно
<i>могатскѣ</i>	немедленно
<i>музòнъ</i>	впрочем
<i>мукѣтъ азé</i>	инуда
<i>мукѣтъ азѣнъ</i>	инде
<i>мукѣтъ интіазѣсѣ</i>	изъ инова мѣста
<i>мукѣтъ палà</i>	въ иную сторону
<i>мукѣтъ сямѣнъ</i>	иначе, инымъ образомъ
<i>мукѣтѣкъ</i>	ненарочно
<i>мыль-кыдàмъ</i>	пожеланию
<i>мырдѣнъ</i>	насилу, чуть едва
<i>мырдѣнъ мырдѣнъ</i>	едва не
<i>мырдѣнъ ни</i>	насилу, еще, едва еще
<i>мырдѣяса</i>	насилъно
<i>ниль полъ</i>	четырежды
<i>нимàзъ</i>	порознь, особливо, особно
<i>нимјнъ нимјнъ</i>	аимянно, поименамъ
<i>нокытынънó</i>	нигдѣ
<i>ношнà</i>	ещежъ
<i>ношнабѣнъ</i>	но еще
<i>ношнàно</i>	еще, и
<i>огъпòлъ и оградѣ</i>	однажды
<i>огъг</i>	заодно
<i>одыгѣнъ</i>	поодному
<i>озѣ</i>	такъ
<i>озѣ кызи</i>	такъ, какъ
<i>озьтàзъ</i>	всячески
<i>окмòзъ</i>	довольно
<i>оллó</i>	иногда
<i>оллокенб полъ</i>	нѣсколько разъ
<i>оллò керѣкъ</i>	можетъ быть
<i>оллò кудъ дырья</i>	въ нѣкое время
<i>орцѣтъ</i>	чрезмѣрно, лютой, жестокой
<i>орцѣбнъ сямѣнъ</i>	мимоходомъ
<i>осконò</i>	вѣрно
<i>отынѣкъ</i>	тамъгдѣ
<i>от5нъ</i>	тамъ
<i>отынънò тотыннò</i>	итакъ и сякъ, то такъ, то иначе
<i>от5сѣ</i>	оттуда
<i>отц5</i>	туда
<i>отц5икъ</i>	тудаже

<i>пастанà</i>	вездѣ
<i>педлагнѣ</i>	снаружи, извне
<i>педлò</i>	вонѣ
<i>педлòнѣ</i>	надворѣ
<i>поқцїиѣ</i>	помалу
<i>праказè</i>	вѣчно
<i>приданкатèкъ</i>	безприданова
<i>пумàзѣ</i>	наконецѣ
<i>пумитàзѣ</i>	навстрѣчу
<i>пумѣбмѣ</i>	вконецѣ
<i>пунемèнѣ</i>	взаимно
<i>пучкàзѣ</i>	внутри
<i>синқыртыштысà</i>	въ мигѣ
<i>соберè</i>	потомѣ
<i>соинàзѣ</i>	въ томѣ самомѣ
<i>со куспїнѣ</i>	между тѣмѣ
<i>суратèкъ</i>	безпримѣсу
<i>сюлмаскитèкъ</i>	безсомнѣнія
<i>сямèнѣ</i>	известно, наподобіе, вправду, подлинно
<i>сямѣ</i>	правда, такѣ
<i>сямò сямò</i>	воистину, всекончно
<i>тад5рѣ озѣ</i>	доселѣ
<i>тадырѣб</i>	понынѣ
<i>тазѣ</i>	такѣ
<i>тапалàнѣ</i>	посю сторону
<i>тапалтї</i>	позднѣшнюю сторону
<i>татї</i>	сюда чрезѣ сіе мѣсто
<i>татизè</i>	отнынѣ
<i>тат5нѣ</i>	здѣсь
<i>тат5сѣ</i>	отсюда
<i>татцї</i>	сюда
<i>татцї озѣ</i>	до сихѣ мѣстѣ
<i>текѣ токмà</i>	всеу
<i>толалтè</i>	зимоу
<i>толòнѣ</i>	вчера
<i>трòсѣ</i>	довольно, изобильно
<i>тужѣ</i>	весьма, очень
<i>тужѣ иър5 курѣ</i>	(?)дно
<i>тужѣ лесїòн</i>	наипаче
<i>туннè</i>	сего дня
<i>тусѣт4мѣ</i>	некрасно, некрасиво
<i>тынѣ</i>	вотѣ

<i>тямысь пòль</i>	осмью
<i>увазьна́ль</i>	третьега дня предъ. днемъ
<i>увалѣнь</i>	прежде
<i>увамена́къ</i>	на крестъ, поперекъ, напротивъ
<i>уватицѣнь</i>	напротивъ, противъ
<i>уйбѣтъ или уйбыта́къ</i>	чрезъ всю ночь
<i>улла́нь</i>	ниже
<i>уссѣ</i>	послѣ завтра
<i>утитѣ́къ</i>	безразбору
<i>уцѣ́раса</i>	послучаю
<i>цяка́къ</i>	равно какъ, точно
<i>чаль</i>	тотчасъ
<i>ч(?)акъ</i>	спѣшно, скоро весьма
<i>чемъ, чемъ</i>	часто очень
<i>шонера́мъ</i>	исправно
<i>шониртѣ́мъ</i>	неправо
<i>шудѣ́зь</i>	напользу
<i>шудѣ́мъ</i>	впользу
<i>шумѣ́потыса</i>	съ охотою
<i>эжотѣ́зъ</i>	мало ли
<i>яла́мъ</i>	всегда
<i>ялла́мъ кадѣ</i>	всегда почти
<i>яты́ргѣ́мъ</i>	побольше
<i>ятѣ́рь поль</i>	многократно

Приложение 3

Список слов, отнесенных к наречиям в “Краткой отяцкія грамматики опытъ” М. Могилина (1786).

<i>огнязь</i>	такъже, одинако
<i>кенг</i>	сколь
<i>сомында́</i>	столь, толь
<i>ятѣрь</i>	много
<i>ятыр-гѣмъ</i>	поболше
<i>унó, тужъ</i>	очюнь, весма
<i>дурустѣмъ или дуръстемъ</i>	чрезвычайно
<i>ицѣ, ежѣотъ</i>	мало
<i>ежетьгѣмъ</i>	маленко
<i>мыдъ-мыдлáнь</i>	особливо, раздѣлно
<i>вылдѣ</i>	иногда
<i>огазѣ, чочъ</i>	вмѣстѣ, совокупно
<i>іѣнѣикъ</i>	совмѣстѣ
<i>канилѣнь, каньялѣнь</i>	тихо
<i>вецѣ</i>	мѣлко
<i>мырдѣнь, мырдѣникъ</i>	чуть, едва насилу
<i>кемá, далаикъ</i>	долго
<i>кемагѣмъ</i>	долгонко
<i>дзецъ</i>	хорошо
<i>яралóзь</i>	изрядно
<i>шонѣрь озъ</i>	право такъ
<i>шонеръ-вацягъ</i>	всёконечно
<i>сойзъ-увáнь</i>	сирѣчь, то-есть
<i>нимáзь</i>	имянно
<i>тазá</i>	щастливо
<i>узъ</i>	можетъ быть
<i>эвъель, эй, эзъ</i>	нѣтъ
<i>ейлó, угъ, умъ, узъ</i>	нѣтъ никакъ
<i>пракъ</i>	дандеже, до тѣхъ поръ
<i>чикъ эвъенни, эй</i>	ни мало, ничего
<i>куспѣнь, куспамъ</i>	межъ собой
<i>куспáдъ</i>	тоже
<i>чикъ-воскитѣкъ</i>	безъ разбору
<i>вацѣ-ежѣетъ</i>	вѣкратѣмъ
<i>огнѣмъ</i>	наединѣ
<i>оккáдъ, оккадикъ</i>	равно
<i>ойдо-лишъ</i>	лишъ-только
<i>лесянá</i>	кромя
<i>паллѣнь</i>	на лево
<i>берлáнь</i>	на право
<i>ярантѣмъ</i>	по дурному
<i>тунне</i>	сегодня
<i>каль</i>	теперь

<i>тань</i>	уже
<i>аскј, чуказе́</i>	завтра
<i>джитазе́, джитълапаль</i>	вечере, поздно
<i>увалліо́нь</i>	древле въ старину
<i>толо́нь</i>	вчера
<i>толонéзь-уваллгнь</i>	за день попрежде
<i>уссé</i>	послт завтра
<i>увалліонгéсь</i>	по прежде
<i>дунтéмь</i>	дешево, туне, безъ пошлинно
<i>велісь</i>	сперва, вново
<i>олласéнь</i>	оттолм
<i>кукéно</i>	когда ни есть
<i>татјнь</i>	здтсь
<i>отјнь, оциј</i>	тамъ, туда
<i>тацј</i>	сюда
<i>кыцј</i>	куда
<i>мукетазинь</i>	индт
<i>кытысéнь</i>	от и куда
<i>педласéнь</i>	извнт
<i>валла́нь</i>	вверхъ
<i>валлангéсь, вылегéсь</i>	повыше
<i>улла́нь</i>	внизъ
<i>улангéсь</i>	пониже
<i>матјнь, матé</i>	блиско
<i>кыдіокјнь, кыдіокé</i>	далече
<i>оллангéмь</i>	подалше
<i>азлó</i>	напередь
<i>шорјнь</i>	прямо, противу
<i>котра́къ</i>	обоюду, кругомъ
<i>татысéнь</i>	отсюду
<i>отысéнь</i>	оттуду
<i>кытысéнь-ке</i>	откудунибудь
<i>мыдъ-мыдласень</i>	отовсюду
<i>берласень</i>	созади
<i>азласень</i>	спереди
<i>татъ</i>	сюды
<i>отъ</i>	туды
<i>кытицј-ке</i>	кудынієсть
<i>педлó</i>	вонъ
<i>отъ-татъ</i>	туды-сюды
<i>отысь-татысь</i>	отюдь да отикудь
<i>берлань</i>	вспять обратно
<i>аяйцебéрь</i>	куда хорошо

<i>цеберосъ</i>	хорошенко
<i>шетемъ</i>	по дурному
<i>цяскѣтъ</i>	сладко
<i>пѣртѣмъ</i>	мудрено-право
<i>кѣтырь</i>	окрестъ, кругом
<i>синазинъ</i>	явно
<i>лушкѣмъ</i>	тайно, воровски
<i>цѣль, жогъ, серѣкъ, черѣкъ</i>	скоро, поспѣшно
<i>пырь</i>	сквозь
<i>токма</i>	напрасно, попустому
<i>шеръ</i>	реденко
<i>каръ-биръ-сямень</i>	многообразно, различно
<i>кыкъ-тети</i>	двойко, двократно
<i>окмозъ, окмизъ</i>	доволно
<i>цѣкъ-озѣкъ-лесъ</i>	такъ отчасти
<i>мултѣсъ</i>	по многу, сълишкомъ
<i>окпѣль</i>	однажды
<i>кыкъ-пѣль</i>	дважды
<i>квинъ-пѣль</i>	трижды
<i>ниль-пѣль</i>	четырежды
<i>вѣтъ-пѣль</i>	пять разъ
<i>сюпѣль</i>	сторицею, сотью
<i>соберѣ</i>	послѣ
<i>кудызъ-кудызъ</i>	протчѣе
<i>долакъ</i>	рядомъ
<i>нощъ, ныщнѣ, на</i>	еще
<i>бордѣзъ</i>	даже
<i>ку-кѣдырѣя</i>	по случаю, временемъ
<i>пылмъ</i>	ложно
<i>мѣрдѣникъ</i>	чему не быть, то и есть
<i>малѣ, марѣ, масѣ</i>	почто, за чѣмъ, чево ради
<i>сюлмѣсъ</i>	усердно, от всего сердца
<i>юнъ, тужъ</i>	паче, болѣе, болно, жестоко
<i>сямѣнъ</i>	право, истинно
<i>мукетъ-сямень</i>	иначе
<i>кудысъ</i>	откуда
<i>ку</i>	когда
<i>кытѣіозъ</i>	доколѣ
<i>со-ку, со-ку-дырѣя</i>	тогда
<i>со-понна, та-понна</i>	сегоради, вотъ для чево
<i>здругъ</i>	внезапу, нечаянно
<i>чукнѣ, чукначукъ</i>	поутру, рано
<i>увазнѣль</i>	третьево дни

<i>тызнáль</i>	оногдась
<i>солесъ-уссе</i>	послт завтра
<i>кыкъ-чіôчѣнъ</i>	въ двоємъ
<i>квинъ-чіôчѣнъ</i>	въ троємъ
<i>вितъ-чіôчѣнъ</i>	въ пятеромъ
<i>дасъ-чіôчѣнъ</i>	въ десятеромъ
<i>умой, яранó</i>	ладно, хорошо
<i>керъ</i>	страшно
<i>пунемѣнъ</i>	займообразно
<i>чемъ</i>	часто
<i>тумошó</i>	чудно, надиво
<i>беръ</i>	поздо
<i>толалтѣ</i>	зимусъ, т. е. прошедшей зимы
<i>орцемъ-тулјсъ</i>	веснусъ
<i>орцемъ-сизилъ</i>	осенесъ
<i>орцемъ-гужемъ</i>	лѣтось
<i>сябáсь</i>	рѣчь поздравительная въ компаніи за здравіе другъ друга
<i>кужмóлы</i>	богъ на помощь, говорится на роботах
<i>таі</i>	рѣчь благодарности

Приложение 4

Способы образования наречий в учебнике А. А. Поздеевой “Удмурт кыл грамматика. Нырысетӥ люкетэз. Фонетика но морфология 5 но 6 классъёслы” (1949).

265 уж. Гожъялэ но кӧняез возматӓсь наречиоссэ гожен тодмостылэ.

1. Со, ымзэ ӧжыт усътыса, каллен гинэ соргетыны кутске. 2. Мумиз Илья Ильичез трос пол чупаз. 3. Со кустын корка азын няняез адскиз, со Илюшаез ӧжыт-ӧжыт тинэ кутыны вуиз на. (Гонч.) 4. Пиналъёс сикозь вуизы но оген-оген губияны пыризы. 5. Огпол ми пичиеныз братэным, пыже пуксыса, кык километр кеме улэ васькаса, берлань тубим. 6. Ижевскын со кыктой улыз. 7. Оген будйсь писпуэз тӧл погыртэ.

266 уж. Гожъялэ но наречиоссэ гожен тодмостылэ. Вералэ, значениз кыче луэмзэс.

1. Чебер адске утялтыса бюджетэм етӓн. Быдэсак со лызлыз сяськаен согиськемын. Кыдӓкысен учкон дыръя лыз зарезь кожалод. Небыт тӧлъя, каллен гинэ вогырияса, со тулкымъяське.

2. Жытазе вакчияк собрание ортчытӓзы. Калык соку ик люкаськиз. Тросэз колхозникъёс, Миквор Педор вераськыку, интыязы ик пукыны ӧз чидалэ ни. Кутскизы кыкенкуинен ӧш вераны, азытэмъёсты тышкаськыны. Ӗжыт сӓялскем беразы, оген-оген веразы асьсэлэсь мылкыдзэс азыланьын ужев радъян сярись.

Т. Архипов.

114 §. Наречиослэн пӧрмемзы.

Наречиос пӧрмемзы но вераськон кылын кылдэмзы луо:

1. Мукет кылъёсысь, вераськонлэн мукет люкетъёсысьтыз, пӧрмытымтэ наречиос: *туж, укыр, токма, юри, ичи, пыр, вазь* но мукет.

2. Существительнойёслэсь пӧрмем наречиос:

а) лэсьтон падежлэн формаеныз: *пыдын, лекын, йыркурен, уин, люкен-люкен, кийыгыриен* но мукет;

б) интыян падежлэн *-ысь* формаеныз: *сюлмысь, кужмысь* но мукет;

в) *-быт* суффиксэн: *гужембыт, толбыт, уйбыт* но мукет;

г) *-скын, -сын, -кын* суффиксъёсын: *арняскын, нуналскын, арсын, часкын* но мукет.

3. Луонтя падежын местоимениос наречие значениен луо: *монъя, тонъя, соя, мия, тӓя, соосъя*.

4. Числительнойёслэсь пӧрмем наречиос:

а) *-ой (-ӓй), -ойсын (-ӓйсын)* суффиксъёсын: *кыктой, нӓылӓй, дасойсын, нӓылӓйсын*;

б) *-эн, -ен* падеж формаен: *оген, кыкен-кыкен* но мукет.

5. Наречиосысь ик выль значениен пӧрмем наречиос:
 а) **-ак (-як)** суффиксән: *ваменак, сэрытак, жогак, чалак* но мукет.
 б) **-эн (-ен)** суффиксән: *йошен, лушкемен, жожен, ва-зен* но мукет.
6. Качествоосты нимась кылтӥс, формаэс воштытӥк, предложение пыро наречие значениен: *умой, зеч, чебер, шулдыр, яркыт, зол, юн, лек, капчи, секыт* но мукет.
7. Качествоосты нимась кылтӥс бордысь **-тэм, -мыт, -ысь** суффиксыс: *умойтэм, лачмыт, выльысь* но мукет.
8. Дырез нимась кылтӥс, формаэс воштытӥк, предложение пыро наречие значениен: *гужем, сйзыйл, тулыс, йукна* но мукет.
9. Интыез нимась кылтӥс интыян падеж формаосын: *улын, вылын, дорын, азын, берын* но мукет. Озы ик **-ысь, -ысен, -э, -озь, -этий, -лань** кылпумтӥсын: *улысь, выль, азылань* но мукет.
- Та наречиос вераськон кылын шедьыло лицоез возматӥсь формаосын чӧш: *дорам, дораз, сьӧрамы, азыпалтӥмы* но мукет.
10. Действиез суредась междометнос выллем кылтӥсысь пӧрмем наречиос: *чильыр-р вазе нӱлэсын, жалыыр вия, йаштыр лыктэ, бугыр потэ* (чын), *лакыр сие* но мукет.
11. Междометнос выллем кылтӥсты ик кык пол вераса пӧрмытэм наречиос: *лучыр-лачыр вазиз, чильк-чалык вазе, жалтыр-жалтыр миське, жульыр-жалыыр пылаське, кезж-куаж кезяз* но мукет.
12. Кык кылысь пӧрмем наречиос: *котыкытысь, котыкытчы, нокытын, олокытын, вачепумит, азыпалан, берпалан, выллапалан, уллапалан, сьӧрпалан, огдыръя, куддыръя, олоку, ноку, котьку, нуназе, жытазе, собере, табере* но мукет.
13. Кыче ке радэн, системаен глаголӥсь признаксэ возматӥсь сложной (одӥг кылэз кык пол вераса пӧрмем) наречиос: *радэн-радэн мыно, кыкен-кыкен керттоно* но мукет.
14. Значенизэс кужмоятыны понна кык полэс верам наречиос: *вож-вож жужаз, этӥн лыз-лыз чимыя, выж юг-юг тӧдӧ миськемын, мырдэм-мырдэм вуи* но мукет.
 Озы ик: *мыд-мыдлань, мыд-мыдпалась, мыд-мыдпала, мыд-мыдпалан* наречиос.
15. Пумит луись значениен кылтӥслэсь (антонимтӥслэсь) пӧрмем наречиос: *пумтэм-йылтэм кыстӥське бусы, олань-талань шонаське, озы-тазы вераське, отын-та-тын, куке-соку* но мукет.
16. Дырез нимась кылтӥс борды послелог ватсаса пӧр-

мытэм наречисс: *нуназе бере, йуказе бере, арлы быдэ* но мукет.

17. Ялан ёош верано кылъёс наречие выллем значениен предложение пырыло:

а) интыян падежлэсь формаоссэ кутыса: *арысь аре, нуналысь нуналэ, йукнаысен жытозь, бёрсьысь бёрсьы, артысь артэ, дырыз дыръя* но мукет;

б) кык наречиос бордысь *ке* частицаен пörмыса, умой - умой тодымтээз возматйсь наречиос: *кызьы ке озьы, кытын ке отын, кытысь ке отысь, кытчы ке отчы, кытй ке отй, кудлань ке солань* но мукет;

в) отрицательной суффиксэн причастиос *шорысь, вылысь* кылъёсын ёош: *малпамтэ шорысь, витьымтэ шорысь, пыдын ветлымтэ вылысь* но мукет.

267 *вж*. Гожъялэ но наречиоссэ гожен тодмостылэ. Вералэ соослэсь пörмемзэс.

Куазьлэсь жоб кариськемзэ таёе тодметъёсья тодыны луэ:

Барометр уллань возматэ. Тöл кужмоя но огсыр пельтыны кутске. Пилем трос люкаське. Вылэтй жог ортчо тöдды пилемтёс, собере улэтйгес вуись пилемтёс вöльясько. Гужем, сайкыт чебер куазь дыръя, нуназелэсь азьло люкен-люкен вуэм пилемтёс жытпал уг кошко ни, инме оглом вöлмо. Уин лысву уг усылы. Толалтэ шунытгес кариське. Гужем температура уин но, нуназе но огкадь луэ. Омыр мукет луэ.

Куазьлэсь сзэйдйськемзэ таёе тодметъёс возматэ:

Омыр золгес зйбе но, барометр вылланы возматэ. Тöл воштыське но шуак пельтэ. Пилемтёс вискытй чагыр инбам адскылэ. Зор но лымы пумен лябгес усыны кутско. Толалтэ кезьыт луыны кутске (но котьку ик озьы уг луы). Гужем дыръя, куазь шулдырскыку, сйялэс луылэ. Нуназе но уин температуралэн пöртэмлыкез жутске. Омыр көсгес луэ.

115 §. Наречиослэн ёошатон формаоссы.

Прилагательнойёслэн сямен ик, наречиослэн но луэ ёошатон формазы. Наречиослэн ёошатон формазы прилагательнойёслэн кадь ик: *-гес* яке *-гем* суффиксэн.

1. *Ми котьмалэсь но кужмогес яратйськом асьмелэсь мусо Советской Родинамес.* 2. *Нылпиос матэгес* кариське, *нырысь партаос сёрры пуксе.* 3. *Куазь кезьытгес* кариськиз. 4. *Кыктэтй гудок калленгес* кеськиз, *нап но мускыто куараез дырекъятыса.* *Туннэ со, котьку сярысь, кемагес кеське кадь, нэнэлы потйз.* (Г.)

Наречие вöзы *туж* наречие ке ватсаське, соос возматэ